

ЦЕНТР ЗАЩИТЫ ПРАВ СМИ

**СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
ПО СВОБОДЕ ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЯ
И СВОБОДЕ ИНФОРМАЦИИ**

ТОМ 6

Воронеж
2009

УДК 341.645:341.231.14
ББК 67.910.822
СВ89

Редактор – Г. Ю. Арапова
Составители – Г. Ю. Арапова, С. И. Кузеванова,
М. А. Ледовских

Правовое редактирование – Г. Ю. Арапова

Перевод с английского Центра Защиты Прав СМИ
(М. Н. Залата, В. А. Бушин) и
Института проблем информационного права (г. Москва)

Художественное оформление - И. Ю. Ледовских

**С89 Судебная практика Европейского Суда по правам человека по
свободе выражения мнения и свободе информации, Т. 6/ Под
редакцией Г. Ю. Араповой. – Воронеж: ООО Фирма «Элист», 2009. –
208 с.**

ISBN 978-5-87172-019-6

В книге представлены переведенные на русский язык избранные постановления Европейского Суда по правам человека по свободе выражения мнения и свободе информации. Все представленные в данной книге постановления относятся к делам, где государством-ответчиком была Российская Федерация. В данном издании каждое постановление сопровождается кратким неофициальным изложением дела, помогающим ориентироваться в прецедентном праве Европейского Суда.

Книга предназначена для юристов, судей, журналистов, а также для всех, кто интересуется проблемами свободы выражения мнения, свободы информации и практикой Европейского Суда.

УДК 341.645:341.231.14
ББК 67.910.822

ISBN 978-5-87172-019-6

© Центр Защиты Прав СМИ, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Дело «Карман против России»	
Краткое изложение дела.....	8
Постановление Суда по делу.....	11
Дело «Чемодуров против России»	
Краткое изложение дела.....	28
Постановление Суда по делу.....	32
Дело «Джавадов против России»	
Краткое изложение дела.....	45
Постановление Суда по делу.....	48
Дело «Шабанов и Трень против России»	
Краткое изложение дела.....	60
Постановление Суда по делу.....	64
Дело «Дюльдин и Кислов против России»	
Краткое изложение дела.....	83
Постановление Суда по делу.....	87
Дело «Дюндин против России»	
Краткое изложение дела.....	104
Постановление Суда по делу.....	107
Дело «Годлевский против России»	
Краткое изложение дела.....	125

Постановление Суда по делу.....129

Дело «Кзаков против России»

Краткое изложение дела.....152

Постановление Суда по делу.....154

Дело «Сергей Кузнецов против России»

Краткое изложение дела.....167

Постановление Суда по делу.....171

Дело «Обухова против России»

Краткое изложение дела.....190

Постановление Суда по делу.....194

Предисловие

Вы держите в руках уже шестой по счету сборник постановлений Европейского Суда по правам человека, выпускаемый нашей организацией. На этот раз мы решили включить в него только постановления по делам, инициированными российскими гражданами против своего государства в связи с вопросом о потенциальном нарушении их права на свободу выражения мнения (гарантированного статьей 10 Европейской Конвенции). Для этого, на наш взгляд, есть несколько веских причин.

Во-первых, дата ратификации Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод перешагнула десятилетний рубеж. За это время скопилось достаточно решений против России, в том числе и по делам, затрагивающим свободу выражения мнения.

Во-вторых, российская судебная практика по делам о диффамации, неприкосновенности частной жизни и доступу к информации была вынуждена меняться и совершенствоваться, учитывая сложившуюся десятилетиями практику Европейского Суда и выработанные им прецеденты в этой области. Тем не менее, до сих пор остается острым вопрос повсеместного и «качественного» применения судьями, адвокатами, юристами и иными правоприменителями основных принципов свободы выражения мнения, выработанных Европейским Судом по статье 10 и обязательных к применению на территории всех стран, ратифицировавших Конвенцию.

В-третьих, именно постановления, вынесенные по российским делам, наиболее «близки» и понятны нашим юристам, в частности судьям. В них находят отражение и разрешение наиболее сложные проблемные вопросы законодательства о свободе выражения мнения и складывающейся правоприменительной, в том числе и судебной, практики.

Именно поэтому мы включили в настоящее издание 10 наиболее интересных постановлений по статье 10 Европейской Конвенции, вынесенных по делам против России.

Не лишним будет напомнить, что на важность применения Европейской Конвенции и принятые в ее толкование постановления Европейского Суда по правам человека указано в нескольких нормативно-правовых актах российского законодательства.

В 1998 году Государственная Дума РФ ратифицировала Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод. После 5 мая 1998 года данная Конвенция стала составной частью правовой системы РФ и подлежит прямому применению судами РФ. Кроме того, в иерархии источников права Европейская Конвенция о защите прав человека (как международный договор) и постановления Европейского Суда по правам человека, толкующие статьи Европейской Конвенции находятся непосредственно после Конституции РФ. В случае противоречия внутреннего законодательства Европейской Конвенции применяется Европейская Конвенция о защите прав человека (статья 15 Конституции РФ).

В статье 17 Конституции также закрепляется, что *«в РФ признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права ...»*. Это в равной степени относится как к свободе выражения мнения, так и к праву на защиту чести и достоинства.

На необходимость применения Европейской Конвенции о защите прав человека также указал Верховный Суд в своем Постановлении Пленума Верховного Суда «О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия» № 8 от 31 октября 1995 года говорится: *«Судам при осуществлении правосудия надлежит исходить из того, что общепризнанные принципы и нормы международного права, закрепленные в международных пактах, конвенциях и иных документах ... и международные договоры Российской Федерации являются в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации составной частью ее правовой системы. Этой же конституционной нормой определено, что если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора»* (п. 5). На обязательность применения статьи 10 и постановлений Европейского Суда обратил внимание Верховный Суд в другом Постановлении Пленума:

«Применительно к свободе массовой информации на территории Российской Федерации действует статья 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в соответствии с частью 1 которой каждый человек имеет право свободно выражать свое мнение.

При разрешении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует руководствоваться не только нормами

российского законодательства (статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации), но и в силу статьи 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. N 54-ФЗ "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней" учитывать правовую позицию Европейского Суда по правам человека, выраженную в его постановлениях и касающуюся вопросов толкования и применения данной Конвенции (прежде всего статьи 10), имея при этом в виду, что используемое Европейским Судом по правам человека в его постановлениях понятие диффамации тождественно понятию распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, содержащемуся в статье 152 Гражданского кодекса Российской Федерации».

Таким образом, статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод должна быть применена во всех делах, касающихся свободы выражения мнения.

Кроме того, данная норма Европейской Конвенции подлежит применению в делах по искам о защите чести, достоинства, деловой репутации к редакциям СМИ и журналистам, так как при наложении санкции, происходит ограничение свободы выражения мнения, свободы слова.

Свобода выражения мнения является основой существования и развития демократии. Если Россия претендует на создание такого политического режима, то обязана обратить особое внимание на правовые гарантии этой свободы.

Эффективное применение статьи 10 Европейской Конвенции возможно лишь при знании практики Европейского Суда, которая как живой организм идет в ногу со временем. Включенный в данное издание постановления по статье 10 приняты против России, соответственно наиболее близки российским правоприменителям, показывают взгляд Европейского Суда на правоприменительную практику именно в Российской Федерации. Надеемся, что сборник внесет свой вклад в позитивное развитие судебной практики и позволит сократить необоснованные ограничения свободы выражения мнения.

**Правовая служба
Центра защиты прав СМИ**

Краткое изложение дела

ДЕЛО «КАРМАН ПРОТИВ РОССИИ»

(Karman v. Russia)

(жалоба №29372/02)

Постановление Суда

Страсбург, 14 декабря 2006 года

Суть вынесенного решения: Имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); единогласно.

Краткое изложение обстоятельств дела:

В 1994 году Заявитель Карман А. В. опубликовал в газете «Городские вести» статью под заголовком «В слепом угаре». В указанной статье цитировалось стихотворение, передразнивающие еврейские фамилии, которое заявитель услышал на митинге РНЕ, организованном местным неонацистом Терентьевым. В статье рассказывалось о беседе Кармана А. В. с женщиной, которая на митинге выкрикивала указанное стихотворение. Также Карман А. В. критиковал социальное иждивенчество и поиск врагов.

Терентьев подал иск о защите чести и достоинства к Карману А. В. и редакции газеты «Городские вести», обжалуя то, что в статье его назвали «неонацистом».

Советский районный суд г. Волгограда удовлетворил иск.

Карман А. В. обратился в Волгоградский областной суд с кассационной жалобой. Волгоградский областной суд отменил решение суда первой инстанции и направил дело на новое рассмотрение.

При новом рассмотрении дела Карман А. В. заявил ходатайство о проведении комплексной лингвистической и социально-психологической экспертизы, которая бы изучила материалы, содержащиеся в десяти номерах газеты «КолоколЪ». Суд отказал в удовлетворении ходатайства.

В итоге суд удовлетворил иски требования. Однако в порядке надзора решение суда было отменено.

Дело было вновь рассмотрено районным судом, который так и не назначил экспертизу, о которой заявлял Карман А. В. В итоге районный суд взыскал в пользу Терентьева 30 000 рублей с Кармана А. В. и 15 000 рублей с редакции газеты. После кассационного обжалования решение вступило в законную силу.

Оценка Европейского Суда:

Суд признал, что имело место «вмешательство» в свободу выражения мнения, которое было «предусмотрено законом» и преследовало законную цель

Европейский Суд учел особое положение заявителя, который является журналистом и учредителем газеты. В связи с этим Суд указал:

«...пресса играет важнейшую роль в демократическом обществе. Хотя пресса и не должна преступать определенных границ, в частности, в отношении репутации и прав других лиц, тем не менее, долг ее состоит в том, чтобы сообщать — любым способом, который не противоречит ее обязанностям и ответственности, — информацию и идеи по всем вопросам, представляющим общественный интерес».

Европейский Суд также отметил, что исходя из того, что Терентьев организовывал митинг и выступал перед аудиторией с изложением своих взглядов, ища их поддержки, он должен терпимее относиться к критике в свой адрес.

Суд признал, что

«...статья была частью политической дискуссии по общественно-значимому вопросу».

Европейский Суд подробно проанализировал используемый Карманом в статье спорный термин «местный неонацист», и пришел к выводу, что его следует понимать в том значении, которое вкладывал в него автор:

«как характеристика общеполитической принадлежности к идеологии расовых различий и антисемитизма».

По мнению Суда, данные сведения являются оценочным суждением. Суд подчеркнул, что он

«...последовательно проводит ту линию, что существование фактов можно продемонстрировать, тогда как справедливость оценочных суждений доказать нельзя. Требование доказать правдивость оценочного суждения невозможно выполнить, и оно посягает на саму свободу убеждений, которая является основополагающей частью права, гарантируемого статьей 10».

Европейский Суд далее проверил обоснованность высказанного журналистом мнения. Суд отметил, что представленные суду доказательства:

«...недвусмысленно свидетельствовали о наличии достаточно серьезных оснований полагать, что высказанные заявителем оценочные суждения являются допустимыми комментариями».

В итоге Суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

© Центр Защиты Прав СМИ, 2009

ДЕЛО «КАРМАН ПРОТИВ РОССИИ»

(*Karman v. Russia*)

(жалоба №29372/02)

Постановление Суда
Страсбург, 14 декабря 2006 года

В деле «Карман против России», Европейский Суд по правам человека (Пятая Секция) заседая Палатой в составе:

г-н Пер Лоренсен, *Председатель*,
г-жа Снежана Ботучарова,
г-н Карел Юнгвирт,
г-н Райт Марусте,
г-н Анатолий Ковлер,
г-н Хавьер Боррего Боррего,
г-жа Ренате Йегер, *судьи*,

и г-жа Клаудиа Вестердик, *Секретарь Секции*,

Проведя 20 ноября 2006 года закрытое заседание,

Вынес следующее постановление, принятое в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело возбуждено Судом по жалобе (№ 29372/02) против Российской Федерации, поданной 28 мая 2002 года гражданином России г-ном Анатолием Владимировичем Карманом (далее - «Заявитель»), в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - «Конвенция»).

2. Интересы российского правительства (далее - «Правительство») в Суде представлял г-н П. Лаптев, Представитель Российской Федерации в Европейском суде по правам человека.

3. 4 января 2005 года Суд решил уведомить о жалобе Правительство. В соответствии с пунктом 3 статьи 29 Конвенции, Суд принял решение об одновременном рассмотрении вопросов о приемлемости жалобы и по существу дела.

4. После проведения консультаций со сторонами Палата решила, что нет необходимости в проведении слушания по вопросу о приемлемости и/или по существу дела (заключительная часть пунктом 3 правила 59 Регламента).

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

5. Заявитель родился в 1957 году и проживает в Волгограде. Он является генеральным директором и главным редактором газеты «Городские вести».

6. 2 сентября 1994 года заявитель опубликовал статью под заголовком «В слепом угаре». Она начиналась стихотворением, передразнивающим еврейские фамилии, которое заявитель услышал «на митинге РНЕ (Русского Национального Единства)... Митинг был организован... местным неонацистом Терентьевым». По словам заявителя, это стихотворение декламировала на митинге женщина в традиционном наряде казачки. Он не стал к ней тогда подходить, но позже, когда увидел это стихотворение напечатанным в издаваемой Терентьевым газете «КолоколЪ», интерес журналиста взял в нем верх, и он решил встретиться с этой женщиной.

Далее в статье заявитель рассказывает о своей беседе с этой женщиной, жаловавшейся на тяжелые условия жизни из-за изменения социально-экономической ситуации в России и винившей в этом евреев. Она призналась, что является преданным читателем газеты «КолоколЪ», которая называлась в статье «черносотенной жутью, запредельно врунливой». Женщина занималась распространением газеты у себя в поселке.

Статья заканчивалась анализом текущей политической ситуации. В нем заявитель критически отзывался о социальном иждивенчестве и о поисках врагов.

7. 24 сентября 1994 года г-н Терентьев подал гражданский иск о защите чести и достоинства к заявителю и газете «Городские вести» в связи с тем, что заявитель назвал его «неофашистом».

8. 20 декабря 1994 года Советский районный суд г. Волгограда удовлетворил этот иск и обязал заявителя выплатить г-ну Терентьеву компенсацию за моральный вред.

9. Заявитель обжаловал это решение. Его кассационную жалобу поддержал прокурор Советского района, который, в частности, сообщил, что Волгоградской областной прокуратурой в отношении газеты «КолоколЪ» возбуждено уголовное дело по обвинению в возбуждении национальной вражды.

10. 27 февраля 1995 года Волгоградский областной суд отменил решение от 20 декабря 1994 года на том основании, что районный суд не назначил экспертизу публикации и не изучил материалы уголовного расследования. Дело было направлено на новое рассмотрение.

11. 22 августа 1996 года заявитель обратился в районный суд с просьбой о назначении комплексной лингвистической и социально-психологической экспертизы, изучении материалов, содержащихся в десяти номерах газеты «КолоколЪ» за период с августа 1993 года по август 1994 года, и отложении рассмотрения дела до окончания расследования уголовного дела в отношении г-на Терентьева.

12. 2 декабря 1996 года Советский районный суд своим определением отклонил просьбу заявителя. Он посчитал, что необходимости в проведении комплексной экспертизы и изучении содержания прошлых номеров газеты «КолоколЪ» нет, поскольку в распоряжении суда находятся экспертные заключения, полученные в рамках уголовного судопроизводства в отношении г-на Терентьева.

13. В тот же день Советский районный суд вынес решение в пользу г-на Терентьева и присудил взыскать с заявителя компенсацию за моральный вред.

14. 24 апреля 1997 года Президиум Волгоградского областного суда в порядке надзора отменил решение от 2 декабря 1996 года на том основании, что районным судом не были устранены недостатки, на

которые 27 февраля 1995 года указал областной суд (не была назначена экспертиза и не были изучены материалы уголовного дела в отношении г-на Терентьева). Дело было направлено на новое рассмотрение.

15. 8 ноября 1999 года Волгоградская областная прокуратура прекратила уголовное дело в отношении г-на Терентьева за отсутствием состава преступления. Свое решение она обосновала следующим образом:

«Анализ публикаций в газете «КолоколЪ» и выступлений С.В. Терентьева позволяет сделать вывод о том, что они направлены на «освещение» иудейской религии, негативную оценку правительства России, «мировое еврейское масонство», культы и символику иудаизма. Но в них нет призывов к уничтожению еврейского народа, унижению национального достоинства, насильственному свержению существующей власти. Стремясь к пробуждению русского национального самосознания, «КолоколЪ» в лице Терентьева не призывает к насильственным действиям. В публикациях нет национализма — стремления провозгласить исключительность одной нации. В листовках и выступлениях, послуживших поводом для возбуждения уголовного дела, не призывается к чисткам по этническому признаку, к погромам, к каким-либо гонениям на представителей еврейской национальности. Таким образом, действия Терентьева С. В. не направлены на возбуждение национальной или расовой вражды или розни, на унижение национальной чести и достоинства, то есть в них не содержится состава преступления...».

16. 10 августа 2001 года Советский районный суд г. Волгограда вынес новое решение по делу о диффамации. Он пришел к заключению, что заявителю не удалось доказать правильность своего определения г-на Терентьева как «неофашиста»:

«Определяя «неофашизм», авторы Советского энциклопедического словаря трактуют его как «понятие», объединяющее современные правые, наиболее реакционные движения, которые являются в политическом и идейном отношении преемниками распущенных после Второй мировой войны фашистских организаций».

Учитывая то обстоятельство, что Терентьев С. В. является сыном участника Великой Отечественной войны, принимает

активное участие в политической жизни нашего города, суд считает, что, называя Терентьева С. В. «неофашистом», [заявитель] оскорбил честь и достоинство истца, нанес удар его авторитету, причинил ему нравственные страдания... Суд считает установленным, что С.В. Терентьев не является членом политической партии, которая являлась преемником фашистских организаций. Из имеющихся в материалах дела... копий газеты «КолоколЪ» не выявлено данных о принадлежности Терентьева С. В. к политическим партиям, проповедующим принципы фашизма».

17. Районный суд указал далее на экспертизы, проведенные в рамках разбирательства уголовного дела в отношении г-на Терентьева, и отметил, что 8 ноября 1999 года уголовное дело было прекращено за отсутствием состава уголовного преступления.

18. Районный суд постановил взыскать в пользу г-на Терентьева 30 000 рублей с заявителя и 15 000 рублей с газеты; последней предписывалось также оплатить судебные издержки.

19. Районный суд не стал принимать в рассмотрение мнения других экспертов, в том числе из Судебной палаты по информационным спорам при Президенте Российской Федерации, которые заявитель пытался привести в подтверждение своего довода, что г-н Терентьев является отъявленным антисемитом. 20 января 1995 года Палата, в частности, указала:

«...Поиск виновных в бедах России, ее врагов на страницах газеты ведется главным образом по этническому признаку. Причем редакция пытается обеспечить псевдонаучную причинно-следственную связь, создать устойчивый этнический стереотип врага. С этой целью газета публикует такие известные фальсифицированные произведения, как «Протоколы сионских мудрецов», «Катехизис еврея», «Записки о ритуальных убийствах», и другие...

Эту же стержневую для газеты мысль проводит и ее главный редактор С. Терентьев в статье «Ликбез перед «экзаменом» (№ 46): «Все ключевые посты в России захвачены врагами». А отсюда вывод: «Русскому народу — русскую администрацию!»...

Таким образом, авторы газеты «Колокол» активно используют признак национальной принадлежности с очевидной целью пропаганды антисемитизма, создания негативного отношения к лицам еврейской национальности, которые фактически объявляются редакцией виновными в самых различных отрицательных явлениях современной России».

20. 26 ноября 1995 года экспертная группа Научно-исследовательского института антропологии и этнографии Российской Академии Наук в составе трех человек вынесла следующее заключение:

«В целом концепция газеты [«КолоколЪ»] целиком вписывается в национал-социалистическое понимание причин бед человечества — всемирный еврейский заговор, и способа их решения - очищение созидательной по своей природе русской национальной общности от биологического и культурного влияния других народов, в частности и в первую очередь от влияния евреев, что предполагает вытеснение из общественной среды всего, что связано с историей еврейского народа, устранение евреев из социальной действительности или ограничение их гражданских прав в силу вредности евреев для человечества и для русского народа изначально по самой их природе».

21. Заявитель подал кассационную жалобу. В ней он, в частности, утверждал, что районный суд не мог опираться на заключения ранее проведенных экспертиз, поскольку те касались только обвинений в возбуждении национальной и расовой вражды и схожих вопросов и не затрагивали рассмотрения понятия «фашизм» или «неофашизм». По той же причине суд не имел законных оснований ссылаться на решение о снятии с г-на Терентьева уголовных обвинений, поскольку состав вменяемого ему в вину уголовного преступления существенно отличался от содержания иска о защите чести и достоинства.

22. 28 ноября 2001 года Волгоградский областной суд оставил в силе решение от 10 августа 2001 года. Он поддержал доводы районного суда, однако, учитывая финансовое положение заявителя, уменьшил сумму взыскания до 5000 рублей с заявителя и 10 000 рублей с его газеты.

23. 25 января 2002 года судебный пристав-исполнитель взыскал указанную денежную сумму с заявителя.

II. Применимое национальное законодательство и практика

A. Конституция Российской Федерации

24. Статья 29 гарантирует свободу мысли и слова, а также свободу массовой информации.

B. Гражданский кодекс Российской Федерации

25. Статья 152 предусматривает, что гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, вправе требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением.

C. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 августа 1992 года № 11 «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении судами дел о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» (с учетом изменений, внесенных 25 апреля 1995 года)

26. Согласно действовавшему в рассматриваемый период Постановлению, порочащими являются не соответствующие действительности сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства или моральных принципов (о совершении нечестного поступка, неправильном поведении в трудовом коллективе, быту и другие сведения, порочащие производственно-хозяйственную и общественную деятельность, деловую репутацию и т.п.). Под распространением таких сведений понимается опубликование таких сведений в печати, трансляция по радио и телевидеопрограммам, демонстрация в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в иной, в том числе устной, форме нескольким или хотя бы одному лицу (пункт 2). Обязанность доказывать соответствие действительности распространенных сведений лежит на ответчике (пункт 7).

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

27. Заявитель жаловался на нарушение своего права на свободу выражения мнения, закрепленного в статье 10 Конвенции, в которой говорится:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

28. По мнению заявителя, данная им г-ну Терентьеву характеристика — «неофашист» — была оценочным суждением, указанием на политическую принадлежность Терентьева. Схожим образом других политиков часто называют «демократами», «коммунистами», «консерваторами» и т.п. Такое его суждение основывалось на публикациях в газете «КолоколЪ», где распространялась ненависть к евреям и приводились цитаты из работ Гитлера.

29. Правительство утверждало, что оспариваемая статья была провокацией, поскольку из нее могло создаться неоднозначное впечатление о личности г-на Терентьева. Решения внутренних судов касались только названия г-на Терентьева «местным неофашистом», а не газетной статьи в целом. Ссылаясь на дело *Константинеску против Румынии (Constantinescu v. Romania)* (№ 28871/95, ЕСПЧ 2000-VIII), Правительство указывало, что у заявителя имелась реальная возможность

осудить поведение г-на Терентьева, не прибегая к оскорбительному слову «неофашист». По мнению Правительства, вмешательство было «безусловно необходимым в демократическом обществе».

А. Приемлемость

30. Суд не считает данную жалобу явно необоснованной в смысле пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он не видит никаких других причин для признания ее неприемлемой. Поэтому жалоба, о которой идет речь, объявляется приемлемой.

В. Существо дела

31. Суд отмечает единодушие сторон в том, что судебные решения по делу о защите чести и достоинства представляли собой вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения, гарантированное п. 1 статьи 10 Конвенции. Более того, стороны не оспаривают, что вмешательство было предусмотрено законом, а именно статьей 152 Гражданского кодекса, и преследовало правомерную цель, а именно «защиту репутации или прав других лиц» в смысле пункта 2 статьи 10. Спор между сторонами вызывает вопрос о том, было ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе».

32. Критерий необходимости требует от Суда установления того, было ли обжалуемое вмешательство обусловлено «настоятельной общественной потребностью», было ли оно соразмерным преследуемой правомерной цели, и являются ли доводы, приведенные национальными властями в его оправдание, существенными и достаточными. Национальным властям предоставлена определенная свобода усмотрения в оценке того, существует ли подобная потребность, и какие меры необходимо принять в этой связи. Однако это усмотрение не является безграничным, а подлежит надзору со стороны Совета Европы в лице настоящего Суда, задача которого состоит в том, чтобы принимать окончательное решение о совместимости таких ограничений со свободой выражения, защищаемой статьей 10 Конвенции. Поэтому Суд, осуществляя свою контрольную юрисдикцию, видит свою задачу не в том, чтобы подменять национальные органы, а в том, чтобы в свете статьи 10 и с учетом обстоятельств дела в целом проверять их решения, основанные на таком усмотрении. При этом Суд должен убедиться в том, что национальные власти применяли нормы, соответствующие принципам статьи 10 и, более того, что они основывали свои решения на приемлемой оценке обстоятельств, относящихся к делу

(см., среди последних источников, постановление Суда по делу *Гринберг против России (Grinberg v. Russia)* от 21 июля 2005 года, № 23472/03, §§ 26-27, с последующими ссылками).

33. При рассмотрении особых обстоятельств дела Суд должен принять во внимание следующие факторы: положение заявителя, положение истца в деле по иску о защите чести и достоинства, главную тему статьи и квалификацию оспариваемого высказывания внутренними судами (см. постановление Суда по делу *Джерусалем против Австрии (Jerusalem v. Austria)*, № 26958/95, § 35, ЕСПЧ 2001-II).

34. Что касается положения заявителя, Суд обращает внимание, что он был журналистом и учредителем газеты. Он напоминает в этой связи, что пресса играет важнейшую роль в демократическом обществе. Хотя пресса и не должна преступать определенных границ, в частности, в отношении репутации и прав других лиц, тем не менее, долг ее состоит в том, чтобы сообщать — любым способом, который не противоречит ее обязанностям и ответственности, — информацию и идеи по всем вопросам, представляющим общественный интерес (см. постановление Суда по делу *Де Хаэс и Гийселс против Бельгии (De Haes and Gijssels v. Belgium)* от 24 февраля 1997 года, *Сборник постановлений и решений 1997-I*, § 37; и постановление Суда по делу *Бладет Тромсё и Стенсаас против Норвегии (Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway)* [БП], № 21980/93, § 59, ЕСПЧ 1999-III). Журналистская свобода включает также возможность прибегнуть к некоторой степени преувеличения или даже провокации (см. постановление Суда по делу *Прагер и Обершлик против Австрии (№ 1) (Prager and Oberschlick v. Austria (no. 1))* от 26 апреля 1995 года, Серия А, т. 313, § 38).

35. Истец в деле по иску о защите чести и достоинства г-н Терентьев тоже был главным редактором газеты. Из написанной заявителем статьи следует, что г-н Терентьев также организовал митинг и выступил перед аудиторией с изложением своих взглядов. Его поведение наводит на мысль, что он искал общественной поддержки своим идеям. Районный суд отметил, что г-н Терентьев принимал активное участие в политической жизни города (см. пункт 16 выше). Поскольку он проявлял такую активность в сфере общественной деятельности, то он должен был выказать большую степень терпимости к критике в свой адрес (см. вышеупомянутое постановление Суда по делу *Джерусалем*, § 39).

36. Главной темой статьи была личная беседа автора со сторонницей русского националистического движения, которую он ранее видел на митинге, организованном г-ном Терентьевым. Заявитель дал свою оценку текущей политической ситуации сквозь призму беседы с этой женщиной. Данная статья была частью политической дискуссии по общественно-значимому вопросу. Суд напоминает в этой связи о своем последовательном подходе, заключающемся в требовании самых веских оснований для оправдания ограничений политических высказываний, ибо если допустить широкие ограничения политических высказываний в отдельных случаях, то это неминуемо скажется на уважении к свободе выражения мнения в целом в данном государстве (см. постановление Суда по делу *Фельдек против Словакии (Feldek v. Slovakia)*, № 29032/95, § 83, ЕСПЧ 2001-VIII; и постановление Суда по делу *Сюрек против Турции № 1 (Sürek v. Turkey (no. 1))* (№ 1) [БП], № 26682/95, § 61, ЕСПЧ 1999-IV).

37. Суд отмечает, что рамки разбирательства дела о защите чести и достоинства распространялись не на всю публикацию, а лишь на употребление термина «местный неонацист» по отношению к г-ну Терентьеву. Что касается квалификации этого термина внутренними судами, Суд обращает внимание, что те не приняли довода заявителя о том, что речь шла об оценочном суждении, а сочли его утверждением о факте, указывающем, что г-н Терентьев является членом неонацистской политической партии. С точки зрения российских судов характеристика «неонацист» в адрес г-на Терентьева дискредитирует его как общественного деятеля и как сына ветерана Великой Отечественной войны. Так как г-н Терентьев не был членом неонацистской партии и с него были сняты уголовные обвинения в возбуждении национальной вражды, они посчитали, что заявителю не удалось доказать соответствие этого выражения действительности (см. пункт 16 выше).

38. Суд отмечает, во-первых, что внутренние суды, полагая термин «неонацист» утверждением о факте, ни разу даже не поставили вопрос о том, а не следует ли считать его оценочным суждением. То, что им не удалось провести такой анализ, объясняется состоянием российского законодательства о защите чести и достоинства на то время. Как уже указывалось Судом, в нем отсутствовало разграничение между оценочными суждениями и утверждениями о факте. В нем везде говорилось исключительно о «сведениях», причем главной отправной точкой было то, что любые такого рода «сведения» подлежат доказыванию в рамках гражданского судопроизводства (см. вышеупомянутое постановление Суда по делу *Гринберг*, § 29, и

положения внутреннего законодательства, приведенные в §§ 25 и 26 выше).

39. Кроме того, Суд напоминает, что употребление термина «нацист» — или, как в настоящем случае, сходного с ним термина «неофашист», — не оправдывает автоматически осуждения за диффамацию на том основании, что оно является крайне оскорбительным (см. постановление Суда по делу *«Шарзах энд Ньюс Ферлаггезельшафт» против Австрии (Scharsach and News Verlagsgesellschaft v. Austria)*, № 39394/98, § 43, ЕСПЧ 2003-XI).

40. Суд не может согласиться с принятым российскими судами ограничительным определением термина «неофашист» как означающим единственно членство в неофашистской партии. В связи со схожим термином «фашистское прошлое» Суд уже отмечал, что он является широким и может вызвать в воображении тех, кто его прочитает, различное понимание его смысла и значения (см. вышеупомянутое постановление Суда по делу *Фельдек*, § 86). В статье заявителя имя г-на Терентьева упоминалось в связи с митингом русского националистического движения. Областной прокурор установил, что публикации в статье г-на Терентьева были направлены против еврейской религии и символов, где те представлялись в неблагоприятном свете; в них распространялись лживые измышления о «мировом жидомасонстве» (см. пункт 15 выше). На этом фоне Суд полагает, что термин «местный неофашист», взятый в его контексте, следует понимать в том смысле, какой придавал ему сам заявитель, а именно как характеристика общеполитической принадлежности к идеологии расовых различий и антисемитизма (см., *mutatis mutandis*, вышеупомянутое постановление Суда по делу *Шарзах энд Ньюс Ферлаггезельшафт против Австрии*, §. 39, а также пункт 28 выше).

41. Суд полагает, что вопреки мнению российских судов термин «местный неофашист» следует считать не утверждением о факте, а оценочным суждением. Суд последовательно проводит ту линию, что существование фактов можно продемонстрировать, тогда как справедливость оценочных суждений доказать нельзя. Требование доказать правдивость оценочного суждения невозможно выполнить, и оно посягает на саму свободу убеждений, которая является основополагающей частью права, гарантируемого статьей 10 (см. вышеупомянутое постановление Суда по делу *Гринберг*, §§ 30-31, с последующими ссылками). Однако даже оценочное суждение, не имеющее под собой никакой фактической основы, может быть чрезмерным. Вопрос, таким образом, сводится к тому,

существовала ли достаточная фактическая основа для подобного оценочного суждения (см. вышеупомянутые постановления Суда по делу *Джерусалем*, §§. 44-45, *Шарзах энд Ньюс Ферлаггезельшафт*, § 40, и *Фельдек*, § 86). В этой связи Суд отмечает, что заявитель предоставил документальные свидетельства, в том числе предыдущие номера издаваемой г-ном Терентьевым газеты «КолоколЪ» и ряд заключений, сделанных независимыми экспертами. Изучив указанные публикации, эксперты вынесли единодушное заключение об их явно антисемитском характере и их сходстве с идеалами национал-социализма (см. пункты 19 и 20 выше).

42. По мнению Суда, указанные материалы недвусмысленно свидетельствовали о наличии достаточно серьезных оснований полагать, что высказанные заявителем оценочные суждения являются допустимыми комментариями. Кроме указанных документальных свидетельств, заявитель также предложил провести еще одну экспертизу. Однако внутренние суды отказались от рассмотрения представленных свидетельств и вместо этого опирались на результаты экспертизы, проведенной в ходе разбирательства возбужденного в отношении г-на Терентьева уголовного дела по обвинению в возбуждении национальной вражды. Суд крайне удивлен непоследовательностью российских судов, с одной стороны требующих доказывания утверждения, а с другой — отказывающихся рассмотреть уже имеющиеся свидетельства (см. вышеупомянутое постановление Суда по делу *Джерусалем*, § 45). Ко всему прочему, Суд напоминает, что степень точности в установлении обоснованности уголовного обвинения компетентным судом едва ли может сравниться с той, которой должен придерживаться журналист при выражении своего мнения по вопросу, представляющему общественный интерес, поскольку критерии, применяемые при оценке чьих-либо политических мнений в плане морали существенно отличаются от тех, которые требуются для установления факта преступления по уголовному праву (см. постановления Суда по делам *Шарзах*, *loc. cit.*; *Унабхэнгиге Инициативе Информационсфильфальт против Австрии*, № 28525/95, § 46, ЕСПЧ 2002-I; и *Виртшафтс-трэнд цайтширифтс-ферлагс ГмбХ против Австрии (Wirtschafts-Trend Zeitschriften-Verlags GmbH v. Austria)* от 27 октября 2005 года, № 58547/00, § 39).

43. В свете вышеуказанных соображений и принимая во внимание роль журналистов и прессы в деле распространения информации и идей по вопросам, представляющим общественный интерес, даже если они способны шокировать, обижать или вызывать обеспокоенность, Суд

полагает, что употребление термина «местный неонацист» для характеристики политических пристрастий г-на Терентьева не выходит за рамки допустимой критики. То, что разбирательство дела носило гражданский, а не уголовный характер, и сравнительно невысокая сумма присужденной компенсации не умаляют того факта, что примененные российскими судами критерии не были совместимы с принципами, воплощенными в статье 10, так как суды не привели «достаточных» причин в оправдание вмешательства, о котором идет речь. Поэтому Суд считает, что внутренние суды преступили тонкую границу свободы усмотрения, предоставленной им для ограничения дискуссий по общественно-значимым вопросам, и что вмешательство не было ни соразмерным преследуемой цели, ни «необходимым в демократическом обществе».

Соответственно, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

II. Предполагаемое нарушение статьи 6 Конвенции

44. Заявитель жаловался на то, что, в нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции, решения внутренних судов основывались на результатах экспертизы, проведенной в рамках разбирательства другого уголовного дела. Заявитель не был стороной в этом деле и не мог принимать участие в назначении экспертов и формулировании вопросов. Он жаловался и на то, что 2 декабря 1996 года районный суд отклонил его ходатайство о назначении комплексной социально-психологической экспертизы. Статья 6 предусматривает, что:

«Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях... имеет право на справедливое... разбирательство дела... судом...»

45. Правительство утверждало, что экспертиза, проведенная в рамках уголовного дела в отношении г-на Терентьева, не выявила фактов возбуждения национальной или расовой вражды или призывов к насилию. По его мнению, назначать новые экспертизы было незачем, так как нужды в разъяснении слова «неонацизм» не было. В любом случае, заявитель не привел никаких доказательств в пользу того, что г-н Терентьев является «местным неонацистом».

46. Заявитель, опираясь на прежние номера газеты «КолоколЪ», настаивал на том, что антисемитский и экстремистский характер этих публикаций

раскрыт целым рядом экспертиз, в том числе той, что была проведена Судебной палатой по информационным спорам. Довод Правительства о том, что районный суд не нуждался в назначении новых экспертиз, был неубедительным, поскольку сам суд основывал свое решение на заключениях экспертизы, но проведенной в ходе уголовного разбирательства. Представленные заявителем материалы не были приняты во внимание районным судом.

47. Суд отмечает, что жалобы заявителя по статье 6 тесно связаны с вопросами, поднятыми на основании статьи 10 и, следовательно, они должны быть объявлены приемлемыми. Однако, учитывая выводы, сделанные по статье 10 Конвенции (см. п. 42 выше), Суд не считает необходимым повторно рассматривать эти вопросы с позиции статьи 6 Конвенции (см. вышеупомянутое постановление Суда по делу *Джерусалем*, п. 51).

III. О применимости статьи 41 Конвенции

48. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

49. Заявитель потребовал 3000 евро в качестве компенсации за причиненный ему моральный вред. Он не стал выдвигать требований о возмещении ему материального ущерба.

50. Правительство полагало, что требования заявителя чрезмерно высоки и безосновательны.

51. Суд считает, что заявителю был причинен моральный вред вследствие решений внутренних судов, несовместимых с принципами Конвенции. Указанный вред не может в достаточной мере быть компенсирован одним лишь установлением факта нарушения Конвенции. В то же время Суд считает, что запрошенная заявителем сумма является завышенной.

Производя оценку на справедливой основе, Суд присуждает заявителю 1000 евро плюс любые налоги, которые могут подлежать оплате с указанной суммы.

В. Издержки и расходы

52. Заявитель не выдвинул требований о возмещении судебных издержек и расходов. Соответственно, Суд не видит необходимости в рассмотрении вопроса о присуждении возмещения по данному пункту.

С. Процентная ставка

53. Суд считает уместным базировать процентную ставку на предельном ссудном проценте Европейского центрального банка, к которому следует прибавить три процентных пункта.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *Объявил* жалобу приемлемой;
2. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
3. *Постановил*, что нет необходимости в проведении отдельного рассмотрения жалобы по пункту 1 статьи 6 Конвенции;
4. *Постановил*,
 - (a) что государство-ответчик обязано выплатить заявителю в трехмесячный срок со дня, когда постановление станет окончательным согласно пункта 2 статьи 44 Конвенции, 1000 евро (тысячу евро) в качестве компенсации за моральный вред, которые должны быть конвертированы в российские рубли по курсу, действующему на день платежа, плюс любые налоги, которые могут подлежать оплате;
 - (b) что по истечении вышеуказанного трехмесячного срока и вплоть до урегулирования задолженности на вышеуказанную сумму должны будут выплачиваться простые проценты исходя из предельного ссудного процента Европейского центрального банка на соответствующий период, к которому следует прибавить три процентных пункта;
5. *Отклонил* единогласно оставшуюся часть требований заявителя о справедливом возмещении.

Совершено на английском языке; уведомление в письменной форме сделано 14 декабря 2006 года, в соответствии с пп. 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Пир Лоренцен
Клаудиа Вестердик

Председатель Суда
Секретарь Секции

**© АНО «Институт проблем информационного права»,
перевод с английского**

Краткое изложение дела

ДЕЛО «ЧЕМОДУРОВ ПРОТИВ РОССИИ»

(Chemodurov v. Russia)

(жалоба № 72683/01)

Постановление Суда

Страсбург, 31 июля 2007 года

Суть вынесенного решения: Имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); единогласно.

Краткое изложение обстоятельств дела:

В 2000 году в газете «Курский вестник» была опубликована статья Заявителя Чемодурова В. В. «Двенадцать стульев из гарнитура губернатора, или Как «испарился» из областного бюджета еще один миллион долларов». В статье на конкретных примерах, подтвержденных документами, раскрывались механизмы «увода» крупными местными чиновниками бюджетных средств из областной казны. Заявитель приводил цитату из письменной резолюции Руцкого, который назидательно рекомендовал чиновникам администрации провести переоценку выполненной работы «исходя из ср. цены коммерч. в России на тот период» (цитата из Руцкого) и списать крупную недостачу на выполненные работы в нескольких областных учреждениях. Журналист на это написал следующее:

«Нормальный губернатор в такой ситуации наверняка [получив информацию о незаконном расходовании значительной суммы из бюджетных средств] схватится за голову и ужаснется, начнет выяснять, как и по чьей вине пропали деньги налогоплательщиков, прогонит виновных с работы, обратится в милицию, прокуратуру и в суд, чтобы ущерб бюджету возместить...

Но это логика поведения нормального губернатора. А наш [губернатор], получив письмо руководителя КРУ... написал такую резолюцию..." (прим. авт. - цитирует собственноручную

резолюцию Руцкого, рекомендующего чиновникам списать недостающий миллион на мифический ремонт Администрации области, Домжур, курские магазины) ...»

«Не знаю, как у кого, а у меня такое мнение-суждение: губернатор, дающий подобные советы, является ненормальным. Уточняю сразу на случай судебного иска: я говорю о поведении должностного лица, а не о личности Руцкого, до которой мне нет никакого дела», - заканчивает свою статью Виктор Чемодуров.

После выхода статьи курский губернатор Руцкой А. В. в частном порядке, но на официальном бланке губернатора Курской области, обратился в Ленинский районный суд города Курска с иском о защите чести, достоинства, деловой репутации и возмещении морального вреда. Ответчиками выступили редакция газеты «Курский вестник» и автор статьи Чемодуров В. В. Губернатор Руцкой попросил суд признать не соответствующими действительности и порочащими некоторые, изложенные в статье, факты, обязать редакцию эти сведения опровергнуть и взыскать с ответчиков в общей сложности 250 тысяч рублей в качестве компенсации нанесенного нематериального ущерба.

В суде журналисту удалось доказать, что опровергаемые истцом сведения соответствуют действительности. Однако иск Руцкого А. В. был удовлетворен частично. Ленинской районный суд с одной стороны согласился с доводами журналиста, что высказывание «губернатор, дающий подобные советы, является ненормальным» представляет собой оценочное суждение, мнение автора статьи, однако указал, что это мнение выражено в оскорбительной форме. Ленинский районный суд расценил слово «ненормальный» в значении «психически нездоровый». В результате суд первой инстанции обязал возместить Руцкому А. В. моральный вред в денежной форме. Курский областной суд отказал журналисту в кассационной жалобе и оставил решение суда первой инстанции в силе.

Оценка Европейского Суда:

Европейский Суд особо отметил, что от предыдущих дел против России, рассматриваемых в Европейском Суде, данное отличается тем, что российские суды возложили обязанность компенсировать моральный вред за распространение оскорбительных сведений.

Суд указал, что наличие «вмешательства» в свободу выражения мнения не оспаривалось ни одной из сторон. Хотя заявитель и указывал на то, что вмешательство было не «предусмотрено законом», а именно, статьей 150 Гражданского кодекса РФ, Европейский Суд посчитал, что

«нет необходимости определять, были ли правовые нормы, примененные к данному делу о защите чести и достоинства, сформулированы с достаточной четкостью, чтобы заявитель мог регулировать свое поведение, так как вмешательство, в любом случае, не было «необходимым в демократическом обществе».

При определении необходимости ограничения в демократическом обществе Европейский Суд указал, что ему надо установить было ли вмешательство обусловлено

«насушной общественной потребностью», было ли оно пропорционально преследуемой законной цели, и являются ли доводы национальных властей для оправдания этого вмешательства «уместными и достаточными».

Прежде всего, суд учел статус Руцкого А. В. и Чемодурова В. В., первый на момент публикации являлся губернатором Курской области, второй – журналистом. По мнению Суда, то, что Руцкой занимал столь значительный пост и, что в момент публикации он повторно баллотировался в качестве кандидата на эту должность, обязывает его более терпимо относиться к критике в свой адрес.

Европейский Суд подробно исследовал значение, в котором Чемодуров В. В. использовал слово «ненормальный». Суд отметил:

«...слово «ненормальный», взятое в контексте, должно пониматься в том смысле, который вложил в него заявитель [Чемодуров], а именно – описание поведения государственного чиновника, которое кажется неуместным в обстоятельствах данного дела».

Также, Европейский Суд в очередной раз напомнил, что любое оценочное суждение должно быть обоснованным. В данном деле, ссылаясь на решения российских судов, которые нашли факты, изложенные в статье Чемодурова В. В. «Двенадцать стульев из гарнитура губернатора, или Как

«испарился» из областного бюджета еще один миллион долларов» соответствующими действительности, Европейский Суд установил, что

«... оценочное суждение заявителя имеет под собой твердую фактологическую основу.»

Европейский Суд высказался относительно размера компенсации морального вреда в размере 1 000 рублей, которые Чемодуров В. В. выплатил Руцкому А. В. По мнению Европейского Суда, небольшая сумма в качестве компенсации морального вреда не оправдывает ограничение свободы выражения мнения.

В итоге Суд пришел к выводу, что вмешательство в свободу выражения мнения Заявителя не было «необходимым в демократическом обществе» и, следовательно, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

© Центр Защиты Прав СМИ, 2009

ДЕЛО «ЧЕМОДУРОВ ПРОТИВ РОССИИ»

(Chemodurov v. Russia)

(жалоба № 72683/01)

Постановление Суда
Страсбург, 31 июля 2007 года

По делу «Чемодуров против России» Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в следующем составе:

г-н Христос Розакис, *Председатель*,
г-н Лукис Лукаидес,
г-жа Нина Вайич,
г-н Анатолий Ковлер,
г-жа Элизабет Штейнер,
г-н Ханлар Гаджиев,
г-н Дин Шпильманн, *судьи*,

а также г-н Сорен Нильсен, *Секретарь Секции*,

Проведя 10 июля 2007 года закрытое заседание,

Вынес следующее постановление, принятое в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основании жалобы (№. 72683/01) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») гражданином Российской Федерации, господином Виктором Владимировичем Чемодуровым (далее - «Заявитель») 21 мая 2001 года.

2. Заявитель был представлен в Суде госпожой Г. Араповой и госпожой М. Ледовских, юристами, практикующими в Воронеже. Российское Правительство (далее — «Правительство») было представлено г-ном П.

Лаптевым, уполномоченным представителем Российской Федерации при Европейском суде по правам человека.

3. Заявитель жаловался на нарушение его права на свободу выражения мнения.

4. Решением от 30 августа 2005 года Суд объявил жалобу приемлемой. Ни одна из сторон не представила дополнительных письменных объяснений по существу дела.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

1. Заявитель родился 1951 году и живет в Курске.

6. 19 июля 2000 года газета «Курский вестник» опубликовала статью заявителя «Двенадцать стульев из гарнитура губернатора, или Как «испарился» из областного бюджета еще один миллион долларов». Статья повествовала о незаконном расходовании бюджетных средств, выделенных на покупку мебели и ремонтные работы, и невозмутимую реакцию губернатора Руцкого по поводу этих событий. Ниже приведены соответствующие фрагменты статьи:

«Нормальный губернатор в такой ситуации наверняка [получив информацию о незаконном расходовании значительной суммы из бюджетных средств] схватится за голову и ужаснется, начнет выяснять, как и по чьей вине пропали деньги налогоплательщиков, прогонит виновных с работы, обратится в милицию, прокуратуру и в суд, чтобы ущерб бюджету возместить...

Но это логика поведения нормального губернатора. А наш [губернатор], получив письмо руководителя КРУ... написал такую резолюцию...».

7. Далее в статье приводится цитата из распоряжения губернатора Руцкого, рекомендовавшего своим ассистентам провести переоценку выполненной работы с целью восполнить недостачу между выделенными

средствами и фактическими расходами. Статья заканчивается следующим образом:

«Не знаю, как у кого, а у меня такое мнение-суждение: губернатор, дающий подобные советы, является ненормальным. Уточняю сразу на случай судебного иска: я говорю о поведении должностного лица, а не о личности Руцкого, до которой мне нет никакого дела».

8. 1 августа 2000 года губернатор Руцкой подал гражданский иск в отношении заявителя и редакции газеты. Он считал, что некоторые фрагменты статьи нанесли ущерб его чести, достоинству и деловой репутации, и потребовал взыскать 250 000 российских рублей в качестве морального вреда (нематериального ущерба). В частности, губернатор считал оскорбительными следующие слова из заключительного абзаца: *«...губернатор, дающий подобные советы, является ненормальным... я говорю о поведении должностного лица...».*

9. 19 октября 2000 года Ленинский районный суд г. Курска удовлетворил частично иск о защите чести, достоинства и деловой репутации. Суд удовлетворил доказательства заявителя, что факты, оспариваемые губернатором Руцким, соответствуют действительности. В отношении последнего предложения, суд считал следующее:

«Фрагмент статьи «... губернатор, дающий подобные советы, является ненормальным» представляет собой мнение автора статьи, однако это мнение выражено в оскорбительной форме.

Суд не может согласиться с доводами [заявителя] о том, что он использовал слово «ненормальный» в отношении поведения губернатора, а не его личности. Последующее разъяснение автора «... я говорю о поведении должностного лица, а не о личности Руцкого» не исключает двоякости восприятия, включая [восприятие] оскорбительного значения, поскольку цель и структура главного предложения подразумевало, что слово «ненормальный» явно относилось к слову «губернатор», а не к его поведению ...

Суд считает, что нарушение права истца на доброе имя, честь, достоинство и деловую репутацию должно быть устранено, в соответствии со статьями 150, 151 Гражданского кодекса,

путем возмещения морального вреда со стороны лица, нанесшего его ...».

10. Районный суд счел, что отрывок *«выражен в оскорбительной форме и наносил вред чести, достоинству и деловой репутации А. Руцкого»* и постановил взыскать с заявителя 1 000 рублей (42 Евро) в пользу губернатора. В остальной части иск губернатора был отклонен как безосновательный.

11. 4 ноября 2000 года заявитель подал кассационную жалобу на решение суда. Он заявил, что истец выделил оспариваемые слова от контекста, и суд не проанализировал весь абзац как единое целое. Слово *«ненормальный»* явно относилось к действиям губернатора Руцкого, как государственного чиновника и публичной фигуры. Более того, согласно авторитетному словарю русского языка, первое значение слова *«ненормальный»* было *«отличный от нормы»*, а второе и разговорное значение было *«сумасшедший, душевнобольной»*.

12. 28 ноября 2000 года Курский областной суд поддержал решение от 19 октября 2000 года. Областной суд одобрил решение суда первой инстанции об оскорбительном значении оспариваемого предложения и отклонил доводы заявителя на следующем основании:

«Доводы кассационной жалобы относительно того, что оспариваемое предложение носило оскорбительный характер, поскольку относилось не к личности, а к поведению государственного чиновника, не могут быть приняты во внимание, так как суд [первой инстанции] правильно исходил из литературного значения предложения, а его толкование, изложенное в кассационной жалобе, не соответствует его содержанию».

II. Применимое национальное законодательство

A. Конституция Российской Федерации

Статья 29 гарантирует свободу мысли и выражения мнения вместе со свободой средств массовой информации.

B. Гражданский Кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года

Статья 151 предусматривает право суда возложить обязанность денежной компенсации морального вреда на нарушителя указанного вреда вследствие действий, нарушающих его личные неимущественные права. Статья 150 предусматривает среди других нематериальных благ, достоинство личности, честь, доброе имя и деловую репутацию.

Статья 152 предусматривает, что гражданин вправе требовать по суду опровержения «сведений», порочащих его честь, достоинство и деловую репутацию, если распространявший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности.

Гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство и деловую репутацию, вправе требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением.

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

14. Заявитель подал жалобу о нарушении его права на свободу выражения мнения, гарантированного статьей 10 Конвенции, которая предусматривает:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц ...».

15. Суд отмечает, что обе стороны выразили согласие, что судебные постановления, вынесенные по делу о защите чести и достоинства в отношении заявителя, представляли вмешательство в его право на свободу выражения мнения, предусмотренное пунктом 1 статьи 10. Задача Суда состоит в том, чтобы определить, было ли вмешательство оправданным в рамках значения пункта 2 данной статьи, а именно, было ли оно «предусмотрено законом», преследовало законную цель и было «необходимым в демократическом обществе».

16. Что касается правового основания для вмешательства, то настоящее дело отличается от предыдущих дел о защите чести и достоинства против России, поданных в Европейский Суд, в том, что национальные суды признали заявителя виновным по статье 152 Гражданского кодекса (см. к примеру, постановления по делам *Карман против России (Karman v. Russia)* от 14 декабря 2006 года, № 29372/02, § 31, и *Гринберг против России (Grinberg v. Russia)* от 21 июля 2005 года, № 23472/03, § 26) не из-за того, что он не смог доказать правдивость своих утверждений, а за то, что он сделал оскорбительное утверждение (слово «ненормальный»), унижающее достоинство Губернатора, личное нематериальное право, предусмотренное статьей 150 Гражданского кодекса. Заявитель утверждал, что поскольку понятие «оскорбление» было определено только в уголовном праве, но не в Гражданском кодексе, он не мог здраво предвидеть, что за использование такого нейтрального слова он будет привлечен к гражданской ответственности. Суд считает, что нет необходимости определять, были ли правовые нормы, примененные к данному делу о защите чести и достоинства, сформулированы с достаточной четкостью, чтобы заявитель мог регулировать свое поведение, так как вмешательство не было, в любом случае, «необходимым в демократическом обществе» по следующим причинам.

17. Суд напоминает, что при применении теста о необходимости, задача Суда определить, отвечало ли вмешательство «насущной общественной потребности», было ли оно пропорционально преследуемой законной цели, и являются ли доводы национальных властей для оправдания этого вмешательства «уместными и достаточными». Национальным властям предоставлена определенная свобода усмотрения в оценке того, существует ли такая потребность и какие меры необходимо принять в этой связи. Однако данная свобода усмотрения не абсолютна и подчиняется Европейскому контролю со стороны Суда, который должен вынести окончательное решение на предмет соответствия ограничения свободе выражения мнения, предусмотренной статьей 10. Суд не ставит перед

собой цель подменять своими взглядами позицию соответствующих внутригосударственных органов, он призван скорее проверять, в свете статьи 10 и обстоятельств всего дела, вынесенные национальными судами решениями, которые последние выносят, используя свое право на свободу усмотрения. При осуществлении данной задачи, Суду необходимо убедиться в том, что национальные власти применили нормы в соответствии с принципами, изложенными в статье 10 и, кроме того, что их решения основаны на приемлемой оценке соответствующих фактов (см., например дело *Гринберг против России*, приведенное выше, §§ 26-27, с дальнейшими ссылками).

18. При изучении конкретных обстоятельств дела, Суд учитывает следующие составляющие: должность заявителя, должность истца в деле о защите чести и достоинства, тему публикации и оценку оспариваемого утверждения, данную национальными судами, формулировку, использованную заявителем, и вынесенное в отношении него наказание/штраф (см. постановления по делам *Красуля против России (Krasulya v. Russia)* от 22 февраля 2007 года, № 12365/03, § 35, и *Джерусалем против Австрии (Jerusalem v. Austria)* № 26958/95, § 35, ЕСПЧ 2001-II).

19. Относительно должности заявителя Суд отмечает, что последний является журналистом. Суд вновь повторяет в этой связи, что пресса играет существенную роль в демократическом обществе. В то время как пресса не должна переходить известные границы, в частности, в целях защиты репутации и прав других лиц, на ней, тем не менее, лежит обязанность сообщать – в манере, соответствующей ее обязательствам и ответственности – информацию и идеи по всем вопросам, представляющим общественное значение (см. постановления по делам *Де Хаэс и Гийселс против Бельгии (De Haes and Gijssels v. Belgium)* от 24 февраля 1997 года, Сборник решений и постановлений 1997-I, § 37, и *Бладет Тромсё и Стенсаас против Норвегии (Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway)*, [БП], № 21980/93), § 59, ЕСПЧ 1999-III). Журналистская свобода охватывает некоторую степень преувеличения, или даже провокацию (см. постановление по делу *Прагер и Обершлик против Австрии (№ 1) (Prager and Oberschlick v. Austria)* от 26 апреля 1995 года, Серия А № 313, § 38).

20. Критика в публикации заявителя был направлена против губернатора области г-на Руцкого, профессионального политика, в отношении которых границы приемлемой критики шире, нежели в отношении частных лиц

(см. постановления по делам *Красуля против России*, § 37, и *Гринберг против России*, § 32, приведенные выше, и постановление по делу *Лингенс против Австрии (Lingens v. Austria)* от 8 июля 1986 года, Серия А № 103, § 42). На момент рассмотрения дела г-н Руцкой баллотировался на повторные выборы на свой пост. Как видный деятель на политической сцене, г-н Руцкой неизбежно и сознательно выставил свои действия и поведение под пристальный контроль, как журналистов, так и общества в целом. Суд подчеркивает, что в этих обстоятельствах он должен был продемонстрировать большую степень терпимости по отношению к критическим публикациям.

21. Статья заявителя касалась реакции Губернатора Руцкого на официальную аудиторскую проверку, выявившую существенную нехватку средств в областном бюджете. Губернатор и заявитель согласились, что эта тема могла считаться частью политической дискуссии по вопросу, представляющему всеобщее общественное значение. В этой связи Суд повторяет, что постоянно придерживается точки зрения о том, что требуются очень весомые причины для оправдания ограничений на политическую речь, поскольку обширные ограничения, используемые в отдельных случаях, несомненно, повлияют на соблюдение свободы выражения мнения в целом в затронутом государстве (см. постановления по делам *Фельдек против Словакии (Feldek v. Slovakia)*, № 29032/95, § 83, ЕСПЧ 2001-VIII, и *Сюрек против Турции (№ 1) (Sürek v. Turkey (no. 1))* [БП], № 26682/95, § 61, ЕСПЧ 1999-IV).

22. Основным пунктом разногласия сторон была характеристика слова «ненормальный», данная национальными судами. Ссылаясь на выводы Суда в деле *Константинеску против Румынии (Constantinescu v. Romania)* (№ 28871/95, ЕСПЧ 2000-VIII), Правительство утверждало, что данное слово было использовано для описания личности Руцкого, нежели его политической деятельности, и что заявитель мог бы сформулировать свою критику другими словами, не прибегая к высказываниям, унижающим достоинство г-на Руцкого. Правительство указывало, что с заявителя была взыскана лишь одна тысяча рублей в качестве компенсации вреда.

23. Заявитель настаивал, что национальные суды не приняли во внимание контекст статьи, затрагивающей профессиональное поведение г-на Руцкого, нежели его частную жизнь или психическое здоровье. Заявитель указал, что для того, чтобы исключить какие-либо признаки двусмысленности, он открыто утверждал, что говорил о поведении г-на Руцкого, а не о его личности. Последовательное прочтение статьи выявило

бы, что заявитель сначала исследовал, какое поведение было бы у «нормального» губернатора в аналогичной ситуации, и затем выразил свое мнение по поводу реакции г-на Руцкого. В заключении, заявитель подчеркнул, что не утверждал, что губернатор был в целом ненормальным; его оценочное суждение относилось к одному конкретному проявлению профессиональной деятельности губернатора, в частности, его совет своим помощникам прикрыть нехватку в бюджете.

24. Заявитель также утверждал, что действовал без злого умысла. Он проверил все факты в статье, и суды сочли, что они соответствуют действительности. Следовательно, он сделал оценочное суждение на основании веской и достаточной фактической базы, поэтому его дело отличается от дела *Константинеску против Румынии*. С другой стороны, его дело схоже с делом *Обершлик против Австрии*, в котором использование гораздо более крепкого слова «идиот» (*Trottel*) в адрес политика не было расценено как несоразмерное (см. постановление по делу *Обершлик против Австрии (№ 2)* (*Oberschlick v. Austria (no. 2)*) от 1 июля 1997 года, Сборник 1997-IV, § 34).

25. Суд согласен с характеристикой слова «ненормальный», данной национальными судами, как оценочного суждения, нежели утверждения о факте. Однако Суд не может принять выводы судов, что в контексте статьи заявителя слово было использовано для предположения, что Губернатор был сумасшедшим. Суд отмечает, что статья начиналась с описания содержания аудиторской проверки, выявившей нехватку бюджетных средств, выделенных на покупку офисной мебели. Заявитель выразил свою точку зрения, что в подобных обстоятельствах воображимый «нормальный губернатор» попытался бы установить ответственных, обеспечить, чтобы они ответили за это по закону, и пытаться вернуть украденные деньги. Затем он противопоставил поведение вымышленного «нормального губернатора» с реальной реакцией Губернатора Руцкого, который посоветовал своим помощникам заново оценить выполненную работу с тем, чтобы восполнить дефицит в бюджете. Статья заканчивалась выражением мнения заявителя о «ненормальности» того, что государственный чиновник раздает такие советы. На этом фоне, Суд считает, что слово «ненормальный», взятое в контексте, должно пониматься в том смысле, который вложил в него заявитель, а именно – описание поведения государственного чиновника, которое кажется неуместным в обстоятельствах данного дела.

26. Далее Суд напоминает, что в то время как существование фактов может быть доказано, правдивость оценочного суждения не требует доказательства. Требование доказать правдивость оценочного суждения не осуществимо и нарушает свободу выражения мнения, как таковую, являющуюся фундаментальной составляющей права, гарантированного статьей 10 (см. дело *Гринберг против России*, приведенное выше, §§ 30-31, с дальнейшими ссылками). Тем не менее остается вопрос, имело ли оспариваемое высказывание достаточную фактическую основу, поскольку даже оценочное суждение без подтверждающей фактической основы может быть чрезмерным (см. дело *Джерусалем против Австрии*, приведенное выше, § 43). В настоящем деле национальные суды были удовлетворены достоверностью фактов, изложенных в статье заявителя – в частности, что касается письменного распоряжения Губернатора Руцкого своим помощникам провести повторную оценку проделанной работы – и отклонили эту часть иска Губернатора как необоснованную. Отсюда следует, что оценочное суждение заявителя имеет под собой вескую фактическую основу.

27. В заключение, Суд отмечает, что заявитель позаботился о том, чтобы избежать двойственного прочтения своих выводов. Он пояснил, что его высказывание о «ненормальности» относится к поведению Губернатора Руцкого, а не к его персоне, и он оформил его как отдельный фрагмент в статье, то есть еще до того, как был подан иск о защите чести и достоинства. Национальные суды не пояснили, почему придерживались толкования высказывания как намекающего на то, что Губернатор был умственно отсталый на основании одной из ситуаций, в которой он не смог надлежаще исполнить свои должностные обязанности за то подвергся критике. В данных обстоятельствах Суд считает, что необходимость поставить защиту личных неимущественных прав политика выше права заявителя на свободу выражения мнения и общего интереса в продвижении данной свободы, когда речь идет о вопросах, представляющих общественное значение, не была убедительно установлена.

28. В свете вышеизложенного и учитывая роль журналистов и прессы в сообщении информации и идей по вопросам, представляющим общественный интерес, даже тех, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство, Суд считает, что использование слова «ненормальный» для описания поведения г-на Руцкого не превысило границы приемлемой критики. То, что судопроизводство было гражданским, а не уголовным, и конечная сумма была относительно

маленькой, не умаляет тот факт, что решения национальных судов не были основаны на приемлемой оценке соответствующих фактов (см. п. 17 выше). Соответственно, Суд считает, что рассматриваемое вмешательство не было «необходимым в демократическом обществе».

29. Следовательно, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

II. Применение статьи 41 Конвенции

30. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

2. Заявитель требовал 47 евро в качестве возмещения материального ущерба – сумму, которую он выплатил губернатору Руцкому по решению национальных судов с учетом инфляции. Что касается морального вреда, заявитель считал, что установление нарушения его права само по себе будет справедливым удовлетворением.

3. Правительство приняло требование о возмещении материального ущерба в размере 1 070 рублей, которые заявитель фактически заплатил губернатору. Правительство заявило, что заявитель не представил калькуляцию потерь, связанных с инфляцией.

4. Суд считает, что существует причинно-следственная связь между установленным нарушением права и заявленным материальным ущербом, поскольку заявитель указал сумму, которую он выплатил г-ну Руцкому по решению национальных судов. К тому же, некоторые денежные потери вызваны сроком, прошедшим со времени выплаты вышеуказанной суммы и решением Суда (см. постановление по делу *Гринберг против России*, § 39, приведенное выше). Соответственно, Суд присуждает заявителю 50 евро в качестве возмещения материального ущерба, плюс налоги, взимаемые с этой суммы.

В. Расходы и издержки

5. Заявитель требовал 35 000 рублей (1 026 евро) в качестве оплаты услуг г-жи Араповой, представляющей интересы заявителя в Суде. Он представил договор об оказании юридических услуг и две квитанции об оплате.

6. Правительство утверждало, что сумма гонорара адвоката была завышенной и неразумной. Более того, они утверждали, что единственным приемлемым доказательством данной выплаты будет декларация о доходах представителя заявителя с печатью налоговой службы.

7. В соответствии с практикой Суда, заявитель вправе получить возмещение судебных издержек, поскольку как было показано, они были фактически понесены и разумны по величине. Изучив документы, представленные заявителем, Суд убедился в том, что заявитель заплатил своему представителю сумму, оговоренную в договоре об оказании юридических услуг. Заплатила ли представитель заявителя налоги с этой суммы или нет, не является существенным для того, чтобы Суд назначил возмещение в соответствии со статьей 41 Конвенции. Следовательно, Суд считает, что гонорар адвокату является разумным и постановляет возмещение всей суммы, заявленной как судебные издержки, а именно 1 026 евро, плюс налоги, взимаемые с этой суммы

С. Процентная ставка

8. Суд считает целесообразным установление процента на основании предельной ставки по кредиту Европейского Центрального Банка, плюс три процентных пункта.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;

2. *Постановляет*:

(а) что государство-ответчик должно в трехмесячный срок с даты, когда постановление станет окончательным в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, выплатить заявителю следующие суммы:

- 50 (пятьдесят евро) в счет возмещения материального ущерба,

- 1 026 (одну тысячу двадцать шесть евро) в счет компенсации судебных издержек и расходов,
 - все налоги, которыми эти суммы могут облагаться;
- (b) что по окончании вышеуказанного 3-месячного срока на указанную сумму будет начисляться простой процент в размере предельной ставки по кредиту Европейского Центрального Банка в течение всего периода просрочки плюс три процентных пункта.

Совершено на английском языке и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 31 июля 2007 года в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Кристос Розакис
Сорен Нильсен

Председатель Суда
Секретарь Секции

**© Центр Защиты Прав СМИ,
перевод с английского, 2007**

Краткое изложение дела

ДЕЛО «ДЖАВАДОВ ПРОТИВ РОССИИ»

(Dzavadov v. Russia)

(жалоба № 30160/04)

Постановление Суда

Страсбург, 27 сентября 2007 года

Суть вынесенного решения: Имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); единогласно.

Краткое изложение обстоятельств дела:

В октябре 2002 года белгородский журналист Джавадов В. М. пытался зарегистрировать в Москве в Министерстве по делам печати газету под названием «Письма Президенту».

Министерство по делам печати отказало журналисту в регистрации, сочтя, что сведения, указанные в заявлении не соответствуют действительности. По мнению Министерства, тематика издания имеет более широкий смысл, чем название самого издания «Письма Президенту» (т.е. в газете будут публиковать не только письма Президенту о насущных проблемах россиян, но и другую общественно-политическую информацию, новости культуры, литературы, спорта и т. п.).

Более того, регистрирующий орган решил, что лишь Администрация Президента РФ вправе учреждать газету с подобным названием, а публиковать письма, адресованные Президенту без согласия Администрации запрещено.

Джавадов В. М. обжаловал отказ Министерства по делам печати в Тверской межмуниципальный суд г. Москвы. Суд отказал Джавадову В. М., мотивировав свое решение тем, что название газеты - «Письма Президенту» - может быть истолковано потребителями печатной продукции, как официальное издание, учредителем которого является

уполномоченный государственный орган, осуществляющий обеспечение деятельности Президента РФ, имеющего своей целью освещение основных направлений государственной политики и предоставление Президентом РФ прямых и непосредственных ответов на поступающие обращения (письма) граждан. Суд также полагал, что название печатного издания не соответствует его специализации.

Джавадов В. М. обратился в Московский городской суд с кассационной жалобой, полагая, что отказ в регистрации и судебное решение, поддержавшие позицию Минпечати, незаконны. Московский городской суд оставил в силе решение суда первой инстанции.

Оценка Европейского Суда:

Европейский Суд, согласившись с доводами Заявителя, что основание для отказа было незаконным, в своем постановлении указал:

«...требование того, чтобы название газеты «соответствовало действительности», должно быть основано на статье закона, которая это четко предписывает».

В противном случае отказ в регистрации газеты на основании того, что название «не соответствует действительности» будет незаконным.

Европейский Суд провел аналогию с делом польского журналиста Йозефа Гавенды, которому польские власти также не разрешили регистрировать печатные издания. В польском деле Европейский суд, впервые рассматривая подобную ситуацию, пришел к выводу, что нарушение права свободно распространять информации заключается в том, что польскими властями были использованы не прописанные в законе критерии для отказа в регистрации названия газеты.

Помимо этого Европейский Суд указал, что название газеты в принципе не может соответствовать или не соответствовать действительности, оно лишь отличает газету как товар на рынке СМИ среди других печатных изданий. В связи с этим, Европейский Суд указал:

«Название периодического издания, как таковое, не является утверждением, поскольку его функция, главным образом – идентифицировать данное периодическое издание для своих

фактических и потенциальных читателей на рынке печатной продукции».

Европейский Суд также решил, что российские суды ошибочно истолковали формулировку ст. 13 Закона о СМИ, что отказ в регистрации возможен, если сведения, указанные в заявлении о регистрации не соответствуют действительности. Термин «не соответствуют действительности» российские суды поняли слишком широко, распространив его на смысл выбранного учредителем СМИ названия газеты.

В итоге Суд пришел к выводу, что отказ в регистрации газеты «Письма Президенту» не был предусмотрен законом и соответственно нарушает требования статьи 10 Конвенции. В качестве компенсации морального вреда Европейский Суд обязал Российские власти выплатить Валерию Джавадову 1500 евро.

© Центр Защиты Прав СМИ, 2009

ДЕЛО «ДЖАВАДОВ ПРОТИВ РОССИИ»

(Dzavadov v. Russia)

(жалоба № 30160/04)

Постановление Суда
Страсбург, 27 сентября 2007 года

По делу «Джавадов против России» Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в следующем составе:

г-н Христос Розакис, *Председатель*,
г-н Лукис Лукаидес,
г-жа Нина Вайич,
г-н Анатолий Ковлер,
г-жа Элизабет Штейнер,
г-н Ханлар Гаджиев,
г-н Дин Шпильманн, *судьи*,

а также г-н Сорен Нильсен, *Секретарь Секции*,

Проведя 6 сентября 2007 года закрытое заседание,

Вынес следующее постановление, принятое в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основании жалобы (№ 30160/04) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») гражданином Российской Федерации, господином Валерием Мамедовичем Джавадовым (далее - «Заявитель») 21 июня 2004 года.

2. Заявитель был представлен в Суде госпожой Маргаритой Ледовских, юристом, практикующим в Воронеже. Российские власти (далее — «Правительство») были представлены г-ном П. Лаптевым,

уполномоченным представителем Российской Федерации при Европейском суде по правам человека.

3. Заявитель утверждал, что российские власти отказали в регистрации его газеты с названием «Письма Президенту», и таким образом препятствовали ему в ее издании.

4. 1 апреля 2005 года Суд принял решение уведомить Правительство о поданной жалобе. В соответствии с пунктом 3 статьи 29 Конвенции, суд изучил существо жалобы и в то же время, принял решение относительно ее приемлемости.

5. Правительство возражало против одновременного изучения жалобы относительно приемлемости и рассмотрения ее по существу. Рассмотрев возражение Правительства, Суд отклонил его.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

6. Заявитель родился в 1959 году и проживает в г. Белгороде.

7. 23 октября 2002 года заявитель обратился в Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций (далее – «Министерство») с заявлением о регистрации газеты под названием «Письма Президенту».

8. В письме от 23 января 2003 года, заместитель руководителя Департамента регистрации и лицензирования уведомил заявителя о том, что, судя по названию, газету могут воспринимать как официальный печатный орган, издаваемый уполномоченным государственным органом. Поскольку это могло ввести потенциальных читателей в заблуждение, заявителю порекомендовали «заручиться согласием уполномоченного органа».

9. Заявитель ответил заместителю руководителя и министру, настаивая на том, что газета либо должна быть зарегистрирована, либо ему должен быть выдан официальный отказ.

10. 3 июля 2003 года заявитель оспорил бездействие Министерства в Тверской межмуниципальный суд г. Москвы. Он утверждал, что его

кандидатура отвечает всем правовым требованиям, чтобы быть учредителем газеты, и что волокита со стороны Министерства была неправомерной.

11. 9 июля 2003 года заявитель получил официальный отказ Министерства в регистрации газеты по двум основаниям. Во-первых, в отказе говорилось, что в заявлении содержались сведения, не соответствующие действительности, поскольку тематика газеты затрагивала более широкий круг вопросов, чем вытекало из ее названия. Во-вторых, Министерство считало, что только Администрация Президента Российской Федерации могла дать согласие на опубликование писем Президенту или быть учредителем газеты с подобным названием.

12. 15 июля 2003 года заявитель внес изменения в исковое заявление, требуя отмены решения Министерства об отказе в регистрации СМИ.

13. 3 сентября 2003 года Тверской межмуниципальный суд г. Москвы поддержал отказ в регистрации газеты на следующих основаниях:

«... Суд считает возможным согласиться с доводом МПТР РФ в той части, что название газеты – ее специализация, может быть истолкована потребителями печатной продукции, как официальное издание, учредителем которого является уполномоченный государственный орган, осуществляющий ... предоставление Президентом РФ прямых и непосредственных ответов, на поступающие обращения (письма) граждан.

Суд полагает, что указанный факт, можно истолковать, как несоответствие действительности специализации печатного СМИ под названием «Письма Президенту» требованиям действующего законодательства. В связи с чем, суд приходит к выводу, что приведенный представителем МПТР РФ довод в части специализации печатного СМИ, является достаточным основанием для отказа в регистрации печатного СМИ ... по п. 2 ч. 1 ст. 13 Закона РФ «О СМИ», что не нарушает прав Джавадова В.М. на учреждение СМИ и выбор наименования ...».

14. 22 декабря 2003 года Московский городской суд поддержал постановление межмуниципального суда, поддерживая вышеприведенную мотивировку. Суд также установил:

«... суд [первой инстанции] пришел к правильному выводу о том, что Джавадовым В.М. без уважительных причин пропущен срок на обращение в суд с жалобой. Джавадов В.М. получил отказ в регистрации СМИ 23 января 2003 года, в суд обратился лишь 3 июля 2003 года ...

Пропуск трехмесячного срока на обращение с заявлением в суд является самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении требований заявителя (ч. 2 ст.256 ГПК РФ)».

II. Применимое национальное законодательство

А. Закон РФ «О средствах массовой информации» (№ 2124-І от 27 декабря 1991 года)

15. Газета может быть учреждена гражданином, достигшим восемнадцатилетнего возраста, не отбывающим наказание в местах лишения свободы, не признанным судом недееспособным (статья 7). Редакция средства массовой информации осуществляет свою деятельность после его регистрации, заявление о регистрации подлежит рассмотрению регистрирующим органом в месячный срок с указанной даты (статья 8).

16. В заявлении о регистрации средства массовой информации должны быть указаны, в частности, название средства массовой информации, примерная тематика и (или) специализация (ч. 2 и ч. 7 ст. 10).

17. Отказ в регистрации средства массовой информации возможен только по следующим основаниям: (1) если заявление подано от имени гражданина, не обладающего правом на учреждение средств массовой информации; (2) если указанные в заявлении сведения не соответствуют действительности; (3) если название, примерная тематика и (или) специализация средства массовой информации представляет злоупотребление свободой массовой информации в смысле статьи 4; (4) если ранее зарегистрировано средство массовой информации с тем же названием (статья 13).

18. Статья 4 запрещает использование средств массовой информации в целях совершения уголовно наказуемых деяний, для разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну, для экстремистской деятельности или для распространения материалов, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости.

В. Гражданский процессуальный кодекс

19. Гражданин вправе обратиться в суд с заявлением в течение трех месяцев со дня, когда ему стало известно о нарушении его прав и свобод (часть 1 статьи 256). Пропуск трехмесячного срока обращения в суд с заявлением не является для суда основанием для отказа в принятии заявления. Причины пропуска срока выясняются в предварительном судебном заседании или судебном заседании и могут являться основанием для отказа в удовлетворении заявления (часть 2 статьи 256).

20. В случае отказа в иске в связи с признанием неуважительными причин пропуска срока исковой давности или срока обращения в суд в мотивировочной части решения суда указывается только на установление судом данных обстоятельств (часть 4 статьи 198).

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

21. Заявитель утверждал, что отказ в регистрации его газеты под названием «Письма Президенту» нарушал его право на свободу выражения мнения в соответствии со статьей 10 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц ...».

А. Приемлемость

1. Возражение Правительства по поводу даты подачи жалобы

22. Правительство утверждало о том, что не было представлено доказательств того, что жалоба была подана 21 июня 2004 года, как указано на заявлении заявителя. Правительство настаивало, что следует рассматривать подачу жалобы 13 августа 2004 года – дату получения жалобы в Канцелярию Суда. Таким образом, жалоба была подана позднее, чем шесть месяцев с момента окончательного решения по делу заявителя, вынесенного 22 декабря 2003 года.

23. Заявитель представил копию квитанций об отправке и получении, в которых указано 21 июня 2004 года – дата отправки заявления в Суд.

24. Суд считает на основании документальных свидетельств, представленных заявителем, что датой подачи жалобы было 21 июня 2004 года, как указано в заявлении. Так как окончательное решение было вынесено российскими судами 22 декабря 2003 года, заявитель подал жалобу в течение шести месяцев после него. Следовательно, Суд должен отклонить возражение Правительства.

2. Возражение Правительства по поводу того, что не были исчерпаны все средства судебной защиты

25. Правительство указало на то, что Тверской межмуниципальный суд г. Москвы вынес решение, что исковое заявление заявителя было подано в ненадлежащие сроки. Из-за несоблюдения срока, установленного законом, заявитель лишил внутригосударственные суды возможности изучить существо его исковых требований.

26. Заявитель пояснил, что подал гражданский иск, чтобы оспорить бездействие Министерства вынести формальное решение о регистрации СМИ. Однако после того, как был получен официальный отказ, он внес изменения в исковое заявление. Следовательно, невозможно утверждать, что он подал исковое заявление в ненадлежащие сроки. Существо его исковых требований было детально изучено судами двух инстанций.

27. Суд отмечает, что и городской и межмуниципальный суды ознакомились с исковыми требованиями заявителя и отклонили их за необоснованность. В мотивировочной части решения суды не ограничились вопросом соответствия жалобы заявителя формальным

требованиям (см. п. 20 выше). Суд напоминает, что нельзя говорить о том, что заявитель не воспользовался всеми внутригосударственными средствами судебной защиты, если, несмотря на то, что он не соблюл установленных законом формальностей, компетентные органы изучили существо его искового заявления (см. постановления по делам *Скалка против Польши (Skalka v. Poland)* от 3 октября 2002 года, № 43425/98, *Церковь Бессарабии и другие против Молдовы (Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova)* от 7 июня 2001 года, № 45701/99, и *Эдельмейер против Австрии (Edelmayer v. Austria)* от 21 марта 2000 года, № 33979/96). Суд считает, что поскольку российские суды изучили существо жалобы заявителя, нельзя утверждать о не использовании им всех средств судебной защиты. Отсюда следует, что жалоба не может быть объявлена неприемлемой по причине того, что заявитель не воспользовался всеми средствами судебной защиты.

3. Решение Суда о приемлемости жалобы

28. Суд считает, что жалоба, очевидно, является обоснованной в рамках пункта 3 статьи 35 Конвенции. Далее Суд отмечает, что она не может быть неприемлемой по другим основаниям. Соответственно, жалоба должна быть объявлена приемлемой.

В. Существо дела

1. Доводы сторон

29. Правительство признало, что отказ в регистрации газеты заявителя с названием «Письма Президенту» представлял собой вмешательство в его право на свободу выражения мнения в соответствии с п. 1 статьи 10 Конвенции. Однако Правительство настаивало, что подобное название могло привести к неправильному пониманию, что газета была официальным изданием Администрации Президента Российской Федерации, органа – в полномочия которого входило рассмотрение обращений граждан. Кроме того, что название вводило в заблуждение, оно не соответствовало специализации газеты. Правительство утверждало, что целью отказа в регистрации газеты под таким названием была защита репутации и прав других лиц, а именно Президента и его Администрации, и прав населения в целом. В частности, целью отказа было защитить право общественности получать ответы на свои обращения от уполномоченного государственного органа. Заявителю следовало получить разрешение на использование ссылки на Президента в названии газеты. Правительство признало, что вышеизложенные вопросы не были урегулированы в Законе

«О СМИ», но сослалось, по аналогии, на закон о товарных знаках. В заключение Правительство утверждало, что, в любом случае, заявитель свободно мог издавать газету под другим названием.

30. Заявитель утверждал, что отказ в регистрации газеты с предложенным названием представлял собой вмешательство в его свободу распространять информацию и идеи. Подобное вмешательство не было «предусмотрено законом», поскольку национальное право, включая Закон «О СМИ», не допускало отказ в регистрации на основаниях, изложенных Правительством. Название газеты нельзя рассматривать как «правдивое» или «ложное», или каким-либо образом не «соответствующее действительности». Более того, в российском законодательстве нет четкого требования строгой связи между названием газеты и ее специализацией. Заявитель также утверждал, что даже если бы отказ в регистрации был правомерным, он не был «необходим в демократическом обществе».

2. Общие принципы

31. Суд напоминает, что право на свободу выражения мнения является одной из фундаментальных основ демократического общества и одним из основных условий его развития и самосовершенствования каждой личности (см. постановление по делу *Лингенс против Австрии (Lingens v. Austria)* от 8 июля 1986 года, Серия А № 103, стр. 26, § 41). Статья 10 защищает не только содержание информации и идей, но и способы их распространения, поскольку любое ограничение способов их распространения неизбежно ущемляет право получать и передавать информацию (см. постановление по делу *Озтюрк против Турции (Öztürk v. Turkey)* [БП], № 22479/93, § 49, ЕСПЧ 1999-VI).

32. Осуществление свобод, гарантированных пунктом 1 статьи 10, включая свободу передавать информацию, может быть сопряжено с определенными «формальностями» и «условиями» (см. постановление по делу *Карадемирчи и другие против Турции (Karademirci and Others v. Turkey)*, №№ 37096/97 и 37101/97, § 40, ЕСПЧ 2005-I). Поскольку статьей 10 не запрещается наложение предварительных ограничений на печатные СМИ, в соответствующем внутригосударственном праве должно быть четкое указание на обстоятельства, при которых эти ограничения допустимы, особенно когда они полностью препятствуют публикации периодического издания (см. постановление по делу *Гавенда против Польши (Gawęda v. Poland)*, № 26229/95, § 40, ЕСПЧ 2002-II). Опасность, которая заложена в предварительных ограничениях, требует самого

пристального внимания (см. постановление по делу *Обзервер и Гардиан против Соединенного Королевства (Observer and Gardian v. United Kingdom)* от 26 ноября 1991 года, Серия А № 216, стр. 30, § 60).

3. Применение вышеупомянутых принципов в настоящем деле

33. Суд отмечает обоюдное согласие сторон с тем, что отказ в регистрации газеты с предложенным названием представлял собой «вмешательство» в право заявителя на свободу выражения мнения, предусмотренное пунктом 1 статьи 10. Такое вмешательство ведет к нарушению статьи 10, если не будет установлено, что оно «предусмотрено законом», преследует одну или более законных целей, изложенных в пункте 2, и является «необходимым в демократическом обществе» для достижения этих целей.

34. Во-первых, следует установить, было ли оспариваемое вмешательство «предусмотрено законом».

35. Суд отмечает, что одно из требований, следующих из формулировки «предусмотрено законом» - это предсказуемость рассматриваемой меры. Норма не может считаться «законом», пока не будет сформулирована с достаточной четкостью, так, чтобы гражданин мог регулировать свое поведение: он должен предвидеть – в случае необходимости получив соответствующую консультацию – в степени, разумной в данных обстоятельствах, последствия, которые данная мера может повлечь (см. среди других, постановления по делам *Реквени против Венгрии (Rekvényi v. Hungary)* [БП], № 25390/94, § 34, ЕСПЧ 1999-III; *Гусев и Маренк против Финляндии (Goussev and Marenk v. Finland)* от 17 января 2006 года, № 35083/97, § 53; и *Штефанек против Чешской Республики (Štefanec v. the Czech Republic)* от 18 июля 2006 года, № 75615/01, § 44,).

36. Степень четкости, в значительной степени, зависит от содержания рассматриваемого документа, области, которую он затрагивает, и количество и статус тех, кому этот документ адресован (см. постановление по делу *Гроппера Радио АГ и другие против Швейцарии (Groppera Radio AG and Others v. Switzerland)* от 28 марта 1990 года, Серия А № 173, стр. 26, § 68). Закон, который предоставляет дискреционные полномочия, сам по себе, может отвечать требованию «предусмотрено законом» при условии, что рамки этих дискреционных полномочий и способ их использования прописаны с достаточной ясностью, чтобы защитить от произвола (см. постановление по делу *Гудвин против Соединенного*

Королевства (Gudwin v. United Kingdom) от 27 марта 1996 года, Протоколы Постановлений и Решений 1996-II, стр. 496-97, § 31).

37. В настоящем деле, вопросы регистрации печатных СМИ регулируются Законом «О СМИ». Российские суды сослались на часть 13 этого Закона в качестве правового обоснования, чтобы поддержать отказ в регистрации газеты заявителя. В этой части содержится требование, что информация в заявлении о регистрации должна «соответствовать действительности». Суды сочли, что отказ в регистрации был оправдан потому, что предложенное название предполагало, что газета является официальным изданием Администрации Президента Российской Федерации, что было не верно, и потому, что в газете предполагалось освещать более широкий круг тем, чем говорилось в названии.

38. Сходная ситуация уже рассматривалась Судом в деле *Гавенда против Польши*, в котором Суд установил, что требование того, чтобы название журнала содержало правдивую информацию, является нецелесообразным с точки зрения свободы прессы. Название периодического издания, как таковое, не является утверждением, поскольку его функция, главным образом – идентифицировать данное периодическое издание для своих фактических и потенциальных читателей на рынке печатной продукции (см. *Гавенда против Польши*, приведенное выше, § 43).

39. Далее Суд подчеркнул, что требование того, чтобы название газеты «соответствовало действительности», должно быть основано на статье закона, которая это четко предписывает. В деле *Гавенда против Польши* Суд установил нарушение статьи 10 Конвенции, поскольку в трактовке, данной судами, были использованы новые критерии, которые невозможно было предвидеть на основании текста закона, определяющего ситуации, когда в регистрации названия может быть отказано (там же).

40. Аналогичная ситуация сложилась в настоящем деле. Внутригосударственные суды сделали вывод из фразы «несоответствие действительности», использованной в части 13 Закона «О СМИ», о том, что регистрационный орган вправе отказать в регистрации, если сочтет, что название издания не отвечает проверке на правдивость или вводит в заблуждение. Суд считает, что слишком широкая трактовка не была основана на какой-либо статье закона, которая это четко разъясняет, и что заявитель не мог разумно предвидеть ее. Следовательно, то, как «формальности» для регистрации были истолкованы и применены к свободе выражения мнения заявителя, не отвечало стандарту «качества закона» по Конвенции. В данных обстоятельствах, Суд считает, что

вмешательство в права заявителя не было «предусмотрено законом» в рамках пункта 2 статьи 10 Конвенции. Соответственно, нет необходимости изучать, соблюдались ли другие требования, изложенные в пункте 2 статьи 10 Конвенции.

41. Таким образом, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

II. Применение статьи 41 Конвенции

42. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

43. Заявитель требовал 10 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

44. Правительство считало сумму чрезмерной и полагало, что установление нарушения статьи 10 Конвенции будет справедливой сатисфакцией в настоящем деле.

45. Суд считает, что заявителю был причинен моральный вред, который не будет равноценно возмещен лишь установлением нарушения. Тем не менее, сумма, заявленная заявителем кажется чрезмерной. Объективно оценив ситуацию, Суд присуждает заявителю 1 500 евро плюс налоги, взимаемые с этой суммы.

B. Расходы и издержки

46. Заявитель не требовал возмещения судебных издержек, понесенных в российских судах и в Европейском Суде. Соответственно, Суд не присуждает ничего по данному пункту.

С. Процентная ставка

47. Суд считает целесообразным установление процента на основании предельной ставки по кредиту Европейского Центрального Банка, плюс три процентных пункта.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* жалобу приемлемой;
2. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
 - (a) что государство-ответчик должно в трехмесячный срок с даты, когда постановление станет окончательным в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, выплатить заявителю 1 500 евро (одна тысяча пятьсот евро) в качестве компенсации морального вреда, переведенных в российские рубли по курсу на момент выплаты плюс налоги, взимаемые с этой суммы;
 - (b) что по окончании вышеуказанного 3-месячного срока на указанную сумму будет начисляться простой процент в размере предельной ставки по кредиту Европейского Центрального Банка в течение всего периода просрочки плюс три процентных пункта;
4. *Отклоняет* остальную часть требования заявителя о справедливой сатисфакции.

Выполнено на английском языке, представлено в письменной форме 27 сентября 2007 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Христос Розакис
Сорен Нильсен

Председатель Суда
Секретарь Секции

**© Центр Защиты Прав СМИ,
перевод с английского, 2007**

Краткое изложение дела

ДЕЛО «ШАБАНОВ И ТРЕНЬ ПРОТИВ РОССИИ»

(Shabanov and Tren v. Russia)

(жалоба № 5433/02)

Постановление Суда

Страсбург, 14 марта 2007 года

Суть вынесенного решения: Нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод) не имело место; имело место нарушение статьи 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Краткое изложение обстоятельств дела:

А. Иск о защите чести и достоинства г-жи П.

В газете «Право знать», учредителями которой являлись Шабанов С. М. и Трень С. А., была опубликована статья «Сколько стоит власть-2», в которой обсуждался вопрос о размерах заработной платы и льготах, полученных сотрудниками городского совета, в частности, сообщался размер заработной платы главы правового департамента и давался комментарий:

«Неплохо для двадцатилетней служащей, недавно окончившей педагогический институт».

Глава правового департамента подала иск о защите чести к учредителям газеты.

Городской суд г. Черняховск Калининградской области, который рассматривал иск, посчитал, что распространенные сведения порочат репутацию истицы и удовлетворил иск, обязав опубликовать опровержение и выплатить каждого из учредителей по 300 рублей.

Шабанов С. М. и Трень С. А. обратились в Калининградский областной суд с кассационной жалобой. Однако областной суд оставил решение суда первой инстанции в силе.

Б. Иск о защите чести и достоинства г-на К.

В 2001 году в этой же газете была опубликована статья «Армия с мокрыми ногами», в которой сообщалось, что в одной военной части почти двести человек заболели, так как командир части, не снабдил их сухими портянками или не обеспечил возможности высушивать обувь.

Командир части подал иск о защите чести и достоинства, требуя опровержения порочащих сведений и компенсации морального вреда. Наличие морального вреда истец подтверждал медицинским заключением психиатра.

В продолжении темы в газете «Право знать» была опубликована другая статья «Синдром синдрому рознь. И без портянок», в которой дословно сообщалось:

«Таким образом, наш герой ...обратился к психиатру 13 февраля 2001 года ... «Интеллект без особенностей», отметил врач, [который] обнаружил у К. ... средне выраженный астенический синдром и назначил лечение. Астения означает упадок сил, своего рода заболевание. Это означает, что командир части не совсем здоров. Или совсем нездоров?»

Командир части дополнил исковое заявление требованиями о защите частной жизни, в связи с распространением сведений о его здоровье.

Черняховский городской суд Калининградской области в удовлетворении иска о защите чести и достоинства отказал. Однако посчитал, что иск о защите частной жизни подлежит удовлетворению, так как г-н К. не давал согласия на распространение информации о своем здоровье, которая составляет информацию о частной жизни лица. Суд обязал Шабанова выплатить компенсацию морального вреда в размере 1500 рублей, а Треня - 1000 рублей.

Оценка Европейского Суда:

Суд признал, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции, так как народный заседатель, который принимал участие в рассмотрении дела заявителей, не были отобраны в соответствии с требованиями российского законодательства, следовательно, суд не являлся судом, «созданным на основании закона».

Суд подчеркнул, что

«...Правительство не предоставило какого-либо документа с определением правовых основ ее [народного заседателя] участия в отправлении правосудия».

Что касается предполагаемого нарушения статьи 10 Европейской Конвенции, то суд отметил следующее.

Судебный процесс, начатый г-жой П.

Европейский Суд признал, что имело место «вмешательство» в свободу выражения мнения, которое было «предусмотрено законом» и преследовало законную цель.

Суд отверг доводы заявителей и признал, что в данном случае применение в деле национальными судами статьи 152 ГК РФ не выглядит неразумным или непредсказуемым.

Анализируя было ли вмешательство «необходимо в демократическом обществе», суд указал:

«статья 10 Конвенции защищает право журналистов обнародовать информацию по вопросам, вызывающим общий интерес при условии, что они действуют добросовестно и используют достоверные факты, представляя «надежную и точную» информацию в соответствии с журналистской этикой».

Европейский Суд также отметил, что даже если речь идет об оценочных суждениях, они должны быть обоснованными,

«поскольку даже оценочное суждение без подкрепляющих его фактов может оказаться чрезмерным».

Суд пришел к выводу, что распространенная информация не представляла собой «справедливый комментарий» по вопросу, представляющему общественный интерес.

Таким образом, по данному эпизоду Суд не признал нарушения статьи 10 Конвенции.

Судебный процесс, начатый г-ном К.

Суд признал, что имело место «вмешательство» в свободу выражения мнения заявителей, оно было предусмотрено статьей 151 ГК РФ и преследовало правомерную цель защиты частной жизни г-на К.

Суд напомнил общие принципы, выработанные им по делам, касающимся распространения информации в открытом судебном процессе:

«если заявления были сделаны в ходе открытого судебного процесса, то это не рассматривалось как вмешательство в частную жизнь».

Кроме того, Суд отметил факт добровольности предоставления сведений:

«В ситуациях, когда люди сознательно или намеренно вовлекают себя в деятельность, которая регистрируется или может быть зарегистрирована для передачи общественности, ожидания этих людей в отношении сохранения тайны могут быть значительным, но необязательно определяющим фактором».

Однако, по мнению Суда, распространение информации о здоровье г-на К. в газете привлекло к ней внимание широкой общественности и это произошло еще до слушания дела в суде, что также важно. Кроме того, Суд отметил:

«...из текста статьи в газете «Ваше право знать» ясно, что сообщение о состоянии здоровья г-на К. было скорее непозволительным выпадом заявителей в его сторону, чем попыткой поднять общественно значимый вопрос».

В итоге Суд пришел к выводу, что не имело место нарушение статьи 10 Конвенции в данном случае.

© Центр Защиты Прав СМИ, 2009

ДЕЛО «ШАБАНОВ И ТРЕНЬ ПРОТИВ РОССИИ»

(Shabanov and Tren v. Russia)

(жалоба № 5433/02)

Постановление Суда
Страсбург, 14 марта 2007 года

По делу «Шабанов и Трень против России» Европейский Суд по правам человека (Пятая Секция), заседаая Палатой в следующем составе:

г-н Пер Лоренсен, *Председатель*,
г-жа Снежана Ботучарова,
г-н Карел Юнгвирт,
г-н Райт Марусте,
г-н Анатолий Ковлер,
г-н Хавьер Боррего Боррего,
г-жа Ренате Йегер, *судьи*,

а также г-жа Клаудия Вестердик, *Секретарь Секции*,

Проведя 20 ноября 2006 года закрытое заседание,

Вынес следующее постановление, принятое в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было начато после подачи заявления (№ 5433/02) против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав и основных свобод человека (далее - «Конвенция») двумя гражданами России, г-ном Сергеем Михайловичем Шабановым и г-ном Сергеем Алимовичем Тренем (далее - «Заявители»), 10 августа 2001 года.
2. Интересы российского правительства (далее - «Правительство») представлял его уполномоченный, г-н П. Лаптев, представитель Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека.

3. Жалоба заявителей, главным образом, касалась якобы имевших место нарушения их права на свободу выражения мнения и нарушения их права на судебное разбирательство судом, созданным на основании закона.

4. Решением от 23 ноября 2004 года, Суд объявил жалобу частично приемлемой.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

5. Заявители родились в 1959 и 1963 годах и проживают в городе Черняховск Калининградской области. Они являются предпринимателями и учредителями газеты «Право знать».

A. Иск о защите чести и достоинства г-жи П.

6. 27 апреля 2001 года в газете заявителей была опубликована статья под заголовком «Сколько стоит власть-2». В статье был представлен подробный отчет о размерах заработной платы и льготах, полученных сотрудниками среднего звена городского совета. В соответствующем отрывке говорилось:

«Для придания ясности давайте посмотрим, из чего складывается их заработная плата. Давайте для примера возьмем главу правового департамента....

Всего ... 5805 рублей.

Неплохо для двадцатилетней служащей, недавно окончившей педагогический институт».

7. Г-жа П., глава правового департамента, обратилась в суд с иском против заявителей. Она заявила, что имеет диплом о высшем юридическом образовании и более трех лет стажа в сфере права, и что статья нанесла ущерб ее авторитету, посеяв сомнения в ее профессиональной компетентности.

8. 13 июня 2001 года Городской суд г. Черняховск Калининградской области рассмотрел иск и вынес решение. Он пришел к заключению о том,

что заявители были хорошо осведомлены о личности главы правового департамента и имели намерение обличить конкретного человека, а именно г-жу П. Суд установил, что г-жа П. была назначена на свою должность в сентябре 2000 года по завершению курса высшего юридического образования. Суд выяснил следующее:

«Указав в своей статье размер зарплаты главы правового департамента и написав о двадцатилетней служащей, только что окончившей институт, [заявители] передали неточную информацию, учитывая, что г-жа П., о которой [заявители] написали как об окончившей педагогический институт четыре года до этого, была в это время главой правового департамента и имела диплом о высшем юридическом образовании.

Статья «Сколько стоит власть: часть 2» предполагает, что муниципальные служащие получают высокие зарплаты, выплачиваемые из бюджета, и приводит в пример недавнюю выпускницу ВУЗа без опыта работы.

Суд считает, что такая информация наносит ущерб профессиональной репутации и чести г-жи П. тем, что она была распространена среди большой читательской аудитории и заставляла сделать вывод о том, что должность главы правового департамента занята служащей, которой недостает необходимой профессиональной квалификации и опыта работы, что подрывает авторитет местной администрации и г-жи П.».

Суд обязал заявителей опубликовать опровержение и выплатить каждому по 300 рублей (12 евро) г-же П.

9. 20 июня 2001 года оба заявителя обжаловали решение от 13 июня 2001 года. Они утверждали, что доказательств недостоверности информации представлено не было, и что она не подрывала авторитет г-жи П. Они также указали на процессуальное нарушение, состоявшее в том, что дело рассматривалось судом, в составе которого был один профессиональный судья и два непрофессионала, один из которых народный заседатель г-жа Кр., участвовала в предыдущем слушании 5 февраля 2001 года, в то время как народные заседатели могут работать в суде только один раз в год и не дольше четырнадцати дней.

10. 18 июля 2001 года Калининградский областной суд утвердил решение от 13 июня 2001 года. Он подтвердил данные областного суда о том, что г-жа П. окончила педагогический институт, но указал на то, что это произошло в 1997 году, и что ко времени ее назначения на указанную должность она также получила высшее юридическое образование. Суд заключил, что статья была написана с целью поставить под сомнение профессиональную пригодность г-жи П. и тем самым подорвать ее репутацию. В отношении предполагаемого процессуального нарушения суд постановил, что заявители не представили доказательств того, что определенный непрофессиональный судья участвовал в рассмотрении дела дольше четырнадцати дней и констатировал, что их обвинения были основаны на ошибочном понимании закона о народных заседателях.

Б. Иск о защите чести и достоинства г-на К.

11. 19 января 2001 года в газете заявителей была опубликована статья г-на В. под заголовком «Армия с мокрыми ногами». В статье говорилось об условиях жизни солдат в одной военной части, где почти двести человек заболели из-за того, что г-н К., командир части, не снабдил их сухими портянками или не обеспечил возможности высушивать обувь.

12. Г-н К. Подал в суд на заявителей и г-на В., требуя защиты своей чести, достоинства и профессиональной репутации и компенсации за моральный ущерб. В качестве подтверждения факта нанесенного ему морального вреда г-н К. приложил медицинское заключение психиатра, с которым были ознакомлены заявители, бывшие в качестве ответчиков.

13. 13 июля 2001 года газета опубликовала статью-продолжение «Синдром синдрому рознь. И без портянок». В статье содержался комментарий к различным аспектам искового заявления г-на К. В частности там было написано:

«Таким образом, наш герой ...обратился к психиатру 13 февраля 2001 года ... «Интеллект без особенностей», отметил врач, [который] обнаружил у К. ... средне выраженный астенический синдром и назначил лечение. Астения означает упадок сил, своего рода заболевание. Это означает, что командир части не совсем здоров. Или совсем нездоров?»

14. В последствии г-н К. добавил к своему исковому заявлению жалобу на публикацию информации о своем состоянии здоровья, что, по его мнению,

было несправедливым вмешательством в его право на неприкосновенность частной жизни.

15. 25 сентября 2001 года Черняховский городской суд Калининградской области принял свое решение. Суд установил, что факты, касавшиеся массовых заболеваний среди рядового состава, описанные в статье от 19 января 2001 года, были достоверными и отклонил эту часть иска г-на К. Вместе с тем, суд установил, что г-н К. упомянул о своем визите к психиатру в своем исковом заявлении, что доступ к его делу имело только ограниченное число людей, и что г-н К. не давал согласия на опубликовании своего диагноза в газете. Суд пришел к заключению, что статья от 13 июля 2001 года нарушила нематериальные права г-на К., а именно право на неприкосновенность частной жизни, а также личных и семейных тайн, которая защищена Конституцией. Опираясь на статью 151 Гражданского кодекса, он назначил истцу возмещение морального ущерба в размере 1500 руб. (55 евро) и 1000 руб. (37 евро), выплачиваемого первым и вторым заявителем соответственно.

16. 24 октября 2001 года Калининградский областной суд отклонил апелляцию по решению от 13 июля 2001 года. Суд отказался удовлетворить аргумент заявителей о том, что общественность должна была быть информирована о состоянии здоровья г-на К, так как он командовал военной частью.

II. Применимое национальное законодательство

A. Конституция Российской Федерации

17. Статья 29 Конституции Российской Федерации гарантирует свободу мысли и выражения мнения. Равно как и свободу СМИ.

B. Гражданский кодекс Российской Федерации (от 30 ноября 1994 года)

18. В соответствующих положениях Гражданского кодекса говорится следующее:

Статья 150. Нематериальные блага

1. Жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация,

неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, право на имя, право авторства, иные личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом. В случаях и в порядке, предусмотренных законом, личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежавшие умершему, могут осуществляться и защищаться другими лицами, в том числе наследниками правообладателя.

Статья 151. Компенсация морального вреда

Если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

Статья 152. Защита чести, достоинства и деловой репутации

1. Гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности.

По требованию заинтересованных лиц допускается защита чести и достоинства гражданина и после его смерти.

5. Гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, вправе наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением.

С. Закон о народных заседателях

19. 10 января 2000 года вступил в силу федеральный закон о непрофессиональных судьях федеральных судов общей юрисдикции в

Российской Федерации (Закон «О народных заседателях»). В соответствии с разделом 1 (2) Положения, народными заседателями являются лица, имеющие право участвовать в слушаниях гражданских и уголовных дел в качестве непрофессиональных судей.

20. В разделе 2 говорится о том, что для каждого районного суда местными органами самоуправления должны быть составлены списки народных заседателей, подлежащие утверждению областными законодательными органами. В разделе 5 определяется процедура отбора непрофессиональных судей, которая заключается в том, что председатель районного суда отбирает их из списка непрофессиональных судей, приписанных к данному суду путем случайной жеребьевки. Общее число народных заседателей, приписанных к каждому профессиональному судье, должно превышать число необходимое для слушания, как минимум, втрое.

21. В соответствии с разделом 9, непрофессиональные судьи вызываются для выполнения своих обязанностей в районном суде на период в четырнадцать дней, или же на срок, в течение которого длится разбирательства по конкретному делу. Непрофессиональные судьи могут быть вызваны для участия в слушании судебного дела только один раз в год.

Д. Гражданско-процессуальный кодекс РСФСР

22. Гражданские дела могут рассматриваться судом, состоящим из двух народных заседателей и одного профессионального судьи. При отправлении правосудия народные заседатели имеют такие же права, как и профессиональные судьи (статья 6).

23. Гражданское судопроизводство всегда публично за исключением случаев, когда закрытое слушание необходимо для защиты информация, касающейся государственных тайн, интимных подробностей частной жизни сторон или тайны усыновления (статья 9).

24. Письменные доказательства зачитываются в открытом суде и доводятся до сведения сторон и их адвокатов (статья 175).

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 6 Конвенции

25. Заявители подали жалобу по статье 6 Конвенции на то, что 13 июня 2001 года состав Черняховского городского суда Калининградской области не соответствовал требованиям закона. В пункте 1 статьи 6 говорится:

«Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях ... имеет право на справедливое ... разбирательство ... судом, созданным на основании закона».

A. Доводы сторон

26. Заявители указатели на то, что народный заседатель Кр. не была выбрана для участия в слушании на основании жеребьевки, как того требует раздел 5 § 5 Закона о народных заседателях, и что общий список непрофессиональных судей Черняховского городского суда не был утвержден областным законодательным органом (раздел 2 Закона). По этой причине они полагали, что народный заседатель Кр. не имела правового основания быть в составе суда.

27. Позиция Правительства состояла в том, что никаких процессуальных нарушений не было, поскольку не было подтверждений тому, что непрофессиональный судья Кр. участвовала в работе районного суда в течение более четырнадцати дней в нарушение требований раздела 9 Закона о народных заседателях.

B. Оценка Суда

28. Суд напоминает, что фраза «созданный на основании закона» указывает не только на правовую основу самого существования суда, но также и его состав при рассмотрении каждого дела (см. постановление по делу *Бускарини пр. Сан-Марино (Buscarini v. San Marino)* от 4 мая 2000 года, № 31657/96). Поэтому Суд обязан рассматривать обвинения подобные тем, которые выдвинуты в данном деле относительно нарушения национальных правил назначения судебных чиновников. То обстоятельство, что в данном деле обвинение касалось народных заседателей, никак не умаляет важности вопроса, поскольку в соответствии со статьей 6 действовавшего тогда Гражданско-

процессуального кодекса, народные заседатели, действовавшие в своем судебном качестве, имели те же права, что и профессиональные судьи (см. пункт 22 выше).

29. Суд напоминает о том, что в похожем деле им уже было выявлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции (см. постановление по делу *Посохов против России (Posohov v. Russia)*, № 63486/00, §§ 40-44, ЕСПЧ 2003-IV). Это нарушение произошло вследствие «очевидного невыполнения требований закона о Народных заседателях в том, что касается жеребьевки при выборе и двухнедельного периода работы в суде в год». Кроме этого, местные органы власти признали факт отсутствия списков народных заседателей, утвержденных областным законодательным органом. Данные обстоятельства привели Суд к заключению, что районный суд, слушавший дело заявителя не являлся судом, «созданным на основании закона».

30. Суд отмечает, что подобные же обстоятельства присутствуют и в данном деле. В своем исковом заявлении заявителя утверждали, что народный заседатель Кр., участвовавшая в составе суда 13 июня 2001 года, также принимала участие в рассмотрении другого гражданского дела 5 февраля 2001 года. Данное обращение, которое не было оспорено ни кассационным судом, ни Правительством-ответчиком заставляет сделать вывод о том, что либо максимально длительность периода, разрешенная для народных заседателей, работающих в суде, была значительно превышена, либо народный заседатель Кр. была вызвана для участия в судебных слушаниях более одного раза в год. Как бы там ни было, налицо нарушение правил отбора народных заседателей, определенных в разделе 9 Положения о народных заседателях (см. пункт 21 выше). Более того, Правительство не смогло подтвердить, что были соблюдены требования Положения о народных заседателях в том, что касается определения имен судей для участия в работе суда путем жеребьевки и обязательного утверждения составленного списка областным законодательным органом. На деле, Правительство не предоставило какого-либо документа с определением правовых основ ее участия в отправлении правосудия.

31. Вышеупомянутые соображения не позволяют Суду сделать вывод о том, что Черняховский городской суд, принявший постановление от 13 июня 2001 года мог рассматриваться как «суд, созданный на основании закона». Калининградский областной суд, во время пересмотра дела в ответ на кассационную жалобу, не сделал ничего для устранения вышеупомянутых недостатков.

32. Таким образом, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

II. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

33. Заявители обратились с жалобой, утверждая, что решения от 13 июня и 25 сентября 2001 года нарушили их право на распространение идей и информации, гарантированное статьей 10 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц ...».

A. Доводы сторон

34. Заявители утверждали, что информация в обеих статьях была достоверной и точной, насколько им было известно, и не ущемляла ни честь, ни репутацию истцов.

35. Правительство выдвинуло аргумент без конкретной ссылки на какое-либо решение о том, что национальные суды руководствовались статьей 152 Гражданского кодекса. Правительство также сослалось на статью 17 Российской Конституции, в соответствии с которой осуществление прав и свобод не должно ущемлять права других людей. В данном же деле статьи заявителей ущемили право г-жи П. и г-на К. на защиту от распространения информации, умаляющей их честь, достоинство и профессиональную репутацию.

Б. Оценка Суда

1. Судебный процесс, начатый г-жой П.

36. В процессе, начатом в результате подачи иска г-жой П., суд обязал заявителей выплатить компенсацию в ее пользу за создание впечатления, что г-жа П. не имела достаточной квалификации для выполнения своей работы. В особенности, заявители написали о том, что г-жа П. занимала должность главы правового департамента, несмотря на то, что она лишь незадолго до этого окончила педагогический институт. Национальные суды, однако, выяснили, что в действительности г-жа П. получила и высшее юридическое образование.

37. Бесспорно, что присуждение возмещения ущерба представляло собой вмешательство в осуществление заявителями своего права на свободу выражения мнения, но это вмешательство преследовало законную цель защиты репутации других лиц.

38. Заявители не согласились с тем, что вмешательство было «предписано законом», так как основанием для судебной ответственности по статье 152 Гражданского кодекса могла быть только публикация неточных сведений, а поскольку факты, упомянутые в статье – а именно возраст г-жи П. и факт ее окончания педагогического института – не были признаны недостоверными, они не должны были отвечать за них перед судом.

39. Заявителям не удалось убедить Суд в своей правоте. Суд повторно заявляет, что задача применения и толкования национальных законов возложена в первую очередь на национальные органы власти (см., например, дело *Таммер против Эстонии (Tammer v. Estonia)*, № 41205/98, § 38, ЕСПЧ 2001-I). Применение национального закона о диффамации в данном деле не выглядит неразумным или непредсказуемым. Цель закона о диффамации состоит в защите частных лиц от ложных утверждений, бросающих тень на их репутацию. Ложное утверждение может заключаться не только в передаче недостоверных фактов, но и в утаивании достоверных фактов, которые, будь они заявлены, могли бы значительно изменить восприятие предмета. В данном деле заявители понесли ответственность за то, что не проинформировали читателей о наличии у г-жи П. юридического образования. Поэтому Суд считает, что вмешательство было «предписано законом».

40. Относительно вопроса о том, было ли вмешательство «необходимо в демократическом обществе», Суд напоминает о том, что статья 10 Конвенции защищает право журналистов обнародовать информацию по вопросам, вызывающим общий интерес при условии, что они действуют добросовестно и используют достоверные факты, представляя «надежную и точную» информацию в соответствии с журналистской этикой (см. постановления по делам *Фрессоз и Руар против Франции (Fressoz and Roire v. France)* [БП], № 29183/95, § 54, ЕСПЧ 1999-I; *Швабе против Австрии (Schwabe v. Austria)* от 8 августа 1992 года, Серия А № 242-Б, § 34; и *Прагер и Обершлик против Австрии (Prager and Oberschlick v. Austria)* от 26 апреля 1995 года, Серия А № 313, § 37). Заявители в своей публикации обсуждали адекватность денежного вознаграждения государственных служащих, что, без сомнения, является предметом, вызывающим всеобщий интерес.

41. В своей публикации, заявители попытались выразить точку зрения о том, что г-жа П., глава правового департамента, получала высокую зарплату, не соответствовавшую возрасту и полученному образованию. Суд повторяет, что даже тогда, когда заявление представляет собой оценочное суждение, пропорциональность вмешательства может зависеть от наличия или отсутствия достаточного количества фактов, подтверждающих оспариваемое заявление, поскольку даже оценочное суждение без подкрепляющих его фактов может оказаться чрезмерным (см. постановление по делу *Джерусалем против Австрии (Jerusalem v. Austria)*, № 26958/95, § 43, ЕСПЧ 2001-II). В данном случае есть основания полагать, что заявители не обращались к г-же П. за комментариями перед публикацией и не проверяли информацию о ее образовании. Они представили своим читателям неполный фактический отчет, предполагавший, что г-жа П. была недостаточно образована для своей должности. В сложившихся обстоятельствах Суд считает, что статья заявителей в отношении г-жи П. представляла собой не взвешенный комментарий на тему, вызывающую всеобщий интерес, а скорее ничем неспровоцированный выпад против нее. Учитывая эти обстоятельства, сумма назначенной компенсации не представляется чрезмерной.

42. Принимая во внимание сказанное выше, а также рамки усмотрения, предоставленные национальным властям, Суд принимает решение о том, что обжалованное вмешательство было соразмерно преследовавшейся законной цели, и что причины, выдвинутые национальными судами, были существенными и достаточными для его обоснования.

Таким образом, в судебном процессе, начатом г-жой П., не было нарушения статьи 10 Конвенции.

2. Судебный процесс, начатый г-ном К.

43. Г-н К., военнослужащий, изначально обратился в суд на заявителей за распространение недостоверной информации об условиях службы в военной части под его командованием. Затем он добавил иск о возмещении морального ущерба, нанесенного публикацией информации о его диагнозе, заявителями. В то время как суды отклонили иск о защите чести и достоинства, выяснив, что информация соответствовала действительности, они обязали заявителей выплатить возмещение г-ну К. за вмешательство в его частную жизнь.

44. Это вмешательство в осуществление заявителями свободы выражения мнения было предписано законом, а именно статьей 151 Гражданского кодекса, регулирующей судебную защиту «личных неимущественных прав», включая право на неприкосновенность частной жизни, и преследовало законную цель защиты права других лиц. По мнению национальных судов, это было также необходимо для предотвращения раскрытия информации, полученной конфиденциально. Если бы не публикация заявителей, информация о состоянии здоровья г-на К. осталась бы в архиве суда, доступ к которому имеет ограниченное количество людей.

45. Оценивая соразмерность вмешательства преследуемой законной цели, Суд с самого начала замечает, что г-н К. добровольно продемонстрировал медицинское свидетельство в ходе процесса о защите чести и достоинства в качестве доказательства морального ущерба, причиненного ему первой публикацией заявителей. Этот процесс был открытым, как того требует статья 6 Конвенции и статья 9 Гражданско-процессуального кодекса РСФСР, и г-н К. не обращался с просьбой о проведении закрытых слушаний. Следовательно, данное дело отличается от дел, касающихся раскрытия информации о состоянии здоровья по причинам неподконтрольным заинтересованной стороне (см., среди прочего, постановление по делу *Эдисон Плон против Франции (Editions Plon v. France)*, № 58148/00, ЕСПЧ 2004-IV; *З против Финляндии (Z v. Finland)* от 25 февраля 1997 года, *Сборники 1997-I*; и *М.С. против Швеции (M.S. v. Sweden)* от 27 августа 1997 года, *Сборники 1997-IV*).

46. Таким образом, Суд должен определить, смогли ли национальные суды выдержать правильный баланс между необходимостью защитить частную жизнь г-на К. и право заявителей на свободу выражения мнения. Органы, осуществляющие надзор за выполнением положений Конвенции, всегда придерживались подхода, в соответствии с которым иски о защите неприкосновенности частной жизни автоматически уменьшались в зависимости от степени вовлеченности частной жизни заявителя в общественную жизнь. Поэтому, если заявления были сделаны в ходе открытого судебного процесса, то это не рассматривалось как вмешательство в частную жизнь (см. *Икс против Великобритании (X v. United Kingdom)*, № 3868/68, решение Комиссии от 25 мая 1970 года, 34 колл. 10; и, более общую информацию в деле *Фридл против Австрии (Friedl v. Austria)*, № 15225/89, отчет Комиссии от 19 мая 1994 года, § 44). В ситуациях, когда люди сознательно или намеренно вовлекают себя в деятельность, которая регистрируется или может быть зарегистрирована для передачи общественности, ожидания этих людей в отношении сохранения тайны могут быть значительным, но необязательно определяющим фактором. Существенным обстоятельством также является добровольное предоставление информации и разумная возможность предположить, как она может быть использована в дальнейшем (см. постановления по делам *П. Г. и Дж. Х. против Великобритании (P.G. and J.H. v. the United Kingdom)*, № 44787/98, § 57, ЕСПЧ 2001-IX; *Лупкер против Нидерландов (Lupker v. the Netherlands)*, № 18395/91, решение Комиссии от 7 декабря 1992 года; *Пек против Великобритании (Pesk v. United Kingdom)*, № 44647/98, § 62, ЕСПЧ 2003-I; и *Перри против Великобритании (Perry v. United Kingdom)*, № 63737/00, § 42, ЕСПЧ 2003-IX (выдержки)).

47. В данном деле г-н К. представил медицинское свидетельство в ходе процесса, касавшегося иска о защите чести и достоинства. Он сделал это по собственной инициативе с целью доказать факт нанесения морального ущерба. Этот документ был доведен до сведения заявителей, которые в той ситуации выступали в качестве ответчиков, и он, очевидно, был зачитан в суде как часть письменных доказательств в соответствии с процессуальными требованиями, изложенными в Гражданско-процессуальном кодексе РСФСР. Таким образом, информация была доступна не только для сторон дела, но также и для представителей общественности, присутствовавших в зале суда. По общему признанию, г-ну К. не стоило ожидать, что информация из медицинского свидетельства может пользоваться той же степенью защиты от разглашения в контексте открытого судебного процесса, что и конфиденциальные медицинские

материалы из частных дел архива суда. Однако ее распространение заявителями через публикацию в газете привлекло к ней внимание широкой общественности еще даже до слушания дела в суде, которое только предстояло. Национальные суды пришли к соглашению о том, что, невзирая на то обстоятельство, что истец (г-н К.) сам предоставил медицинское свидетельство, заявители были все же обязаны выплатить ему компенсацию за нарушение его право на неприкосновенность частной жизни и личных и семейных тайн (см. пункт 15 выше). Суд отмечает различие между контекстами, в которых были сделаны «публичные» заявления, - одно перед национальным судом и другое – в форме публикации в газете. Далее, важность и значительность фактов может меняться в зависимости от обстоятельств. Суд хотел бы подчеркнуть, что национальные суды могут лучше оценить эффект контекстуальных различий в данном деле (см. постановление по делу *Лесник против Словакии (Lešník v. Slovakia)*, № 35640/97, §§ 51, 52, 55, ЕСПЧ 2003-IV).

48. В том, что касается цели заявителей в написании статей, Суд сомневается в важности общественной дискуссии на тему положения дел в вооруженных силах. Также верно, что Калининградский областной суд (см. пункт 16 выше) не принял аргумент заявителей о том, что общественность должна быть информирована о состоянии здоровья г-на К. К тому же, из текста статьи в газете «Ваше право знать» ясно, что сообщение о состоянии здоровья г-на К. было скорее непозволительным выпадом заявителей в его сторону, чем попыткой поднять общественно значимый вопрос. Учитывая все обстоятельства дела, Суд не находит оценку статьи как нарушившую права г-на К, данную судом первой инстанции, необоснованной.

49. Наконец, следует отметить, что распоряжение национальных судов о выплате компенсации (1500 и 1000 руб. первым и вторым заявителем соответственно) было относительно умеренным.

50. По этим соображениям, нельзя сказать, что, принимая данные решения, национальные суды преступили данные границы усмотрения. Таким образом, Суд соглашается с тем, что обжалованное вмешательство не было несоразмерным преследованной законной цели и, следовательно, может считаться «необходимым в демократическом обществе» в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции.

Поэтому, в судебном процессе, начатом г-ном К, не было нарушения статьи 10 Конвенции.

III. Применение статьи 41 Конвенции

51. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

52. Заявители потребовали выплаты 2000 евро в качестве компенсации за моральный ущерб. Г-н Трень также потребовал 1940 евро за свою долю в газете, которую он предположительно был вынужден продать в июле 2004 года.

53. Правительство указало на отсутствие причинно-следственной связи между предполагаемым нарушением и продажей г-ном Тренем своей доли, и что размер затребованных сумм был чрезмерным.

54. Суду не очевидно существование причинно-следственной связи между выявленным нарушением и продажей г-ном Тренем своей доли, поэтому данный иск о возмещении финансового ущерба отклоняется. С другой стороны, Суд считает, что заявителям все же был нанесен финансовый ущерб, который не компенсируется выявлением нарушения в полной мере. Проведя оценку на справедливой основе, Суд присуждает каждому заявителю возмещение морального ущерба в размере 500 евро плюс сумма любого налога, которым могут облагаться данные суммы.

B. Расходы и издержки

55. Заявители не предъявляли требований о возмещении расходов и издержек. Поэтому нет оснований для присуждения компенсации такого рода.

С. Процентная ставка

56. Суд считает целесообразным установление процента на основании предельной ставки по кредиту Европейского Центрального Банка, плюс три процентных пункта.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 6 Конвенции;
2. *Постановляет*, что нарушения статьи 10 Конвенции в судебном процессе, начатом г-жой П., не было;
3. *Постановляет*, четырьмя голосами против трех, что нарушения статьи 10 Конвенции в судебном процессе, начатом г-ном К., не было;
4. *Постановляет* единогласно
 - (а) что государство-ответчик обязано выплатить каждому заявителю, в течение трех месяцев с момента окончательного вступления данного решения в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, 500 евро (пятьсот евро) в качестве возмещения нематериального ущерба с переводом на российские рубли по курсу на момент расчета с прибавлением суммы любого налога, которым могут облагаться данные суммы;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанных трех месяцев до момента выплаты на суммы, указанные выше, выплачиваются простые проценты в размере предельного ссудного процента Европейского центрального банка в течение периода выплаты процентов с добавлением трех процентных пунктов;
5. *Отклоняет* единогласно ставшуюся часть иска заявителя с требованием справедливой компенсации.

Выполнено на английском языке, представлено в письменной форме 14 декабря 2006 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Пер Лоренсен
Клаудия Вестердик

Председатель Суда
Секретарь Секции

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции, пунктом 2 Правила 74 Регламента Суда, к настоящему решению прилагаются совместное особое мнение г-на П. Лоренсена, г-на Р. Марусте и г-на Х. Боррего Боррего.

СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ЛОРЕНСЕН, МАРУСТЕ И БОРРЕГО БОРРЕГО

Мы не согласны с оценкой большинства судей иска о защите чести и достоинства, поданного г-ном К.

Мы признаем, что, с правовой точки зрения, г-н К. не был обязан предоставлять информацию о своем визите к психиатру в ходе процесса о диффамации. Он сделал это по собственной инициативе, видимо, для того, чтобы убедить суд в том, что первая публикация заявителей нарушила его душевный покой и нанесла ему ущерб. Однако, как верно подчеркнули большинство судей, содержание медицинского свидетельства было доведено до заявителей, которые тогда были ответчиками, и, скорее всего, зачитано в суде как часть письменных доказательств в соответствии с требованиями Гражданско-процессуального кодекса РСФСР. Таким образом, эта информация была доступна не только сторонам разбирательства по делу, но также и представителям широкой общественности, присутствовавшим в зале суда. И хотя публикация заявителей, несомненно, содействовала ее широкому распространению, г-ну К. не стоило ожидать, что информация из медицинского свидетельства может пользоваться той же степенью защиты от разглашения в контексте открытого судебного процесса, что и конфиденциальные медицинские материалы из частного досье. По этой причине мы не можем принять заключение национальных судов о том, что заявители должны нести ответственность за разглашение информации, полученной конфиденциально.

Возможно, что заявители прокомментировали поход г-на К. к психиатру в шутливой манере, имея в виду, что он не годится на роль командира воинской части. В этой связи Суд неоднократно заявлял, что свобода журналиста предполагает возможность определенного преувеличения или даже провокации (см. постановление по делу *Прагер и Обершлик против Австрии (Prager and Oberschlik v. Austria)*, от 26 апреля 1995 года, Серия

А № 313, § 38). На наш взгляд, при написании статьи не использовались грубые или неумеренно резкие выражения, и манера изложения не вышла за общепризнанные рамки преувеличения или провокации. Притом, что командующий офицер не является политиком, он, конечно же, публичная фигура, во власти которой находятся свыше 200 солдат и который несет ответственность за их благополучие. Следовательно, он также является объектом более пристального, нежели обычно внимания общества и критики.

Далее, мы бы отметили, что проблемы, с которыми сталкиваются военные, и их профессиональные качества представляют собой темы, вызывающие общий интерес, о которых журналисты призваны информировать общество (см., *mutatis mutandis*, постановление по делу *Torgер Torgerson против Исландии (Torgер Torgerson v. Island)* от 25 июня 1992 года, Серия А № 239, § 63). Мы напоминаем о том, что в данном деле, общий интерес был вызван еще и фактом массового заболевания солдат. Психические расстройства офицера, под командованием которого находятся более двухсот новобранцев, бесспорно, являются вопросом, вызывающим особую общественную озабоченность. Мы считаем, что общественная озабоченность фактами, составляющими данное дело, перевешивает индивидуальные интересы.

В сложившихся обстоятельствах, мы полагаем, что национальные суды не смогли выдвинуть «существенные и достаточные» причины, по которым защита личных интересов г-на К. должна была получить преимущество перед защитой права заявителей на свободу выражения мнения и общего интереса укрепления свободы. Поэтому обжалованное вмешательство не было «необходимо в демократическом обществе» в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции. Таким образом, было нарушение статьи 10 Конвенции в отношении судебного процесса, начатого г-ном К.

**© Центр Защиты Прав СМИ,
перевод с английского, 2008**

Краткое изложение дела

ДЕЛО «ДЮЛЬДИН И КИСЛОВ ПРОТИВ РОССИИ»

(Duldin and Kislov v. Russia)

(жалоба № 25968/02)

Постановление Суда

Страсбург, 31 октября 2007 года

Суть вынесенного решения: Имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); единогласно.

Краткое изложение обстоятельств дела:

В августе 2000 года координационный совет Пензенской региональной ассоциации избирателей «Гражданское единство» принял проект текста открытого письма, озаглавленного «Информационное обеспечение реформ президента В. В. Путина в Пензенской области», который был обсужден в последствии за круглым столом, принят и направлен Президенту РФ, в ряд государственных органов и нескольким высокопоставленным должностным лицам.

Открытое письмо было подписано Кисловым А. И. (профсоюзный лидер) и Дюльдиным В. Г. (журналист), а также четырьмя главными редакторами. В письме содержалась резкая критика деятельности губернатора Пензенской области, его команды и областной власти в целом, сообщалось о преследовании журналистов в Пензенской области со стороны губернатора области и его команды.

Позднее открытое обращение было опубликовано в «Новой биржевой газете».

Двенадцать сотрудников администрации Пензенской области подали иски о защите чести, достоинства, деловой репутации и компенсации морального вреда к лицам, подписавшим письмо, а также к редакции

«Новой биржевой газеты». Позднее еще четырнадцать сотрудников администрации подали аналогичные иски.

Ленинский районный суд г. Пензы принял решение, которым удовлетворил заявленные иски. Суд посчитал, что под понятия «областная власть», «ближайшее окружение губернатора Бочкарева», «подручные губернатора» и «команда губернатора», используемое в открытом письме, подпадает любой государственный чиновник Пензенской области, следовательно, опровергаемые сведения относятся к истцам.

Районный суд признал сведения не соответствующими действительности, поскольку

«Заявители не использовали никакой «научной методике для всесторонней оценки хода социально-экономического развития области» при подготовке открытого письма, и, что их оценка была целиком основана на личном мнении».

Суд обязал редакцию газеты опубликовать опровержение распространенных сведений и выплатить компенсацию морального вреда в размере 50000 рублей, а каждого из ответчиков - подписавших открытое письмо, в том числе, заявителей, - по 2500 рублей.

Кисловым А. И. и Дюльдиным В. Г. была подана кассационная жалоба, которая не была удовлетворена Пензенским областным судом.

Оценка Европейского Суда:

Европейский Суд, признал, что было вмешательство в право заявителей на свободу выражения мнения, оно было предусмотрено законом и преследовало цель защиты репутации других лиц.

Далее Европейский Суд перешел к вопросу о необходимости вмешательства в свободу выражения мнения в демократическом обществе.

Европейский Суд напомнил основные важнейшие принципы относительно важности свободы выражения мнения и прессы в демократическом обществе.

Помимо этого Европейский Суд указал, что в данном деле спорные сведения были распространены в открытом письме, которое было

согласовано в ходе открытого обсуждения с участием различных лиц. Суд признал, что открытое обращение было частью политической дискуссии, суд отметил, что в подобных случаях он требует серьезной обоснованности налагаемых ограничений.

Кроме этого, Европейский Суд подчеркнул, что

«истцы, подавшие иск о защите чести и достоинства, были отдельными государственными чиновниками, членами администрации Пензенской области. Ни один из них не был упомянут в письме прямо или косвенно».

Европейский Суд также решил, что позиция российских судов, согласно которой они признали, что сведения непосредственно относятся к истцам, хотя последние не были названы в статье, не соответствует принципам, изложенным в статье 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В связи с этим, Суд указал:

«основным требованием закона о диффамации является то, что для того, чтобы дать делу ход, необходимо, чтобы порочащее утверждение было направлено в адрес конкретного человека. Если бы у всех госчиновников была возможность обращения в суд в связи с любым критическим утверждением в отношении ведения государственных дел, даже в ситуациях, когда чиновник не был назван по имени или другим узнаваемым способом, то журналистов затопил бы поток исков. Это означало бы не только непомерное бремя, возложенное на СМИ, истощающее их ресурсы и втягивающее их в бесконечные судебные процессы, это также неизбежно оказало бы «сдерживающий эффект» на прессу, выполняющую свою задачу поставщика информации и стража общественных интересов»

В данном деле суд также применил принцип повышенной терпимости правительства к критике в свой адрес. Суд также разграничил утверждения о фактах и оценочные суждения. Европейский Суд признал, что спорные сведения являются скорее оценочными суждениями, чем фактами, следовательно, национальные суды, требуя подтвердить соответствие действительности мнения заявителей, нарушили принципы, гарантированные статьей 10 Европейской Конвенции о защите прав человека. Суд указал:

«... отечественные суды ориентировались на необычно высокий стандарт доказательности, констатируя, что описание политики губернатора как “разрушительной” только тогда можно было расценить как достоверное, если бы оно было основано на всестороннем научном анализе общественно-экономического развития области. ... Суд подчеркивает, что степень точности, которую должен соблюдать журналист, выражающий свое мнение по социально значимому вопросу, едва ли можно сравнивать с точностью экономических прогнозов».

В итоге Суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

© Центр Защиты Прав СМИ, 2009

ДЕЛО «ДЮЛЬДИН И КИСЛОВ ПРОТИВ РОССИИ»

(Duldin and Kislov v. Russia)

(жалоба № 25968/02)

Постановление Суда
Страсбург, 31 октября 2007 года

По делу «Дюльдин и Кислов против России» Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в следующем составе:

г-н Христос Розакис, *Председатель*,
г-н Лукис Лукаидес,
г-жа Нина Вайич,
г-н Анатолий Ковлер,
г-жа Элизабет Штейнер,
г-н Сверре Эрик Йебенс,
г-н Джорджо Малинверни, *судьи*,

а также г-н Сорен Нильсен, *Секретарь Секции*,

Проведя 10 июля 2007 года закрытое заседание,

Вынес следующее постановление, принятое в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было начато после подачи жалобы (№25968/02) против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав и основных свобод человека (далее - «Конвенция») двумя гражданами России, г-ном Виктором Гавриловичем Дюльдиным и г-ном Александром Ивановичем Кисловым (далее – «Заявители»), 30 октября 2001 года.

2. Интересы заявителей представляла г-жа Ф. Байшева. Российское правительство (далее - «Правительство») было представлено его уполномоченным г-ном П. Лаптевым, представителем Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявители утверждали, в частности, что было нарушено их право на свободу выражения мнения.

4. Решением от 13 мая 2004 года Суд объявил жалобу частично приемлемой.

5. Заявители и Правительство подали свои комментарии относительно существа дела (пункт 1 Правила 59).

6. 3 марта 2005 года председатель Палаты дал разрешение представителям организации JURIX (Адвокаты за конституционные права и свободы) и Фонда защиты гласности участвовать в рассмотрении дела в качестве третьей стороны (пункт 2 Правила 44). 1 апреля 2005 года третья сторона представила свои письменные комментарии. 14 мая 2005 года Правительство представило свои замечания на комментарии третьей стороны.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

7. Заявители родились в 1944 и 1948 годах, и проживают в г. Пенза. Во время происходивших событий первый заявитель был профсоюзным лидером, второй заявитель - журналистом. Они также являлись сопредседателями Пензенской региональной ассоциации избирателей «Гражданское единство».

A. Принятие и публикация открытого письма президенту Путину В. В.

8. 15 августа 2000 года координационный совет Пензенской региональной ассоциации избирателей «Гражданское единство» принял на своем собрании проект текста открытого письма, озаглавленного «Информационное обеспечение реформ президента В. В. Путина в Пензенской области».

9. 16 августа 2000 года текст был обсужден за круглым столом в присутствии заявителей, главных редакторов местных газет и журналистов. Проект был доработан и усовершенствован. Обсуждение

закончилось принятием открытого письма координационного совета «Гражданское единство» и руководителей независимых СМИ в Пензенской области президенту Российской Федерации, Совету по безопасности Российской Федерации, Совет журналистов России, полномочному представителю президента в Волжском федеральном округе и министру по делам прессы и информации Российской Федерации. Открытое письмо было подписано Заявителями и четырьмя главными редакторами.

10. 24 августа 2000 года «Новая биржевая газета» опубликовала открытое письмо на своей первой странице. В соответствующих выдержках из письма говорится следующее:

*«Мы (авторы Обращения) исповедуем разные политические взгляды, но при этом едины в поддержке курса президента на обуздание коррупции в стране, наведение порядка в экономике, утверждение законности и демократических норм во всех сферах жизни общества. За «Круглым столом» нас собрала общая тревога за судьбу президентских реформ в Пензенской области. **Пензенская область постепенно превращается в частный холдинг, контролируемый губернатором В. Бочкаревым и его ближайшим окружением...***

*Сегодня все мы (СМИ) неуютны областной власти, поскольку открыто выражаем несогласие с **корыстной и разрушительной политикой** губернатора и его команды, публикуем разоблачительные материалы о коррупционерах и должностных махинаторах...*

Опять, как и в начале 1991 года, когда партийные бонзы чувствовали скорую отставку, областная власть начала гонения на независимую прессу. Журналистов подвергают угрозам, избиениям, наши издания запрещают печатать и распространять в регионе...

С другой (стороны) – независимые (СМИ), попытки которых отстаивать законность, права человека, говорить о наведении порядка в экономике, разоблачать коррупцию, постоянно пресекаются губернатором и его подручными...»

11. В остальной части открытого письма содержалась резкая критика лично губернатора Пензенской области обвинения в серьезных нарушениях.

Б. Гражданский иск о защите чести и достоинства против Заявителей

12. 3 февраля 2001 года двенадцать членов администрации Пензенской области подали гражданский иск в Ленинский районный суд г. Пенза о защите своей чести, достоинства и профессиональной репутации и компенсации морального вреда, якобы нанесенного публикацией открытого письма. В качестве ответчиков они определили Заявителей и других подписавшихся под письмом, равно как и газету, опубликовавшую его.

13. 3 марта 2001 года список истцов пополнился еще четырнадцатью фамилиями других сотрудников администрации Пензенской области, обратившихся с такими же исками.

14. 30 марта 2001 года один из изначальных истцов, г-н Г., отозвал свой иск. В разговоре с сотрудниками «Новой биржевой газеты» он назвал возбужденные дела «попыткой взять СМИ под контроль». В апреле 2001 года г-н Г. был уволен со своей должности в администрации.

15. Заявители подали встречный иск против истцов, обвиняя их в нарушении закона о государственной службе, которое заключалось в том, что они использовали свои официальные должности для дискредитации и подрыва деятельности ассоциации «Гражданское единство». Заявители потребовали компенсации морального вреда, якобы нанесенного нарушением их прав и свобод, в особенности, права на свободу выражения мнения, гарантированного Конституцией.

16. 15 мая 2001 года Ленинский Районный суд г. Пенза принял решение. Сначала был проведен подробный анализ федеральных и областных законов о структуре администрации Пензенской области, а затем суд пришел к следующему заключению относительно обоснованности иска истцов о защите чести и достоинства:

«... любой государственный чиновник в Пензенской области обладает определенной властью и авторитетом необходимыми для осуществления своих функциональных обязанностей и, следовательно, подпадает под категорию «областная власть».

Учитывая то обстоятельство, что «областная власть» состоит из отдельных людей, т.е. государственных чиновников, понятие «областная власть» применимо к каждому истцу, который в силу своей должности является государственным чиновником в Пензенской области.

Слова «ближайшее окружение губернатора Бочкарева», «подручные губернатора» и «команда губернатора», использованные в оспоренной публикации, - по мнению суда и, невзирая на утверждения ответчиков и их адвокатов в обратном – применимы ко всем государственным чиновникам [работающим в] исполнительного органа администрации Пензенской области и, следовательно, к истцам».

17. Затем районный суд рассмотрел достоверность утверждений Заявителей относительно «разрушительной» политики команды губернатора. Он установил, что Заявители не использовали никакой «научной методики для всесторонней оценки хода социально-экономического развития области» при подготовке открытого письма, и, что их оценка была целиком основана на личном мнении. Суд отклонил утверждение г-на Г. об экономическом спаде в Пензенской области в 2001 года, поскольку он был уволен из администрации, и, следовательно, по мнению суда, был на стороне ответчиков. Суд заключил, что утверждения, касавшиеся «корыстной и разрушительной политики» были несправедливы.

18. Также районный суд не обнаружил доказательств в поддержку утверждений относительно преследования журналистов в Пензенской области. Он указал на то, что один из подписавшихся под письмом главный редактор местной газеты, не смог доказать политическую подоплеку нападения на одного из его журналистов. По мнению суда, тот факт, что определенные работники администрации попытались склонить местных чиновников к подписке на газеты подконтрольные губернатору в ущерб всем прочим изданиям, не был незаконным и не мог рассматриваться как «запрет на распространение».

19. Районный суд постановил, что выдержки из открытого письма, выделенные в тексте выше жирным шрифтом, были недостоверными и ущемили честь и достоинство истцов как представителей администрации Пензенской области. Он распорядился о возмещении морального вреда, нанесенного всем истцам совместно: газета-ответчик была обязана

выплатить 50000 российских рублей и каждый из Заявителей, а также четверо из их соответчиков должны были выплатить по 2500 рублей. Суд также приказал газете-ответчику поместить опровержение.

20. Районный суд отклонил встречный иск Заявителей на том основании, что истцы осуществляли свое право на судебное разбирательство и, следовательно, не нарушили никаких прав Заявителей.

21. 24 июля 2001 года Пензенский областной суд рассмотрел кассационную жалобу Заявителей и утвердил решение от 15 мая 2001 года.

II. Применимое национальное законодательство

A. Конституция Российской Федерации

22. Статья 29 гарантирует свободу мысли и выражения мнения, наряду со свободой СМИ.

Б. Гражданский кодекс Российской Федерации

23. Статья 152 предусматривает возможность для отдельного гражданина обратиться в суд с требованием об опровержении сведений, ущемивших его или ее честь, достоинство или профессиональную репутацию, если лицо, распространившее эти сведения, не в состоянии доказать их соответствие действительности. Потерпевшая сторона также может подать иск о получении компенсации за понесенные убытки и моральный вред вследствие распространения таких сведений.

В. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации, № 11 от 18 августа 1992 года (с дополнениями от 25 апреля 1995 года)

24. Постановление (действовавшее во время происходивших событий) предусматривает, что для того, чтобы рассматриваться как порочащие, сведения должны быть ложными и содержать обвинения в нарушении закона или нравственных принципов (совершение бесчестного деяния, недостойное поведение на рабочем месте или в быденной жизни и т.п.). Под распространением сведений понимается их публикация в прессе или передача по радио или телевидению (пункт 2). Бремя доказывания правдивости и точности распространенных сведений лежит на ответчике (пункт 7).

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

25. Заявитель обратился с жалобой по статье 10 на нарушение своего права на распространение информации. В статье 10 Конвенции сказано:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц ...».

A. Доводы сторон

1. Заявители

26. Заявители утверждали, что в открытом письме не содержалось какой-либо недостоверной информации. Основное намерение при публикации письма было в распространении утверждения о том, что освещение хода реформ в области государственными телевизионными каналами подконтрольными областной администрации не было объективным. Авторы письма были обеспокоены ущемлением свободы прессы со стороны губернатора области и его команды. Письмо не содержало каких-либо обвинений в незаконной деятельности или уголовных преступлениях.

27. Заявители утверждали, что у них не было намерения распространять ложную информацию, и они были твердо уверены в правильности своих заявлений, основывавшихся на данных, собранных советом независимого профсоюза «Соцпроф» в Пензе и правозащитной организацией,

действующей в области. Целью написания открытого письма президенту и высокопоставленным государственным чиновникам было проведение всестороннего расследования в предполагавшиеся нарушения, происходящие в Пензенской области.

28. Заявители указали на то, что иск о защите чести и достоинства был подан не администрацией Пензенской области, Пензенским областным законодательным собранием и Пензенским областным судом совместно, а группой отдельных лиц. Однако в публикации не упоминались конкретные государственные чиновники по фамилиям или каким-либо другим признакам. Заявители считали, что у упомянутых двадцати пяти сотрудников областной администрации не было оснований для обращения в суд для защиты от диффамации. Им скорее следовало воспользоваться своим правом на ответ, предоставленным российским Законом «О СМИ».

2. Правительство

29. Правительство утверждало, что вмешательство в осуществление Заявителем права на распространение информации было предписано законом и преследовало законную цель защиты репутации и прав других людей.

30. Правительство утверждало, что Заявители пренебрегли своими обязанностями, которые состояли в предоставлении точной и надежной информации по вопросам, вызывающим общественный интерес. По их мнению, в данном деле присутствовала «острая общественная необходимость» защиты репутации государственных чиновников в Пензенской области, поскольку Заявители распространили информацию с обвинениями в их адрес в совершении уголовных преступлений. Вмешательство было соразмерно законной цели, поскольку суды ясно указали на порочащие утверждения и удовлетворили иск частично. Правительство пришло к заключению о том, что необходимость вмешательства была «очевидна», и что жалоба Заявителей была очевидно плохо обоснована.

31. Комментируя доводы третьей стороны (см. ниже), Правительство указало на общий характер этих доводов без учета конкретных обстоятельств дела.

3. Третья сторона

32. Третья сторона привела довод о том, что ограничения, изложенные в пункте 2 статьи 10, не следует истолковывать как дающие право обращения в суд с исками о защите чести и достоинства отдельным государственным чиновникам, не названным поименно, и в этом случае действующим в качестве суррогатных представителей или *alter ego* государства. В США общеправовой закон уже долгое время защищает журналистов против исков о клевете, поданных анонимными членами какой-либо группы в ответ на критику, высказанную в адрес этой группы, в соответствии с принципом несостоятельности «групповой клеветы» (*Абрамсон против Патаки*, 278 F.3d 93 – иск о клевете анонимных членов совета, поданный как реакция на обвинения определенных его членов в преступной деятельности, отклонен; *Аньяну против «Коламбия Брод Сис»*, 887 F. Supp 690 – иск о клевете выходца из Нигерии, имеющего дело в США, в ответ на порочащие утверждения относительно всех нигерийцев, занимающихся предпринимательством в США, отклонен). Принцип состоит в том, что предположительно ложное утверждение о группе людей не «есть касающееся» отдельных членов этой группы (Свод права [Второй] Тортса, § 564А). В соответствии с этим принципом не только отдельные члены, но даже и избранные лидеры организации не имеют права на подачу индивидуальных исков о клевете в ответ на критические утверждения в адрес группы лиц (*МакМиллен против Фонда по лечению артрита*, 432 F. Supp. 430; *Временное правительство республики Новая Африка против группы компаний «Америкэн Брод»*, 609 F. Supp. 104).

33. Третья сторона далее указала на то, что в Великобритании Палата Лордов предостерегала от «сдерживающего эффекта» возможного преследования за клевету на осуществление права на свободу высказываний в случае, если государственные органы получают право обращения в суд в ответ на критику в свой адрес (в деле *Совет графства Дербишир против газеты «Таймс»* [1993] А.В. 534). Судебные лорды пришли к выводу о том, что выборные органы власти не должны иметь права обращения в суд с исками о клевете, поскольку какой бы репутацией они не обладали, это будет репутация общественности в целом, которая в конечном итоге только выигрывает от беспрепятственной критики. Если бы у государственных органов была возможность обращения в суд, то это означало бы нецелевое расходование средств налогоплательщиков, к которому бы могли прибегнуть

правительства нетерпимые к критике (*Дай Спурбондэнд Анор. против компании «Южно-африканские железные дороги»* [1946] AD 999).

34. Последний аргумент, на котором настаивала третья сторона, заключался в том, что в каждом деле, где присутствует конфликт между свободой выражения мнения и другими отдельными или коллективными интересами, суд должен взвесить интересы обеих сторон и объяснить причины принятого решения, в соответствии с которым возобладали интересы одной из сторон. Когда политики используют иски о клевете против СМИ якобы для защиты своей чести, достоинства и репутации, то при ближайшем рассмотрении их действительной целью является скорее желание задуть критику. Страдает же в таких случаях общество от нарушения потока информации, который необходим для полноценного политического диалога.

В. Оценка Суда

35. Стороны согласны в том, что решения, вынесенные в результате подачи иска о защите чести и достоинства явились вмешательством в осуществление Заявителями права на свободу выражения мнения в понимании пункта 1 статьи 10 Конвенции.

36. Не оспаривается также и то, что вмешательство было «предписано законом», а именно, статьей 152 Гражданского кодекса, и преследовало законную цель защиты репутации или прав других людей в соответствии с пунктом 2 статьи 10. Спор в данном деле касается вопроса о том, было ли вмешательство «необходимо в демократическом обществе».

37. Свобода выражения мнения является одним из краеугольных камней демократии и одним из основных условий его прогресса и самореализации каждого человека в отдельности. Будучи предметом пункта 2 Статьи 10, она применима не только к «информации» или «идеям, выраженным в дружелюбной форме или воспринимаемым как неагрессивные или бесстрастные, но также и те, которые оскорбляют, шокируют или будоражат Государство или любую часть его населения» уже является нормой его судебной практики. Таковы требования плюрализма, терпимости и либеральности взглядов, без которых нет «демократического общества» (см. постановления по делам *Хэндисайд против Великобритании (Handyside v. United Kingdom)* от 7 декабря 1976 года, Серия А № 24, стр. 23, § 49, и *Йерсилд против Дании (Jersild v. Denmark)* от 23 сентября 1994 года, Серия А № 298, стр. 26, §37).

38. Пресса играет чрезвычайную роль в демократическом обществе. Притом что пресса не должна переступать определенные границы, особенно в отношении репутации и прав других людей, ее обязанность заключается в распространении – способом, соответствующим ее обязательствам и обязанностям – информации и идей по всем вопросам, представляющим общественный интерес (см. постановления по делам *Де Хаэс и Гийселс против Бельгии (De Haes and Gijssels v. Belgium)* от 24 февраля 1997 года, Сборник постановлений и решений 1997-I, стр. 233-34, § 37, и *Бладет Тромсе и Стенсаас против Норвегии (Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway)* [БП], № 21980/93, § 59, ЕСПЧ 1999-III). Свобода печати предоставляет общественности одно из лучших средств, позволяющих узнать и составить мнение об идеях и взглядах политических лидеров. В особенности, она дает политикам возможность высказываться по поводу того, что вызывает особую озабоченность общественности; таким образом, она позволяет каждому принимать участие в свободной политической дискуссии, что является стержнем понятия демократического общества (см. постановление по делу *Кастеллс против Испании (Casstels v. Spain)* от 23 апреля 1992 года, Серия А № 236, стр. 23, § 43 *in fine*).

39. Задачу Суда в данном деле следует рассматривать в свете этих принципов. Суд должен убедиться в том, что российские власти применили стандарты, которые были в соответствии с этими принципами и, к тому же, основывали свои решения на приемлемой оценке соответствующих фактов (см. постановление по делу *Обершлик против Австрии (№ 1) (Oberschlik v. Austria)* от 23 мая 1991 года, Серия А № 204, стр. 26, §60).

40. Суд замечает, что рассматриваемая публикация представляла собой коллективное открытое письмо наиболее высокопоставленным чиновникам российского государства. Его текст был доработан и согласован в ходе публичного обсуждения, проведенного областной неправительственной организацией. Среди подписавших письмо людей было несколько главных редакторов и профсоюзных лидеров (первый заявитель), действовавших в своем профессиональном качестве (см. пункт 9 выше). Они признали свою приверженность к разным политическим воззрениям, но письмо отразило их общую позицию: они были едины в выражении своих опасений относительно того, что областные власти мешали осуществлению политики президента, направленной на утверждение законности и обуздание коррупции. Они ощущали

подавление СМИ областными властями, которые стремились им воспрепятствовать в публикации материалов, вскрывающих коррупционные проявления среди госчиновников.

41. Суд отмечает, что открытое письмо поднимало вопрос о возможности проведения открытого и беспрепятственного обсуждения тем, не устраивавших областные власти, то есть возможности для областной прессы играть существенную роль в обеспечении надлежащего функционирования политической демократии (см. постановление по делу *Сюрек и Оздемир против Турции (Sürek and Özdemir v. Turkey)* от 8 июля 1999 года, №. 23927/94 и 24277/94, §58). Таким образом, публикация касалась самой сути свободы прессы и вопросы, возникающие в этой связи, несомненно, были частью политической дискуссии на тему, представляющую всеобщий общественный интерес. Суд напоминает в этой связи, что его обычной позицией всегда было требование серьезной обоснованности ограничений, налагаемых на политические высказывания, так как широкие ограничения, налагаемые в отдельных делах, неизбежно воздействуют на свободу выражения мнения в целом в государстве, где это происходит (см. постановления по делам *Фелдек против Словакии (Feldek v. Slovakia)*, № 29032/95, §83, ЕСПЧ 2001-VIII, и *Сюрек против Турции (№ 1) (Sürek v. Turkey)* [БП], №26682/95, §61, ЕСПЧ 1999-IV).

42. Суд далее отмечает, что истцы, подавшие иск о защите чести и достоинства, были отдельными государственным чиновниками, членами администрации Пензенской области. Ни один из них не был упомянут в письме прямо или косвенно. По существу, единственным человеком, на которого было ясное указание в документе, был областной губернатор. Притом, что значительная часть письма была посвящена его предполагаемым нарушениям, его, тем не менее, не оказалось в числе истцов, которые были коллективно упомянуты как его «ближайшее окружение», «команда», «подручные» или просто «областные власти».

43. Отечественные суды согласились с тем, что истцы были затронуты публикацией и могли, следовательно, обратиться в суд с иском о защите чести и достоинства, поскольку фразы «областные власти», «команда» и т.п. имеют достаточно общий характер, чтобы быть применимыми к любому государственному чиновнику, работающему в исполнительном органе администрации Пензенской области, т.е. ко всем истцам (см. пункт 15 выше). Суд не убежден в том, что при вынесении такого решения отечественные суды применили стандарты в соответствии с принципами, изложенными в статье 10 (см., например, постановление по делу *Гринберг*

против России (Grinberg v. Russia) от 21 июля 2005 года, № 23472/03, §27). Он напоминает о том, что основным требованием закона о диффамации является то, что для того, чтобы дать делу ход, необходимо, чтобы порочащее утверждение было направлено в адрес конкретного человека. Если бы у всех госчиновников была возможность обращения в суд в связи с любым критическим утверждением в отношении ведения государственных дел, даже в ситуациях, когда чиновник не был назван по имени или другим узнаваемым способом, то журналистов затопил бы поток исков. Это означало бы не только непомерное бремя, возложенное на СМИ, истощающее их ресурсы и втягивающее их в бесконечные судебные процессы, это также неизбежно оказало бы «сдерживающий эффект» на прессу, выполняющую свою задачу поставщика информации и стража общественных интересов (см., *mutatis mutandis*, постановление по делу *Радио «Твист» А.С. против Словакии (Radio Twist, A.S. v. Slovakia)*, № 62202/00, §53, ЕСПЧ 2006-...).

44. Суд считает, что для того, чтобы вмешательство в осуществление права на свободу выражения мнения было бы соразмерно законной цели защиты репутации других людей, необходимо наличие объективной связи между оспариваемым заявлением и человеком, обращающимся в суд в качестве заявителя. Одних лишь догадок и подозрений в порочащем характере публикации недостаточно для того, чтобы установить факт нанесения вреда конкретному человеку. В обстоятельствах дела должно быть нечто, заставляющее обычного читателя почувствовать, что определенное заявление было действительно адресовано напрямую заявителю, или что именно он был избран мишенью для критики. Так в деле, касавшемся свободы выражения мнения против Люксембурга, Суд указал на размер страны как на особое обстоятельство, которое должно было быть принято в расчет для того, чтобы признать, что истцы в иске о защите чести и достоинства были легко узнаваемы слушателями, несмотря на то, что не были названы по имени в радио программе заявителя (см. постановление по делу *Тома против Люксембурга (Toma v. Luxembourg)*, №38432/97, §56, ЕСПЧ 2001-III). В данном деле, однако, Суд не усматривает никаких элементов, которые позволили бы предоставить всем чиновникам областной администрации такую же степень защиты, как и та, что была предоставлена небольшой группе сотрудников упомянутого отдела конкретного министерства.

45. В любом случае, Суд напоминает о том, что границы допустимой критики в адрес правительства более широки, чем границы приемлемой критики в отношении частных лиц или даже политиков. В условиях

демократии действия и промахи правительства должны находиться под пристальным вниманием не только законодательных и судебных органов, но также прессы и широкой общественности. Более того, занимаемое Правительством доминирующее положение обязывает его демонстрировать сдержанность, когда встает вопрос об уголовном преследовании за критику, особенно при наличии других средств ответа на неоправданные нападки со стороны его противников или СМИ (см. постановления по делам *Инкал против Турции (Inkal v. Turkey)* от 9 июня 1998 года, *Сборник постановлений и решений 1998-IV*, стр. 1567-68, § 54, и *Кастеллс против Испании*, упомянутое выше, стр. 23-24, § 46).

46. Следующим аспектом существенным для принятия Судом решения в данном деле является разграничение между утверждениями фактов и оценочными суждениями. Суд всегда придерживался позиции, в соответствии с которой существование фактов установить возможно, в то время как достоверность оценочного суждения недоказуема. Требование доказать правдивость оценочного суждения невозможно исполнить, и оно является ущемлением самой свободы придерживаться мнений, что является основополагающей частью права, гарантированного статьей 10 (см. постановления по делам *Лингенс против Австрии (Lingens v. Austria)* от 8 июля 1986 года, Серия А № 103, стр. 28, § 46, и *Обершлик против Австрии (Oberschlick v. Austria)*, упомянутое выше, стр. 27-28, § 63,).

47. В данном деле Суд замечает, что отечественные суды расценили все выражения, использованные Заявителями в своей публикации как фактические, не рассмотрев возможность расценить их как оценочные суждения. То обстоятельство, что суды не провели такой анализ, объясняется состоянием российского законодательства о диффамации во время происходивших событий. Как уже отмечалось Судом, в российском законодательстве не сделано разграничение между оценочными суждениями и фактическими утверждениями, а существует лишь общее понятие «сведения» и предполагается, что любые такие сведения подлежат доказыванию в ходе рассмотрения гражданских дел (см. постановления по делам *Гринберг против России (Grinberg v. Russian)*, упомянутое выше, § 29; *Захаров против России (Zaharov v. Russia)* от 5 октября 2006 года, №14881/03, § 29; и *Карман против России (Karman v. Russia)* от 14 декабря 2006 года, № 29372/02, § 38, и отечественные законы, упомянутые в пунктах 23 и 24 выше).

48. Суд считает, что мнения, выраженные в письме, следует охарактеризовать скорее как оценочные суждения, чем как фактическое

утверждения. Однако поскольку в соответствии с практикой Суда оценочное суждение должно иметь достаточное фактическое основание для того, чтобы расцениваться как добросовестная характеристика в соответствии со статьей 10, различие между оценочным суждением и утверждением о факте, в конечном счете, заключается в степени фактической доказательности, которую необходимо определить (см. постановление по делу *Шарсачу Ньюз Верлагзгеселльшафт против Австрии (Scharsach and News Verlagsgesellschaft v. Austria)*, № 39394/98, § 40, ЕСПЧ 2003-ХІ). Суд замечает, что данный документ был результатом коллективных усилий, отражающий обеспокоенность ущемлением свободы прессы, сформулированную представительной выборкой из областных главных редакторов СМИ, журналистов и правозащитников за круглым столом. Эта обеспокоенность была основана на их непосредственном знании ситуации и опыте работы в СМИ. Суд с озабоченностью отмечает, что отечественные суды ориентировались на необычно высокий стандарт доказательности, констатировав, что описание политики губернатора как “разрушительной” только тогда можно было расценить как достоверное, если бы оно было основано на всестороннем научном анализе общественно-экономического развития области (см. пункт 17 выше). Суд подчеркивает, что степень точности, которую должен соблюдать журналист, выражающий свое мнение по социально значимому вопросу, едва ли можно сравнивать с точностью экономических прогнозов.

49. В любом случае, Суд намерен заметить, что разграничение между утверждениями о фактах и оценочными суждениями менее значимо в делах подобных данному, где оспоренное утверждение было сделано в ходе оживленной политической дискуссии на местном уровне и где избранные чиновники и журналисты должны иметь значительную свободу критиковать действия местных властей, даже когда сделанные утверждения не слишком обоснованы (см. постановление по делу *Ломбардо и другие пр. Мальты (Lombardo and Others v. Malta)* от 24 апреля 2007 года, № 7333/06, § 60).

50. В заключении, Суд считает, что российские власти переступили границы поля усмотрения, предоставляемого государствам-участникам по условиям Конвенции. Соответственно, обжалованное вмешательство не было «необходимо в демократическом обществе» в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции.

51. Следовательно, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

II. Применение статьи 41 Конвенции

52. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протокола к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

53. Заявители потребовали 600000 рублей (эквивалент 17140 евро) каждому в качестве компенсации морального ущерба.

54. Правительство расценило этот иск Заявителей как чрезмерный и неразумный.

55. Суд считает, что Заявители понесли моральный ущерб вследствие выпущенных отечественными судами постановлений несовместимых с принципами Конвенции. Ущерб невозможно возместить в достаточной степени простой констатацией того, что имело место нарушение. Суд считает, однако, что сумма, затребованная Заявителями, чрезмерна. Проведя оценку на справедливой основе, Суд назначает каждому Заявителю 1000 евро в качестве возмещения с добавлением суммы любого налога, которым может облагаться вышеуказанная сумма.

B. Издержки и расходы

56. Заявители потребовали 286,45 рублей для покрытия почтовых расходов. Комментария Правительства не последовало.

57. В соответствии с практикой Суда, заявитель имеет право на получение возмещения издержек и расходов, если установлено, что они действительно были взысканы в разумном размере. Учитывая материалы, имеющиеся в его распоряжении, Суд считает, что Заявители действительно понесли почтовые расходы, и что их размер не был чрезмерным. Он назначает каждому Заявителю компенсацию издержек и расходов в размере 5 евро с добавлением суммы любого налога, которым могут облагаться вышеуказанные суммы.

С. Процентная ставка

58. Суд считает целесообразным установление процента на основании предельной ставки по кредиту Европейского Центрального Банка, плюс три процентных пункта.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;

2. *Постановляет*,

(а) что Государство-ответчик обязано выплатить каждому Заявителю, в течение трех месяцев с момента окончательного вступления данного решения в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции следующие суммы с последующим их пересчетом в российские рубли по курсу, действующему на момент расчета:

(i) 1000 евро (одну тысячу евро) в качестве компенсации морального ущерба;

(ii) 5 евро (пять евро) в качестве компенсации издержек и расходов;

(iii) сумму любого налога, которым могут облагаться суммы, указанные выше;

(b) что с момента истечения вышеуказанных трех месяцев до момента выплаты на суммы, указанные выше, выплачиваются простые проценты в размере предельного ссудного процента Европейского центрального банка в течение периода выплаты процентов с добавлением трех процентных пунктов;

3. *Отклоняет* оставшуюся часть иска заявителя с требованием справедливой компенсации.

Выполнено на английском языке, представлено в письменной форме 31 июля 2007 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Христос Розакис
Сорен Нильсен

Председатель Суда
Секретарь Секции

© Центр Защиты Прав СМИ,
перевод с английского, 2008

Краткое изложение дела

ДЕЛО «ДЮНДИН ПРОТИВ РОССИИ»

(Dyundin v. Russia)

(жалоба № 37406/03)

Постановление Суда

Страсбург, 14 октября 2008 года

Суть вынесенного решения: Имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); единогласно.

Краткое изложение обстоятельств дела:

В августе 2002 года Дюндин опубликовал статью в газете «Орский вестник» под названием «Под пыткой подозреваемые сознались в краже, которой не совершали».

Указанная статья описывала расследование кражи имущества частной компании. Она содержала интервью с подозреваемым (г-ном С.) в совершении кражи и его друга, которые подробно описывали примененные в отношении них сотрудниками милиции пытки. В статье заявитель указал на наличие медицинской экспертизы, подтверждавшей наличие телесных повреждений г-на С.

Старший оперативник Ленинского РОВД, г-н Г. подал иск о защите чести и достоинства против заявителя и учредителя газеты в Ленинский районный суд г. Орска. Он считал, что в газете распространены не соответствующие действительности и порочащие сведения.

В ходе судебного заседания в подтверждение описанных в статье событий заявитель представил следующие документы: диктофонную запись его разговора с интервьюированными, медицинское заключение, засвидетельствовавшее телесные повреждения г-на С., протоколы признаний г-на С. и г-на М., сделанные в Ленинском РОВД, их заявления о плохом обращении, поданные в прокуратуру. Также г-н С. и г-н М. были

допрошены в качестве свидетелей и подтвердили, что в интервью распространены правдивые сведения.

Суд частично удовлетворил заявленный иск и кроме двух фрагментов, которые, по мнению суда не содержали порочащих сведений, остальные сведения были признаны не соответствующими действительности и порочащими, и, следовательно, подлежащими опровержению. Кроме того, районный суд обязал Дюндина выплатить 2 000 рублей в качестве компенсации морального вреда.

Оренбургский областной суд оставил решение первой инстанции в силе.

Оценка Европейского Суда:

Европейский Суд, установил, что было вмешательство в право заявителя, гарантированное статьей 10 Европейской Конвенции, оно было предусмотрено законом и преследовало цель защиты репутации других лиц.

Анализируя вопрос о необходимости вмешательства в свободу выражения мнения в демократическом обществе, Суд пришел к следующим выводам.

Европейский Суд напомнил основные важнейшие принципы относительно важности свободы выражения мнения и прессы в демократическом обществе. Суд подчеркнул особую важность в обсуждении вопросов общественной значимости и указал, что в подобных делах существует весьма незначительная сфера для ограничений свободы выражения мнения.

Суд признал, что вопрос о жестокости в правоохранительных органах, который поднимался заявителем в статье, являлся общественно значимым.

Суд также указал, что истец по делу является государственным служащим, а границы допустимой критики в отношении гражданских служащих при исполнении своих служебных обязанностей, также как и политиков, шире, чем в отношении частных лиц.

Кроме этого, Европейский Суд подчеркнул, что

«Статья 10 Конвенции защищает право журналистов разглашать информацию по вопросам, представляющим общий

интерес, учитывая, что они действуют без злого умысла, опираются на достоверную фактическую основу, и предоставляют «достоверную и точную» информацию в соответствии с журналистской этикой».

Так как в основе спорной статье лежит интервью, Европейский Суд указал на необходимость в данном деле разграничить сведения, которые исходят от журналиста и от других людей. По мнению Европейского Суда, российские суды не смогли провести такое разграничение:

«Национальные суды не представили никакого обоснования наказания заявителя за содействие распространению сведений, высказанных другим лицом в ходе интервью, несмотря на то, что были обязаны представить веские причины для подобного наказания».

Суд признал, что в статье содержатся фактологические сведения, однако, по его мнению, в делах подобных этому

«...главная задача заключается не в том, чтобы журналист смог доказать соответствие этих сведений действительности, а в том, чтобы установить достаточно точную и надежную фактическую основу, пропорциональную характеру и степени этих сведений».

Суд отметил, что Дюндин в ходе процесса в российских судах представил весомые доказательства, но национальные суды не изложили достаточных и веских доводов при их отклонении, и не обосновали свои решения на приемлемой оценке соответствующих фактов. Европейский Суд признал, что

«...публикация заявителя была справедливым комментарием по общественно значимому вопросу, основанным на достоверных фактах и не выходящим за рамки допустимой критики».

В итоге Суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

ДЕЛО «ДЮНДИН ПРОТИВ РОССИИ»

(Dyundin v. Russia)

(жалоба № 37406/03)

Постановление Суда
Страсбург, 14 октября 2008 года

По делу «Дюндин против России» Европейский Суд по правам человека (Третье Секция), заседая Палатой в следующем составе:

г-н Жозеп Касадеваль, *Председатель*,
г-жа Елизабет Фура-Сандстрём,
г-н Боштян М. Зупанчич,
г-н Анатолий Ковлер,
г-жа Альвина Гюлумян,
г-н Луи Лопез Гуерра,
г-жа Энн Пауэр, *судьи*,

и Сантьяго Квесада, *Секретарь Секции*,

Проведя 23 сентября 2008 года закрытое заседание,

Вынес следующее постановление, которое было принято в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было начато по жалобе (№ 37406/03) против Российской Федерации, поданной в Суд 18 октября 2003 года в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - «Конвенция») гражданином России, г-ном Вячеславом Алексеевичем Дюндиным (далее - «Заявитель»).

2. Заявителя представляли г-жа А. Соболева и г-н В. Монахов, практикующие юристы из г. Москвы. Российское Правительство (далее - «Правительство») представлял г-н П. Лаптев, бывший Представитель Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель утверждал, в частности, о нарушении его права на свободу выражения мнения.

4. 13 декабря 2005 года Суд принял решение известить Правительство о жалобе. В соответствии с п.3 статьи 29 Конвенции, было решено рассмотреть существо жалобы одновременно с вопросом о ее приемлемости.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

5. Заявитель родился в 1952 году и проживает в г. Орск Оренбургской области. Заявитель является журналистом.

A. Публикация

6. 21 августа 2002 года заявитель опубликовал статью в выпуске № 128/382 в газете «Орский вестник». Статья вышла под заголовком *«Под пыткой подозреваемые сознались в краже, которой не совершали»*. Она касалась расследования кражи имущества частной компании. Директор компании опознал троих своих бывших сотрудников как основных подозреваемых. Г-н С., один из троих, обратился в Ленинское РОВД по собственной воле, чтобы снять с себя подозрения. Затем история переключилась на повествование г-на С. от первого лица, которому предшествовала фраза, написанная жирным курсивом: *«Я включил диктофон, записывая рассказ С.»*.

7. Г-н С. сказал, что его продержали ночь в Лениском РОВД. На следующее утро его привели в кабинет, где уже находились пять сотрудников милиции; Г-н Г. был среди них. Г-н С. продолжил:

«Была суббота. Они [сотрудники милиции] собирались идти на свадьбу после обеда; от них еще свежаком разит, видать, уже выпили. Советуются как пытать будем? Ломом или как? Привязали к стулу, ноги - к ножкам, руки наручниками сзади стула. Сначала несколько раз кулаками в грудь. Я был в состоянии шока. Потом такой резкий оглушающий удар в область шеи... Я не видел, кто нанес удар и каким предметом. Кто-то сказал: 'Что теперь? Ломом?' Г[.] говорит: 'Так, только стол мне не запачкайте'. И убрал все журналы со

стола. Один из них, немного косоглазый, вынул инструмент, похожий на лом. Я не знаю, как они хотели пытать меня. Г.[.] говорит: 'Нет, попробуем противогозом'. Одели противогоз... Я не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть, я стал терять сознание и затряс головой...» (выделение добавлено, см. ниже).

8. Далее в статье продолжилось повествование г-на С. Спустя некоторое время г-н С. подал сигнал, что готов сознаться. Его отвели в соседний кабинет, где молодой человек в гражданском записал его показания. Впоследствии, г-на С. заперли в подвале отделения милиции.

Переключившись на слова автора, заявитель представил г-на М., друга г-на С., отправившегося в отделение милиции для того, чтобы подтвердить алиби г-на С. Со словами «Дайте [М.] слово», повествование продолжилось от лица г-на М.:

«В Ленинском РОВД меня отвели в кабинет № 18 на втором этаже. Допрос вел следователь Г.[.], высокий крепкий мужчина с рыжими волосами.

– Где вещи?

– Какие вещи?

– ...Твои друзья уже сознались. Ты – «слабое звено». Ты «чмо» – человек морально опущенный...

Он сразу начал бить. Удары сыпались за каждым словом...

– Где украденное? Ты скажешь мне! Я десантник. Таких как ты давил, давлю и давить буду! Слышал о пропавших без вести? Вот ты и станешь одним из них, если не отдашь вещи!

...Слышал, что если в милиции случайно сломают руку или ногу [задержанного], операм приходится добивать жертву и тайно хоронить, чтобы скрыть применение пыток...

Г. говорит: «Перестань твердить как попугай. Адвокат, адвокат... Адвокат будет в суде, а сейчас ты на досудебном расследовании. В камеру его, к гомикам! Они голодные, пусть объяснят ему, кто он такой.» Но не ударил меня. Просто стукнул кулаком по столу. Как будто они начали понимать, что

совершили ошибку и были в растерянности, что делать дальше.» (выделение добавлено, см. ниже).

9. В заключение заявитель сослался на медицинскую экспертизу, зафиксировавшую множественные синяки и ссадины на теле г-на С. Заявитель раскритиковал бездействие сотрудников прокуратуры, которые отказали в возбуждении уголовного дела в отношении г-на Г. и других сотрудников милиции, и заметил, что отказ прокуратуры был обжалован в суде. Настоящий преступник был позднее установлен, и ему было предъявлено обвинение в краже.

В. Гражданский иск о защите чести и достоинства

10. Старший оперативник Ленинского РОВД, г-н Г. подал иск о защите чести и достоинства против заявителя и учредителя газеты в Ленинский районный суд г. Орска. Считая, что отрывки, выделенные жирным шрифтом и приведенные выше, не соответствуют действительности и порочат его честь, достоинство и деловую репутацию, он требовал компенсации морального вреда и возмещения судебных расходов. Истец отрицал, что применял насилие по отношению к г-ну С. или г-ну М.

11. Заявитель утверждал, что оспариваемые отрывки представляли собой дословное воспроизведение личных рассказов г-на С. и г-на М. и являлись оценочными суждениями этих событий. Он действовал добросовестно и удостоверился в том, что ни у г-на С., ни у г-на М. не было причин, чтобы клеветать или порочить г-на Г. Отрывки не сводились к личности г-на Г. (так, например, «от них еще свежакom разит...») и не содержали какой-либо информации, порочащей его репутацию (как например, утверждение, что он был десантником). В качестве доказательства заявитель предъявил диктофонную запись его разговора с г-ном С. в присутствии г-на М. Он также сослался на медицинское заключение, засвидетельствовавшее телесные повреждения г-на С., на протоколы признаний г-на С. и г-на М., сделанные в Ленинском РОВД, на их заявления о плохом обращении, поданные в прокуратуру.

12. Районный суд выслушал показания г-на С. и г-на М. Г-н С. подтвердил точность рассказа, воспроизведенного в статье. Отвечая на вопросы обеих сторон, он сказал, что от сотрудников милиции, но не от г-на Г. разит алкоголем, что его привязывали к стулу, что г-н Г. действительно предупредил их, чтобы они не запачкали его стол, что г-н Г. не применял насилия по отношению к нему, а «просто присутствовал». Г-н М. также подтвердил его рассказ, пересказанный в статье.

13. 29 апреля 2003 года Ленинский районный суд г. Орска частично удовлетворил исковые требования г-на Г. Суд отметил, прежде всего, что заявитель и газета не могли требовать освобождения от ответственности за диффамацию на основании, что они просто воспроизвели утверждения других лиц, поскольку такое освобождение от ответственности не было предусмотрено в Законе о СМИ. Соответственно, от них потребовали представить доказательства соответствия оспариваемых сведений действительности. Однако по мнению Районного суда, ни медицинское заключение, засвидетельствовавшее телесные повреждения г-на М. и г-на С., ни протоколы их допроса, ни их устные показания не могли считаться исчерпывающими доказательствами для подтверждения правдивости утверждений о том, что г-н Г. пытал их или запугивал.

Более того,

«...из устных показаний г-на С. следует, что Г. не был в состоянии алкогольного опьянения в ходе допроса, что он не предлагал применять противогаз, что он не прибегал к физическому насилию, и что С. не говорил [заявителю] об этом. Сравнение диктофонной записи рассказа С. с пересказом в статье наводит на вывод, что события были пересказаны в статье в другом хронологическом порядке, и что автор творчески переписал утверждения С., усилив эмоциональное напряжение и подчеркнув ведущую роль Г. в применении насилия по отношению к задержанным.»

14. Районный суд, однако, согласился, что утверждение о том, что г-н Г. был десантником, не было порочащим его репутацию, а утверждение г-на М. о жертвах «приконченных» работниками милиции, не относилось непосредственно к г-ну Г. Суд нашел остальные фрагменты порочащими его репутацию и подлежащими опровержению.

15. Районный суд присудил заявителю выплатить г-ну Г. 2 000 российских рублей (около 70 евро) в качестве компенсации морального вреда и возместить судебные расходы.

16. 31 июля 2003 года Оренбургский областной суд в своем решении по кассационной жалобе заявителя и газеты решение суда первой инстанции оставил в силе.

II. Применимое национальное законодательство

17. Статья 152 Гражданского кодекса предусматривает, что гражданин вправе требовать по суду опровержения «сведений», порочащих его честь, достоинство и деловую репутацию, если распространявший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство и деловую репутацию, вправе требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением.

18. Статья 1100 предусматривает, что компенсация морального вреда выплачивается независимо от вины его причинителя, если вред был нанесен в результате распространения сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию.

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

19. Заявитель подал жалобу о нарушении его права на свободу выражения мнения, предусмотренного статьей 10 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

А. Приемлемость

20. Суд отмечает, что жалоба не является необоснованной в рамках п.3 статьи 35 Конвенции. Суд далее отмечает, что жалоба не является неприемлемой по другим основаниям. Соответственно, она объявлена приемлемой.

В. Существо жалобы

1. Доводы сторон

21. Правительство утверждало, что заявитель был привлечен к гражданской ответственности за намеренное распространение сведений не соответствующих действительности, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию другого лица. В частности, он написал и опубликовал статью с обвинениями в адрес сотрудника милиции, г-на Г. в серьезных преступлениях, а именно, злоупотреблении служебным положением и плохом обращении с задержанными. Прокуратура сделала запрос и отказала в возбуждении уголовного дела в отношении г-на Г. Национальные суды, следовательно, пришли к верному выводу, что информация, распространенная заявителем, не соответствовала действительности.

22. Ссылаясь на решение по делу *Чернышева против России (Chernysheva v. Russia)* (№ 77062/01 от 10 июня 2004 года), Правительство настаивало, что статья 10 Конвенции не гарантирует абсолютной свободы выражения мнения. Осуществление этой свободы сопряжено с «обязанностями и ответственностью», которые применимы и к прессе. Эти «обязанности и ответственность» приобретают значение тогда, когда как и в настоящем деле, имеет место умаление репутации указанного лица. Заявитель не выполнил свою обязанность проверить достоверность распространенной информации. Соответственно, вмешательство в его право на свободу выражения мнения было обоснованным. Штраф, возложенный на заявителя, был разумным и пропорциональным законной цели защитить репутацию г-на Г.

23. Заявитель настаивал, что он проверил точность фактов с достаточной тщательностью, требуемой от журналиста. Он получил и передал национальным судам медицинские заключения, засвидетельствовавшие телесные повреждения г-на С., протоколы признаний г-на С. и г-на М. в

отделении милиции и копии исков г-на С. и г-на М. о плохом обращении. Г-н С. и г-н М. подтвердили достоверность информации, содержащейся в статье. Однако национальные суды отклонили эти доказательства как ненадежные без объяснения причин такого вывода. Отказ властей в возбуждении уголовного дела в отношении жалоб на плохое обращение не доказывает, что информация, опубликованная заявителем, была недостоверной. Заявитель упомянул в своей статье, что власти не стали возбуждать уголовное дело, и в связи с этим выразил критику в их адрес. Целью статьи было обвинить власти в их неспособности расследовать заявления о жестокости в правоохранительных органах. Заявитель утверждал, что его заявления имели достаточную фактическую основу. Несмотря на то, что заявитель не смог доказать в суде правдивость всех подробностей его описания событий в отделении милиции, он все равно подпадал под защиту статьи 10 Конвенции. Даже жесткая критика, выраженная крепкими, спорными фразами, публикация которой основана на “слабой фактической основе”, защищена статьей 10 (см. постановление по делу *Дичанд и другие против Австрии (Dichand and Others v. Austria)* от 26 февраля 2002 года, № 29271/95, § 52) .

24. Заявитель утверждал, что суровое наказание, установленное во внутригосударственном праве, в делах о защите чести, достоинства и репутации (см. п. 18 выше) противоречило статье 10 Конвенции. По мнению заявителя, журналист обязан выплачивать компенсацию морального вреда лишь в случае, если он действовал со злым умыслом, и его вина установлена судом. В деле, когда журналист непреднамеренно опорочил государственного чиновника, истцу может быть представлено только право на опровержение порочащих сведений и возмещение материального ущерба. Заявитель далее убеждал, что от журналиста нельзя требовать доказательства достоверности каждой фразы в соответствии со стандартом «при отсутствии разумных оснований для сомнения», применимым в уголовном праве. От журналиста, опубликовавшего статью о жестокости в правоохранительных органах, нецелесообразно требовать того, чтобы он действовал как прокурор и собирал доказательства вины по уголовному делу. Его задача была подтолкнуть прокуратуру возбудить уголовное дело путем обнародования фактов плохого обращения и привлечения к ним общественного внимания.

2. Оценка Суда

(а) Общие принципы

25. В соответствии с установленной практикой Суда, свобода выражения мнения, как предусматривает пункт 1 статьи 10, является одной из фундаментальных основ демократического общества и одним из основных условий его развития и самосовершенствования каждой личности. Как отмечено в пункте 2, она применима не только по отношению к «информации» или «идеям», которые благоприятно воспринимаются в обществе либо рассматриваются как безобидные или нейтральные, но также и в отношении тех, которые шокируют, оскорбляют или вызывают беспокойство; таковы требования терпимости, плюрализма и широты взглядов, без которых нет «демократического общества» (см. постановление по делу *Хендисайд против Соединенного Королевства (Handyside v. the United Kingdom)* от 7 декабря 1976 года, Серия А № 24, стр. 23, § 49, и постановление по делу *Йерсилд против Дании (Jersild v. Denmark)* от 23 сентября 1994 года, Серия А № 298, стр. 26, § 37).

26. Суд напоминает о том, что в соответствии с п.2 статьи 10 Конвенции существует весьма незначительная сфера для ограничений на политические выступления или дебаты по вопросам общественной значимости (см. *Сюрек против Турции № 1 (Sürek v. Turkey (no. 1))* [БП], №. 26682/95, § 61, ЕСПЧ 1999-IV). Более того, хотя и нельзя сказать, что государственные служащие заведомо выставляют каждое слово и поступок под пристальное внимание общественности, как это верно в отношении политиков, тем не менее, границы допустимой критики в отношении гражданских служащих при исполнении своих служебных обязанностей, также как и политиков, шире, чем в отношении частных лиц (см. дело *Тома против Люксембурга (Thoma v. Luxembourg)*, № 38432/97, § 47, ЕСПЧ 2001-III).

27. Пресса играет важную роль в демократическом обществе. Хотя она и не должна переступать определенных границ, в частности, в отношении репутации и прав других лиц и необходимости предотвратить разглашение конфиденциальной информации, тем не менее, ее долг состоит в том, чтобы сообщать любым способом, который не противоречит ее обязанностям и ответственности, - информацию и идеи по всем вопросам, представляющим общественный интерес (см. постановление по делу *Де Хаес и Гийселс против Бельгии (De Haes and Gijssels v. Belgium)*, от 24 февраля 1997 года, *Сборник постановлений и решений* 1997-I, стр. 233-34, § 37, и *Бладет Тромсе и Стенсаас против*

Норвегии (Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway) [БП], № 21980/93, § 59, ЕСПЧ 1999-III). Помимо того, что передавать такую информацию и идеи – задача прессы, общество также имеет право получать их. Если бы все было иначе, пресса была бы неспособна играть ее жизненно важную роль “стража общественных интересов” (см. постановление по делу *Торгейр Торгейрссон против Исландии (Thorgeir Thorgeirson v. Iceland)* от 25 июня 1992 года, Серия А № 239, стр. 28, § 63). Журналистская свобода также охватывает возможное обращение к некоторой степени преувеличения, или даже провокации (см. постановление по делу *Прагер и Обершлик против Австрии 15 (№ 1) (Prager and Oberschlick v. Austria (no. 1))* от 26 апреля 1995 года, Серия А № 313, стр. 19, § 38). Эта свобода сопряжена с ограничениями, изложенными в п. 2 статьи 10, которые, однако, должны толковаться узко. Необходимость любого ограничения должна быть изложена убедительно.

28. Статья 10 Конвенции защищает право журналистов разглашать информацию по вопросам, представляющим общий интерес, учитывая, что они действуют без злого умысла, опираются на достоверную фактическую основу, и предоставляют «достоверную и точную» информацию в соответствии с журналистской этикой. Согласно п. 2 статьи 10 Конвенции свобода выражения мнения сопряжена с «обязанностями и ответственностью», применимыми и к средствам массовой информации, даже касательно вопросов, представляющих серьезный общественный интерес. Более того, эти «обязанности и ответственность» приобретают значение, когда речь идет об умалении репутации конкретного лица и нарушении «прав других». Таким образом, должны быть особые основания для того, чтобы СМИ были освобождены от обязанности проверять фактические сведения, порочащие частных лиц. Наличие таких оснований зависит, в частности, от характера и степени порочащих сведений, а также от того, насколько надежными СМИ считают свои источники информации (см. *Линдон, Очаковский-Лоренс и Джулай против Франции (Lindon, Otchakovsky-Laurens and July v. France)* [БП], №. 21279/02 и № 36448/02, § 67, ЕСПЧ 2007-..., и *Педерсен и Баадсгард против Дании (Pedersen and Baadsgaard v. Denmark)* [БП], №. 49017/99, § 78, ЕСПЧ 2004-XI).

29. В делах, когда в основе публикации лежит интервью, следует разграничивать, исходят ли сведения от журналиста или они являются цитатами других людей, поскольку привлечение журналиста к ответственности за содействие распространению заявлений, сделанных другим лицом в ходе интервью, серьезно мешает обсуждению в прессе

вопросов, представляющих общественный интерес, и не должно быть предусмотрено, если на то нет особо веских оснований (см. *Педерсен и Бадсгард*, приведенное выше, § 77; *Торгейр Торгейрсон*, приведенное выше, § 65; и *Йерсилд*, приведенное выше, § 35).

(b) Применение вышеуказанных принципов в настоящем деле

30. Суд отмечает, что заявитель был привлечен к гражданской ответственности за опубликование интервью с двумя бывшими подозреваемыми в краже, которые утверждали, что их избили в отделении милиции для получения признания. Интервью сопровождалось комментарием заявителя с осуждением неспособности властей расследовать заявления о плохом обращении и привлечь виновных к ответственности.

31. Стороны процесса взаимно понимают, что решения, вынесенные по делу о защите чести и достоинства, представляли собой «вмешательство» в право заявителя на свободу выражения мнения, охраняемое п.1 статьи 10. Не вызывало разногласий и то, что вмешательство было «предусмотрено законом», а именно статьей 152 Гражданского кодекса, и «преследовало законную цель», а именно защиту репутации или прав других лиц, в рамках п.2 статьи 10. Спор по данному делу касается вопроса было ли вмешательство «необходимо в демократическом обществе».

32. В соответствии с тестом на необходимость в демократическом обществе, Суду необходимо определить, соответствовало ли оспариваемое «вмешательство» «острой социальной потребности», было ли оно пропорционально преследуемой законной цели, и были ли доводы, представленные национальными властями в обоснование данного ограничения, вескими и достаточными. В оценке того, существует ли такая «потребность», и какие меры должны быть приняты для ее разрешения, национальным властям представлена свобода усмотрения. Однако их свобода усмотрения не является безграничной и контролируется Европейским Судом, чья задача – вынести заключительное решение о том, совместимо ли данное ограничение со свободой выражения мнения, как это гарантируется статьей 10. Задача Суда при осуществлении его контрольной функции состоит не в том, чтобы подменять собой национальные власти, а скорее в том, чтобы проверить в свете статьи 10 и обстоятельств всего дела, вынесенные национальными судами решения, которые последние выносят, используя свое право на свободу усмотрения. Осуществляя эту функцию, Суд

должен убедиться, что национальные власти применяли стандарты, отвечающие принципам, изложенным в статье 10 и, более того, что в основу их решений положена приемлемая оценка соответствующих фактов (см., среди других постановлений постановление по делу *Красуля против России (Krasulya v. Russia)*, № 12365/03, § 34 от 22 февраля 2007 года, и *Гринберг против России (Grinberg v. Russia)*, № 23472/03, § 27 от 21 июля 2005 года).

33. В настоящем деле заявитель выразил свое мнение посредством публикации в газете. Он был признан виновным по гражданскому делу за публикацию, следовательно, оспариваемое вмешательство должно рассматриваться в контексте важной роли прессы в обеспечении правильного функционирования демократического общества (см. постановление по делу *Лингенс против Австрии (Lingens v. Austria)* от 8 июля 1986 года, Серия А № 103, § 41, и дело *Сюрек (no. 1)*, приведенное выше, § 59). Очевидно, что заявления о жестокости в правоохранительных органах являлись общественно значимым вопросом, и заявитель был вправе довести его до сведения общественности через прессу. Однако в решениях национальных судов нет указания на то, что суды пытались установить баланс между необходимостью защитить репутацию сотрудника милиции и правом журналиста сообщать информацию по общественно значимым вопросам. Они ограничились анализом вреда, причиненного репутации истца, без учета права журналиста на свободу выражения мнения или того, что истец был государственным служащим при исполнении своих обязанностей, а, значит, в отношении него границы допустимой критики были шире, чем в отношении частных лиц (см. дела, приведенные выше в п. 26). Следовательно, Суд считает, что российские суды не смогли распознать, что в основе настоящего дела лежит конфликт между правом на свободу выражения мнения и защитой репутации (см., аналогичную мотивировку в деле *Квечень против Польши (Kwieceń v. Poland)*, №. 51744/99, § 52, ЕСПЧ 2007-...).

34. Возвращаясь к содержанию статьи, опубликованной заявителем, Суд отмечает, что основным материалом было интервью с двумя указанными жертвами жестокости правоохранительных органов, г-ном С. и г-ном М. Национальные суды сочли некоторые фрагменты интервью порочащими. Сделав такой вывод, российские суды не смогли разграничить собственную речь автора и цитирование других лиц, посчитав неважным тот факт, что оспариваемые сведения не исходили от заявителя, а были однозначно изложены другими людьми (см. п. 13 выше). Национальные суды не представили никакого обоснования наказания заявителя за

содействие распространению сведений, высказанных другим лицом в ходе интервью, несмотря на то, что были обязаны представить веские причины для подобного наказания (см. дела, приведенные выше в п. 29 выше).

35. Далее Суд отмечает, что российские суды сочли оспариваемые отрывки утверждениями о фактах и установили вину заявителя в связи с его неспособностью доказать достоверность этих сведений. Суд признает, что в статье содержались серьезные фактические утверждения, подлежащие доказательству. Однако Суд считает, что в контексте установления баланса в соответствии со статьей 10, в частности, когда речь идет о сообщении журналистом сведений, изложенных третьими лицами, главная задача заключается не в том, чтобы журналист смог доказать соответствие этих сведений действительности, а в том, чтобы установить достаточно точную и надежную фактическую основу, пропорциональную характеру и степени этих сведений (см. *Педерсен и Бадсгард*, приведенное выше, п. 78). В этой связи, Суд отмечает, что заявитель представил документальные свидетельства, включая диктофонную запись его разговора с г-ном С. и г-ном М., медицинское заключение, засвидетельствовавшее телесные повреждения г-на С., протоколы признаний г-на С. и г-на М. в отделении милиции и копии их заявлений о плохом обращении. Он также вызвал г-на С. и г-на М. в качестве свидетелей для подтверждения того, что в статье были точно воспроизведены их сведения, без искажения или преувеличения этих сведений. Доказательства, представленные заявителем, демонстрируют, что г-на М. и г-на С. действительно допрашивали сотрудники Ленинского РОВД, и что первые сознались в краже, что при содержании под стражей им были нанесены телесные повреждения, и они подали жалобу на плохое обращение в компетентные органы. Несмотря на признания г-на М. и г-на С., им не было предъявлено обвинение в краже, и ответственность за кражу понес совсем другой человек.

36. Национальные суды установили, что представленные заявителем материалы не являлись должным доказательством плохого обращения, не мотивируя данный вывод (см. п. 13 выше). Ввиду представленных Правительством документов суды придали больше значения выводам, сделанным в ходе проверки прокуратурой по факту заявлений г-на С. и г-на М. о плохом обращении, и отказу прокуратуры в возбуждении уголовных дел в отношении сотрудников милиции, поэтому никакие доказательства, представленные заявителем, не могли убедить суд в достоверности опубликованных им сведений. В этой связи Суд напоминает, что стандарты доказательств для установления

обоснованности уголовного обвинения компетентными органами не сравнимы с теми, которые может предвидеть журналист, выражая свое мнение по общественно значимому вопросу (см. постановление по делу *Карман против России (Karman v. Russia)*, № 29372/02, § 42, от 14 декабря 2006 года, и *Унапхенгиге Инициативе Информационсфильфальт против Австрии (Unabhängige Initiative Informationsvielfalt v. Austria)*, №. 28525/95, § 46, ЕСПЧ 2002-I). Поэтому, Суд не может согласиться с тем, что российские суды изложили достаточные и веские доводы при отклонении доказательств, представленных заявителем, и обосновали решения на приемлемой оценке соответствующих фактов. По мнению Суда, основная часть доказательств, представленных в суд, дают достаточное фактическое обоснование для утверждения о жестокости в правоохранительных органах. Суд также не может принять довод Правительства о том, что было недопустимо со стороны заявителя опубликовать сведения о плохом обращении после того, как компетентные органы отказали в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников милиции. Заявитель указал в своей статье, что прокуратура отказалась начать расследование по заявлениям о плохом обращении, поданными г-ном С. и г-ном М. Он выступил с критикой в адрес властей за пассивное отношение к правдивым утверждениям о плохом обращении подозреваемых, выразив, таким образом, свое мнение по общественно значимому вопросу.

37. В заключение, национальные суды придрались к заявителю за то, что он творчески переписал утверждения г-на С., усилив эмоциональное напряжение и подчеркнув определенные аспекты. Суд отмечает, что в своих устных показаниях на суде г-н С. и г-н М. подтвердили точность изложения в статье. Таким образом, Суд убежден, что заявитель правдиво изложил факты без искажения. Несмотря на то, что, действительно, заявитель не опубликовал интервью целиком, опустив некоторые части и сделав акцент на других с целью усилить эмоциональное влияние публикации, нет никаких признаков того, что он превысил допустимую степень преувеличения или провокации (см. дела, приведенные в п. 27 выше).

38. В свете вышеизложенного и с учетом роли журналистов и прессы в распространении информации и идей по общественно значимым вопросам, Суд считает, что публикация заявителя была справедливым комментарием по общественно значимому вопросу, основанным на достоверных фактах и не выходящим за рамки допустимой критики. Постановления по делу о защите чести и достоинства в отношении

заявителя привели к нарушению его права на свободу выражения мнения, поскольку не установив баланса между необходимостью защитить репутацию истца и правом заявителя сообщать информацию по общественно значимым вопросам, отказавшись разграничить собственную речь заявителя и утверждения, сделанные другими лицами в ходе интервью, не дав приемлемую оценку соответствующим фактам, российские суды не применили стандарты, отвечающие принципам, изложенным в статье 10, и не представили “достаточных” и “веских” причин для обоснования рассматриваемого вмешательства. Следовательно, Суд считает, что национальные суды перешли рамки свободы усмотрения, предоставленной им в отношении ограничений дискуссии по общественно значимым вопросам, а, значит, вмешательство не было “необходимым в демократическом обществе”.

Следовательно, имеет место нарушение статьи 10 Конвенции.

II. Предполагаемое нарушение статьи 6 Конвенции

39. Заявитель утверждал, что судебное разбирательство по делу о защите чести и достоинства было несправедливым. Он сослался на статью 6 Конвенции, соответствующие части которой предусматривают:

«Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях ...имеет право на справедливое ... разбирательство его дела ... судом...».

40. В обязанности Суда не входит разрешение фактических или правовых ошибок, совершенных национальным судом до тех пор, пока они не затрагивают права и свободы, охраняемые Конвенцией (см., среди других постановлений постановление по делу *Шекич и другие против Хорватии (Šekić and Others v. Croatia)* (реш.), №. 15085/02, 9 октября 2003). Учитывая представленные факты, Суд не нашел причин считать, что судебное разбирательство не отвечало требованиям справедливости в соответствии со статьей 6 Конвенции. Отсюда следует, что эта часть заявления слабо обоснована и должна быть отклонена в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

III. Применение статьи 41 Конвенции

41. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне.»

A. Ущерб

42. Заявитель требовал выплаты 59 евро в качестве возмещения материального вреда, являясь суммой, которую заявитель выплатил истцу в соответствии с решением по делу о защите чести и достоинства. Он также требовал 1000 евро в качестве компенсации морального вреда.

43. Правительство согласилось с требованием по части компенсации материального вреда. Правительство сочло, что сумма компенсации морального вреда была чрезмерной. На их взгляд, признание нарушения само по себе является справедливой компенсацией.

44. Суд напоминает, что в соответствии с его практикой, сумма, выплаченная в качестве компенсации вреда, возмещается лишь в случае, когда установлена причинная связь между нарушением Конвенции и причиненным вредом. Так, в настоящем деле, сумма выплаченная заявителем истцу в ходе судебного разбирательства по делу о защите чести и достоинства, может быть принята во внимание (сравни решение по делу *Тома*, приведенное выше, § 71). Следовательно, Суд присуждает выплату заявителю 59 евро в качестве компенсации материального вреда, плюс налоги.

45. Что касается морального вреда, Суд считает, что заявителю был причинен моральный вред в результате постановлений, вынесенных национальными судами, которые противоречили принципам Конвенции. Вред не может быть компенсирован должным образом лишь путем установления нарушения. Дав объективную оценку, Суд присуждает заявителю 1 000 евро, плюс налоги, в качестве компенсации морального вреда.

В. Расходы и издержки

46. Основываясь на ведомостях юристов, заявитель требовал 1 100 евро за представление юристами его интересов в суде. Его представители потратили 22 часа на подготовку изложения позиции в суде и на требования справедливой компенсации. Между заявителем и его представителями было соглашение, что их работа будет оцениваться в размере 50 евро за час.

47. Правительство считало, что судебные расходы и издержки, заявленные заявителем были чрезмерно завышенными по сумме. Дело не было сложным, и необходимости нанять двух адвокатов не было. Более того, заявитель не представил договора об оказании юридических услуг или документов, подтверждающих, что он действительно оплатил их услуги.

48. В соответствии с практикой Суда, заявитель вправе требовать возмещения своих судебных расходов и издержек, если будет установлено, что они были фактически понесены и были разумными по сумме. В настоящем деле, учитывая имеющиеся документы и вышеприведенные критерии, Суд считает обоснованным присудить заявителю 1100 евро, плюс налоги, взимаемые с этой суммы.

С. Процентная ставка

49. Суд считает целесообразным, если проценты за просрочку платежа будут начислены по предельному ссудному проценту Европейского Центрального Банка плюс три процентных пункта.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* жалобу на необоснованное вмешательство в право на свободу выражения мнения приемлемой, а остальную часть жалобы неприемлемой;
2. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
3. *Постановляет*:
 - (а) государство-ответчик должно в течение трех месяцев с даты, когда постановление станет окончательным согласно пункта 2 статьи 44 Конвенции, выплатить заявителю следующие суммы, которые

должны быть переведены в российские рубли по курсу на день урегулирования задолженности:

- (i) 59 евро (пятьдесят девять евро), плюс налоги, подлежащие оплате, в качестве компенсации материального ущерба;
 - (ii) 1 000 евро (одна тысяча евро), плюс налоги, подлежащие оплате, в качестве компенсации морального вреда;
 - (iii) 1 100 евро (одна тысяча сто евро), плюс налоги, подлежащие оплате, в качестве возмещения судебных расходов и издержек заявителя;
- (b) что простые проценты должны будут выплачиваться с указанных сумм по истечении вышеуказанного трехмесячного срока и вплоть до урегулирования задолженности по курсу, равному предельному ссудному проценту Европейского Центрального Банка в период погашения задолженности, плюс три процентных пункта.

Совершено на английском языке и представлено в письменном виде 20 июля 2004 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Жозеп Касадеваль
Сантьяго Квесада

Председатель Суда
Секретарь Секции

**© Центр Защиты Прав СМИ,
перевод с английского, 2009**

Краткое изложение дела

ДЕЛО «ГОДЛЕВСКИЙ ПРОТИВ РОССИИ»

(Godlevskiy v. Russia)

(жалоба № 14888/03)

Постановление Суда

Страсбург, 23 октября 2008 года

Суть вынесенного решения: Имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); единогласно.

Краткое изложение обстоятельств дела:

В марте 2001 года в газете «Орловский меридиан», в которой заявитель Годлевский работал журналистом и главным редактором, была опубликована статья «В путях системы, или Почему генералы ждут часа «Ч»?».

В указанном материале рассказывалось, что прокуратурой начато уголовное расследование в отношении деятельности шести сотрудников отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков Управления внутренних дел Орловской области. В статье описывались противоправные действия сотрудников отдела по борьбе с наркотиками, но каких-либо конкретных сотрудников не указывалось. В статье также содержалось интервью с г-жой В., в прошлом занимавшейся торговлей наркотиками при содействии сотрудников милиции.

Четырнадцать сотрудников отдела по борьбе с наркотиками Орловской области подали иски о защите чести и достоинства к «Орловский меридиан» и автору статьи.

В ходе судебного разбирательства истцы уточнили конкретные фразы в статье, которые они считали порочащими. По инициативе юриста газеты была проведена лингвистическая экспертиза, которая установила, что ни один из опровергаемых фрагментов не содержит сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию конкретного лица.

Советский районный суд г. Орла вынес решение, которым удовлетворил иски. Он признал, что распространенные сведения являются порочащими, суд основал свой вывод на заявлениях истцов и их родственников, утверждавших, что публикация послужила поводом для психологических переживаний. В решении суд не анализировал вопрос относимости распространенных сведений к истцам. Суд также не разграничивал собственную речь автора и интервью г-жи В..

Районный суд обязал опровергнуть порочащие и не соответствующие действительности сведения, а также обязал ООО «Мир новостей» выплатить каждому из истцов по 5 000 рублей. Суд также требовал от ответчиков принесения извинения истцам.

На решение первой инстанции ответчиками была подана кассационная жалоба. В Орловском областном суде кассационную жалобу поддерживали заявитель, в качестве главного редактора, и адвокат, представляющий ООО «Мир новостей». Суд кассационной инстанции в целом поддержал первоначальное решение и обязал ответчиков опубликовать резолютивную часть решения в качестве опровержения, но отменил требование принести извинение истцам.

Оценка Европейского Суда:

Европейский Суд отдельно проанализировал вопрос о том было ли вмешательство в свободу выражения мнения заявителя, так как в отличие от других дел против Российской Федерации заявитель не был ответчиком по делу. Суд установил, что имело место вмешательство в право заявителя, несмотря на то, что на него лично решением суда не были возложены какие-либо обязанности, Европейский Суд отметил, что

«факт того, что выплата компенсации вреда не была назначена заявителю, не являются решающим в определении его статуса «жертвы» рассматриваемого нарушения. Суд отмечает, что заявитель был не только главным редактором газеты, но также и автором оспариваемой статьи. Следовательно, на карту в данном судебном разбирательстве о диффамации была поставлена его добросовестность как журналиста, и соблюдение обязательства предоставлять достоверную и точную информацию в соответствии с журналистской этикой. Решение национальных судов, что он распространил в своей статье несоответствующую действительности информацию,

не могло не иметь сдерживающего эффекта на его право на свободу выражения мнения, и могло помешать ему в дальнейшем публиковать критические материалы по общественно значимым вопросам»

Суд признал, что вмешательство было предусмотрено законом и преследовало правомерную цель, но не было «необходимо в демократическом обществе» по следующим причинам.

Анализируя вопрос о необходимости вмешательства в свободу выражения мнения в демократическом обществе, Суд особо отметил особо важную роль прессы в демократическом обществе, особенно, при обсуждении вопросов, представляющих общественный интерес. Суд подчеркнул, что

«в соответствии с п.2 статьи 10 Конвенции существует лишь узкие рамки ограничений обсуждения общественно значимых вопросов, и доводы для обоснования этих ограничений должны быть очень вескими».

Суд напомнил принцип, в соответствии с которым

«статья 10 Конвенции защищает право журналистов разглашать информацию по общественно значимым вопросам, принимая во внимание, что они действуют без злого умысла и предоставляют «достоверную и точную» информацию в соответствии с журналистской этикой».

Суд установил, что в настоящем деле заявитель действовал с осторожностью и не указал в статье конкретных имен и фамилий. По мнению Европейского Суда, истцы в данном деле не были идентифицируемы, а, следовательно, доводы национальных судов по ограничению свободы выражения мнения заявителя должны были быть вескими.

Суд признал, что в судебных решениях не было произведено разграничение оценочных суждений и фактологических утверждений.

В итоге Суд признал, что заявитель при написании статьи

«...опирался на общедоступные материалы расследования деятельности сотрудников отдела по борьбе с наркотиками и

официальное медицинское заключение, свидетельствующее о количестве людей, умерших от передозировки. Поэтому Суд считает, что публикация заявителя была справедливым комментарием общественно значимого вопроса, а не неуместным выпадом на репутацию указанных сотрудником милиции».

В итоге Суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

© Центр Защиты Прав СМИ, 2009

ДЕЛО «ГОДЛЕВСКИЙ ПРОТИВ РОССИИ»

(Godlevskiy v. Russia)

(жалоба № 14888/03)

Постановление Суда
Страсбург, 23 октября 2008 года

По делу «Годлевский против России» Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в следующем составе:

г-жа Нина Вайич, *Председатель*,
г-н Анатолий Ковлер,
г-н Ханлар Гаджиев,
г-н Дин Шпильман,
г-н Сверре Эрик Йебенс,
г-н Джорджио Малинверни,
г-н Джордж Николау, *судьи*,

и г-н Андре Вампах, *Заместитель Секретаря Секции*,

Проведя 2 октября 2008 года закрытое заседание,

Вынес следующее постановление, которое было принято в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было начато по жалобе (№ 14888/03) против Российской Федерации, поданной в Суд 24 апреля 2003 года в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - «Конвенция») гражданином России, г-ном Геннадием Васильевичем Годлевским (далее - «Заявитель»).

2. Заявителя представлял г-н В. Сучков, практикующий юрист из г. Орел. Российское Правительство (далее - «Правительство») представлял г-н П. Лаптев, бывший Представитель Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель утверждал, в частности, о нарушении его права на свободу выражения мнения.

4. Решением от 9 декабря 2004 года Суд объявил жалобу частично приемлемой.

5. Заявитель и Правительство подали свои замечания по существу дела (пункт 1 Правила 59). Суд принял решение, после консультации со сторонами, о том, что не требовалось проведения слушания по существу дела (пункт 3 статьи 59 *in fine*).

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

6. Заявитель родился в 1958 году и проживает в г. Орле. На момент рассмотрения дела заявитель работал журналистом и главным редактором газеты «Орловский меридиан», издаваемой ООО «Мир новостей».

A. Публикация заявителя

7. 21 марта 2001 года в газете заявителя была опубликована статья «*В путях системы, или Почему генералы ждут часа «Ч»?*». Статья была подписана под его псевдонимом Сергей Смирнов. Статья сообщала читателям о том, что прокуратурой начато уголовное расследование в отношении деятельности шести (из четырнадцати) сотрудников отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков Управления внутренних дел (ОБНОН УВД) Орловской области. В статье говорилось о том, что в нескольких случаях сотрудниками подразделения было прекращено следствие в отношении наркоторговцев, согласившихся «сотрудничать» с ними и делиться частью прибыли от продажи наркотиков.

8. В статье приводилось интервью с г-жой В, в прошлом занимавшейся торговлей наркотиками под «крышей» неустановленных сотрудников милиции в течение нескольких лет, пока они не «предали» ее и не арестовали:

«Они задержали меня на рынке, когда я покупала опиум, и записали мои данные ... Как многим другим, мне приходилось им платить, и «в знак благодарности» поначалу они закрывали глаза на то, что покупаю и употребляю наркотики, а потом и

на то, что продаю их... Как-то они мне сказали: вот новый наркотик, попробуй и потом расскажи нам, как он действует. Это был героин... Уверю вас, милиция знает каждую «точку» и каждого дилера – в этом смысле они очень хорошо работают, потому что они на этом зарабатывают... Мне нужно было помнить обо всех их днях рождения, а также днях рождения их жен и детей. Все они ждали подарков. Деньги им нужны были постоянно, даже на то, чтобы заправлять бензином их машины... и они же меня подставили... Теперь я в тюрьме. Здесь все такие же, как я, потому что мы не смогли откупиться – денег, вырученных от продажи наркотиков, хватало только на дань милиционерам и дозы для себя. А что касается дилеров... Могу засвидетельствовать, что все они уже давно вышли из СИЗО...».

9. В статье в общих чертах описывались противоправные действия сотрудников отдела по борьбе с наркотиками, без указания имен или занимаемых должностей:

«Те, кому сегодня предъявлено обвинение, вины не признают. Говорят, наговоры наркоманов и месть облпрокуратуры за то, что в свое время они арестовали за наркотики сына прокурорского работника... Впрочем, точку в этом деле поставит суд — поэтому и не называю ни одной милицейской фамилии. Но факт остается фактом: масштаб распространения наркотиков на Орловщине таков, что не знаешь, как от них спастись. При том, что компетенция различных государственных органов у нас достаточно разграничена, как ни крути и что ни придумывай, а ответственность за процветание орловских наркодельцов ложится именно на милицию, конкретно — на отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. И то, что в прошлом году от передозировки у нас умерли 39 человек, то, что в Орле даже любой школьник может приобрести наркотик, — на совести ОБНОНа. Как и то, что сбытчики в основной своей массе до сих пор на свободе».

10. Далее в статье указывалось, что обвиняемые сотрудники использовали наркотики в качестве платы за «информацию и услуги»:

«Как выяснило следствие, у некоторых обноновцев было в порядке вещей платить за услуги, за информацию наркотиками. Спрашивается: откуда у милиционера могут быть наркотики? Ответ: часть изъятого у наркопотребителей и наркосбытчиков, в нарушение всех норм и правил, оставлялась на милицейские нужды. А когда в руки не очень-то морально устойчивых людей попадает такое грозное оружие, можно ожидать всего — наркотик превращается и в средство платежа, и в средство шантажа, и в угрозу для жизни... Милиционер становится преступником».

11. Заключительные абзацы статьи разъясняли ее заголовок. Высокоставленный генерал ФСБ как-то заявил, что милиции известны все преступники, и она лишь ждет назначенного часа, когда поступит распоряжение об их ликвидации. В статье были изложены сомнения по поводу иллюзии генерала о всемогуществе, и выражалось беспокойство относительно будущего Орловской области.

В. Судебное разбирательство о защите чести и достоинства

12. В неустановленный день четырнадцать сотрудников отдела по борьбе с наркотиками Орловской области, включая шестерых, обвиняемых в правонарушениях, связанных с наркотиками, подали иск о защите чести и достоинства. Не указав конкретные отрывки статьи, сотрудники утверждали, что публикация порочила их честь, достоинство и деловую репутацию, и требовали компенсацию морального вреда. В заявлениях в качестве соответчиков были указаны редакция газеты «Орловский меридиан» и «автор статьи Сергей Смирнов». Один из истцов впоследствии умер.

13. 18 июня 2001 года Советский районный суд г. Орла вызвал истцов для уточнения, какие отрывки публикации они считают порочащими их честь и деловую репутацию. С середины 2001 года и до начала 2002 года истцы подали аналогично сформулированные дополнения к первоначально поданным исковым заявлениям, согласно которым следующие фразы были порочащими:

«...Мне приходилось им платить...Как-то они мне сказали: вот новый наркотик, попробуй и потом расскажи нам, как он действует. Это был героин... Мне нужно было помнить обо всех их днях рождения, а также днях рождения их жен и детей. Все они ждали подарков...

...а ответственность за процветание орловских наркодельцов ложится именно на милицию, конкретно — на отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. И то, что в прошлом году от передозировки у нас умерли 39 человек, то, что в Орле даже любой школьник может приобрести наркотик, — на совести ОБНОНа. Как и то, что сбытчики в основной своей массе до сих пор на свободе...

...часть изъятого у наркопотребителей и наркосбытчиков, в нарушение всех норм и правил, оставлялась на милицейские нужды. А когда в руки не очень-то морально устойчивых людей попадает такое грозное оружие, можно ожидать всего — наркотик превращается и в средство платежа, и в средство шантажа, и в угрозу для жизни... Милиционер становится преступником....»

14. В неустановленный день штатный юрист газеты заявителя заказал лингвистическую экспертизу публикации, которая была проведена профессором Орловского Государственного Университета, имеющего степень по филологии. В его заключении указывается, что публикация не содержит указания ни имени, ни иных данных какого-либо сотрудника милиции. Вина была возложена на государственные правоохранительные органы, в целом, и на отделение по борьбе с наркотиками Орловской области, в частности. Эксперт сделал вывод, что ни один из перечисленных отрывков не мог считаться порочащим честь, достоинство и деловую репутацию конкретного лица.

15. 4 октября 2002 года Советский районный суд г. Орла вынес решение по делу о защите чести и достоинства в отношении редакции газеты «Орловский меридиан» и ООО «Мир новостей». Оценка порочащего характера отрывков была основана лишь на заявлениях истцов и их родственников, утверждавших, что публикация послужила поводом для психологических переживаний. Суд не изучил вопрос о том, была ли статья нацелена на истцов. Суд также не разграничил собственную речь автора и заявления, сделанные г-жой В. в ходе интервью. По мнению суда, ответчик не смог доказать достоверность опубликованной информации на момент ее распространения. Выводы суда изложены следующим образом:

«Информация, указанная истцами, была опубликована в газете «Орловский меридиан» и содержит сведения, а именно, что ответственность за процветание орловских наркодельцов, смерть 39 человек от передозировки, и что сбытчики в основной

своей массе до сих пор на свободе, ложится на отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков Орловской области, а также за то, что сотрудники отдела по борьбе с наркотиками использовали изъятые у наркоманов и наркоторговцев наркотики на милицейские нужды для оплаты за информацию; что сотрудникам отдела по борьбе с наркотиками платили; и что наркоманы знали их дни рождения и дни рождения их родственников, потому что им надо было дарить подарки; что они предложили ей попробовать новый наркотик...

Суд считает, что эта информация порочит честь, достоинство и деловую репутацию 13 истцов как сотрудников отдела по борьбе с наркотиками, основная обязанность которых – бороться с преступностью, а если точнее, то с незаконной торговлей наркотических средств...

Истцов не признали виновными в совершении какого-либо преступления или правонарушения согласно проведенному судебному разбирательству. Следовательно, данная информация, порочащая их честь, достоинство и деловую репутацию, не соответствует действительности и подлежит опровержению в том же средстве массовой информации...»

16. Районный суд постановил, чтобы газета опубликовала опровержение, редакция принесла извинения истцам, а ООО «Мир новостей» выплатило 5 000 рублей (приблизительно 200 евро) каждому из истцов.

17. В кассационной жалобе, адвокат, представляющий ООО «Мир новостей», утверждал, что районный суд не дал должную оценку тому факту, что публикация касалась скорее структурного подразделения милиции, чем указанных лиц, что уголовное дело рассматривалось в отношении нескольких сотрудников милиции, что после публикации другие сотрудники были наказаны, и что начальник ГУВД по Орловской области негативно отзывался о работе отдела по борьбе с наркотиками.

18. 27 ноября 2002 года Областной суд г. Орла изучил жалобу и заслушал устные позиции заявителя как главного редактора и адвоката, представляющего ООО «Мир новостей». Суд постановил:

«Рассматриваемая статья была опубликована в марте 2001 года, то есть до того, как уголовное дело, включая обвинительный акт, было передано суду. На сегодня, в

отношении шестерых истцов до сих пор нет обвинительного приговора по уголовному делу. Суд первой инстанции, соответственно, пришел к верному выводу, что не было представлено доказательств достоверности информации, содержащейся в публикации и оспариваемой истцами...

Суд считает, что негативная оценка работы отдела по борьбе с наркотиками, данная начальником ГУВД по Орловской области, которая последовала за публикацией статьи, не может служить доказательством достоверности информации, оспариваемой истцами, потому что в настоящем деле единственным таким доказательством было решение суда.

С учетом вышесказанного, суд считает, что... довод апелланта о том, что оспариваемая публикация не содержала информации по конкретным лицам, а касалась структурного подразделения милиции, не является веским для отмены решения. Согласно п. 2 статьи 306 Гражданского процессуального кодекса РФ, постановление, которое верно по сути, не должно отменяться лишь из-за формальных недостатков.»

19. Областной суд поддержал решение от 4 октября 2002 года по существу. Суд также постановил, чтобы газета опубликовала резолютивную часть решения в качестве опровержения, но отменил требование принести извинение истцам на основании того, что оно не основано на национальном праве.

II. Применимое национальное законодательство и практика

A. Конституция Российской Федерации

20. Статья 29 гарантирует свободу мысли и выражения мнения, наряду со свободой массовой информации.

Б. Гражданский Кодекс Российской Федерации

21. Статья 152 предусматривает, что гражданин вправе требовать по суду опровержения «сведений», порочащих его честь, достоинство и деловую репутацию, если распространявший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство и деловую

репутацию, вправе требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением.

В. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 18 августа 1992 года (с последующими поправками от 25 апреля 1995 года)

22. Согласно Постановлению (действующему на момент рассмотрения дела) порочащими являлись такие не соответствующие действительности сведения, содержащие утверждения о нарушении действующего законодательства или моральных принципов (о совершении нечестного поступка, неправильном поведении в трудовом коллективе, быту и другие сведения). Под распространением сведений следует понимать опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидеопрограммам (пункт 2). Обязанность доказывать соответствие действительности распространенных сведений лежит на ответчике (пункт 7).

23. Если иск содержит требование об опровержении сведений, распространенных в средствах массовой информации, в качестве ответчиков привлекаются автор и редакция соответствующего средства массовой информации. При опубликовании или ином распространении таких сведений без обозначения имени автора (например, в редакционной статье) ответчиком по делу является редакция соответствующего средства массовой информации. В случае, если редакция средства массовой информации не является юридическим лицом, к участию в деле в качестве ответчика должен быть привлечен учредитель данного средства массовой информации (пункт 6).

Д. Практика Верховного Суда Российской Федерации

24. 20 декабря 2002 года заместитель председателя Верховного Суда РФ подал заявление о надзорном пересмотре по делу о защите чести и достоинства, которое изначально было рассмотрено судами г. Пензы. Заместитель председателя, в частности, отметил:

«Однако суды не приняли во внимание, что одним из требований статьи 152 Гражданского Кодекса является то, что данные сведения должны относиться к конкретному лицу или четко идентифицируемой группе лиц...»

7 февраля 2003 года Президиум Областного суда г. Пензы удовлетворил жалобу и отменил решения по делу о защите чести и достоинства. Дело впоследствии завершилось мировым соглашением.

Е. Закон о СМИ (Закон № 2124-І от 27 декабря 1991 года)

25. Статья 2 определяет «редакцию средства массовой информации» как организацию, учреждение, предприятие либо гражданина, объединение граждан, осуществляющих производство и выпуск средства массовой информации. Под «главным редактором» понимается лицо, возглавляющее редакцию (независимо от наименования должности) и принимающее окончательные решения в отношении производства и выпуска средства массовой информации.

26. Редакция осуществляет свою деятельность на основе профессиональной самостоятельности. Редакция может быть юридическим лицом, самостоятельным хозяйствующим субъектом, организованным в любой допускаемой законом форме. Главный редактор представляет редакцию в отношениях с учредителем, издателем, распространителем, гражданами, объединениями граждан, предприятиями, учреждениями, организациями, государственными органами, а также в суде. Он несет ответственность за выполнение требований, предъявляемых к деятельности средства массовой информации настоящим Законом и другими законодательными актами Российской Федерации (статья 19).

27. Журналист обязан проверять достоверность сообщаемой им информации (п. 1 (2) статьи 49), ставить в известность главного редактора о возможных исках и предъявлении иных предусмотренных законом требований в связи с распространением подготовленного им сообщения или материала (п. 1 (7) статьи 49).

28. Учредители, редакции, издатели, распространители, журналисты, авторы распространенных сообщений и материалов несут ответственность за нарушения законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации (статья 56).

III. Применимые документы Совета Европы

29. Рекомендация Res (2003)13 Комитета Министров государствам-участникам по предоставлению через СМИ информации относительно уголовных процессов предусматривает, в частности:

«...Напоминая, что средства массовой информации имеют право информировать общественность вследствие права общественности на получение информации, в том числе информации по вопросам, представляющим большой общественный интерес, согласно статье 10 Конвенции, и что на них возложена профессиональная обязанность заниматься такого рода информированием;

...

Подчеркивая важность СМИ в деле информирования общественности об уголовных процессах и освещения охранительной функции уголовного права, а также в деле обеспечения общественного надзора за функционированием системы уголовного судопроизводства ;

Принимая во внимание потенциально противоречащие друг другу интересы, защищаемые статьями 6, 8 и 10 Конвенции, а также необходимость уравновешивать эти права с учетом обстоятельств каждого конкретного дела, при должном уважении к контролирующей роли Европейского суда по правам человека в обеспечении соблюдения обязательств по Конвенции...

Признавая разнообразие национальных правовых систем в сфере уголовного судопроизводства, рекомендует правительствам государств-членов:

- 1. принять или усилить, в зависимости от ситуации, все меры, которые они сочтут необходимыми в целях выполнения на практике принципов, изложенных в Приложении к настоящей Рекомендации, в рамках своих конституционных норм,*
- 2. широко распространить данную рекомендацию и приложенные к ней принципы; в случае необходимости, обеспечить ее перевод на соответствующий язык...*

Приложение к Рекомендации Rec(2003)13

Принципы, касающиеся предоставления через СМИ информации относительно уголовных процессов

Принцип 1 - Информирование общественности через средства массовой информации

Общественность должна иметь возможность получать через средства массовой информации информацию о деятельности органов судебной власти и полицейских служб. Следовательно, журналистам должна быть предоставлена возможность свободно освещать и комментировать деятельность системы уголовного судопроизводства, кроме ограничений, предусмотренных в последующих Принципах.

Принцип 2 - Презумпция невиновности

Уважение принципа презумпции невиновности - неотъемлемая часть права на справедливое судебное разбирательство. Следовательно, мнения и сведения по продолжающемуся судебному разбирательству могут сообщаться или распространяться через СМИ только в тех случаях, когда это не наносит ущерба презумпции невиновности подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления.

...

Принцип 8 - Защита неприкосновенности частной жизни в рамках продолжающегося уголовного разбирательства

При предоставлении информации о подозреваемых, обвиняемых или осужденных лицах, либо о других сторонах в уголовном процессе, должно соблюдаться их право на защиту неприкосновенности частной жизни в соответствии со статьей 8 Конвенции. Особая защита должна быть обеспечена участвующим в процессе несовершеннолетним и другим ограниченно дееспособным лицам, а также потерпевшим, свидетелям и семьям подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Во всех случаях, особое внимание следует уделять тем пагубным последствиям, которые может иметь для указанных в данном

Принципе лиц раскрытие информации, позволяющей идентифицировать их личность.»

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

30. Заявитель подал жалобу в соответствии со статьей 10 Конвенции на нарушение его права распространять информацию. Статья 10 предусматривает:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц ...»

A. Доводы сторон

31. Заявитель утверждал, что национальными судами не было объяснено разделение ими позиции истцов о привлечении к ответственности за диффамацию, несмотря на то, что никто из них не был назван в публикации. В своей статье заявитель возложил моральную вину за распространение наркотиков в области на сотрудников областного отдела по борьбе с оборотом наркотиков, работа которых финансировалась из государственных средств и сводилась к ведению борьбы с наркотиками. Возложение моральной вины являлось оценочным суждением, не подтвержденным фактами. Утверждение заявителя о том, что 39 человек умерло от передозировки, соответствовало действительности и подкреплено свидетельством областного отдела здравоохранения.

Некоторые из его утверждений были вырваны из контекста и искажены: в частности, он не утверждал, что сотрудники отдела незаконно удерживали все наркотики, изъятые у наркоманов, чтобы платить своим информаторам. Заявитель подчеркнул, что лица, обязанность которых заключалась в борьбе с наркотиками, должны быть более терпеливы к критике своей работы, принимая во внимание, что их работа отвечала требованиям общества и финансировалась этим обществом через областной и федеральный бюджеты.

32. Правительство утверждало, что заявитель и газета не смогли представить доказательств достоверности информации, содержащейся в статье. В отсутствие окончательного судебного решения заявитель изложил сведения об уголовно наказуемых правонарушениях, якобы совершенных сотрудниками отдела по борьбе с наркотиками, так, как будто они на самом деле были совершены. Однако сотрудники должны были считаться невиновными и охраняться от «суда со стороны СМИ». Учитывая тираж газеты (46 600 копий) и население г. Орла (350 000 жителей), публикация нанесла ущерб государственным служащим, которые были легко узнаваемыми для читателей. Ссылаясь на практику Суда, Правительство подчеркнуло, что государственные служащие должны пользоваться общественным доверием в условиях отсутствия ненужного возмущения, если они эффективно выполняют свои обязанности, и существует необходимость защищать их от оскорбительных словесных выпадов, когда они находятся при исполнении служебных обязанностей (Правительство сослалось на постановление по делу *Яновский против Польши (Janowski v. Poland)* [БП], no. 25716/94, § 33, ЕСПЧ 1999-I, и *Никула против Финляндии (Nikula v. Finland)*, no. 31611/96, § 46, ЕСПЧ 2002-II).

В. Оценка Суда

33. Суд вновь напоминает, что свобода выражения мнения является одной из фундаментальных основ демократического общества и одним из основных условий его развития. Как отмечено в пункте 2, она применима не только по отношению к «информации» или «идеям», которые благоприятно воспринимаются в обществе либо рассматриваются как безобидные или нейтральные, но также и в отношении тех, которые шокируют, оскорбляют или вызывают беспокойство; таковы требования терпимости, плюрализма и широты взглядов, без которых нет «демократического общества» (см. постановление по делу *Хендисайд против Соединенного Королевства (Handyside v. the United Kingdom)*, от

7 декабря 1976 года, Серия А № 24, стр. 23, § 49, и *Йерсилд против Дании* (*Jersild v. Denmark*), от 23 сентября 1994 года, Серия А № 298, стр. 26, § 37).

1. Имело ли место вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения?

34. Суд отмечает, что в предыдущих делах против России, рассмотренных Судом по статье 10 Конвенции, заявители были единственными ответчиками в делах о защите чести и достоинства, и им пришлось выплачивать компенсацию вреда по решению суда (см., например, постановление по делу *Карман против России* (*Karman v. Russia*), № 29372/02, §§ 7 и 18, от 14 декабря 2006 года, и *Гринберг против России* (*Grinberg v. Russia*), № 23472/03, §§ 10-12, от 21 июля 2005 года). В настоящем деле заявитель принял участие в судебном заседании, но решение об опровержении было вынесено в отношении редакции газеты, а о денежной компенсации в отношении учредителя газеты, ООО *Мир новостей*. Следовательно, Суд считает целесообразным изучить, даже при отсутствии разногласий между сторонами о наличии вмешательства, вопрос о том, может ли заявитель считаться «жертвой» данного нарушения.

35. Суд отмечает, что уже рассматривал подобную ситуацию в деле, когда автор оспариваемой публикации принимал участие в судебном процессе, а компенсация вреда и обязательство опубликовать опровержение были возложены на газету. Так, в деле против Латвии, Суд отклонил возражение Правительства о том, что заявитель не мог считаться «жертвой» нарушения, установив, что, несмотря на то, что санкции были вынесены в отношении работодателя заявителя, заявитель – как автор рассматриваемых статей – пострадал от судебных решений, признавших его публикации порочащими и оскорбительными, и требовавших их публичное опровержение (см. постановление по делу *АО Диена и Озолинь против Латвии* (*a/s Diena and Ozoliņš v. Latvia*), №. 16657/03, §§ 55-60, 12 июля 2007, а также, *mutatis mutandis*, постановление по делу *Монна против Швейцарии* (*Monnat v. Switzerland*), №. 73604/01, § 33, ЕСПЧ 2006-...).

36. Далее, Суд повторяет, что придерживается подхода о том, что возможно наличие нарушения даже в случае отсутствия ущерба или вреда. Вопрос о том, попал ли заявитель действительно в неблагоприятные условия не важен в рамках статьи 34 Конвенции, а вопрос, касающийся вреда, приобретает значение в рамках статьи 41 (см., среди прочих

решений, постановление по делу *Экле против Германии (Eckle v. Germany)* 15 июля 1982 года, Серия А №. 51, § 66, и постановление по делу *Вассинк против Нидерландов (Wassink v. the Netherlands)* от 27 сентября 1990 года, Серия А №. 185-А, § 38). Таким образом, тот факт, что выплата компенсации вреда не была назначена заявителю, не являются решающим в определении его статуса «жертвы» рассматриваемого нарушения. Суд отмечает, что заявитель был не только главным редактором газеты, но также и автором оспариваемой статьи. Следовательно, на карту в данном судебном разбирательстве о диффамации была поставлена его добросовестность как журналиста, и соблюдение обязательства предоставлять достоверную и точную информацию в соответствии с журналистской этикой. Решение национальных судов, что он распространил в своей статье несоответствующую действительности информацию, не могло не иметь сдерживающего эффекта на его право на свободу выражения мнения, и могло помешать ему в дальнейшем публиковать критические материалы по общественно значимым вопросам.

37. В свете вышеизложенного, Суд считает, что решение, вынесенное по делу о защите чести и достоинства, представляло собой вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения в рамках пункта 1 статьи 10 Конвенции.

2. Было ли вмешательство обоснованным?

38. Суд отмечает, что вмешательство было «предусмотрено законом», а именно статьей 152 Гражданского Кодекса, и преследовало законную цель защитить репутацию прав других в рамках п. 2 статьи 10. Спор в настоящем деле сводится к определению «необходимости» вмешательства «в демократическом обществе».

39. В соответствии с тестом на необходимость в демократическом обществе, Суду необходимо определить, соответствовало ли оспариваемое «вмешательство» «острой социальной потребности», было ли оно пропорционально преследуемой законной цели, и были ли доводы, представленные национальными властями в обоснование данного ограничения, вескими и достаточными. В оценке того, существует ли такая «потребность», и какие меры должны быть приняты для ее разрешения, национальным органам власти представлено право усмотрения. Однако их право на усмотрение не является безграничным и контролируется Европейским Судом, чья задача – вынести заключительное решение о том, совместимо ли данное ограничение со свободой выражения мнения, как это гарантируется статьей 10. Задача

Суда при осуществлении его контрольной функции состоит не в том, чтобы подменять собой национальные власти, а скорее в том, чтобы проверить в свете статьи 10 и обстоятельств всего дела, вынесенные национальными судами решения, которые последние выносят, используя свое право на свободу усмотрения. Осуществляя эту функцию, Суд должен убедиться, что национальные власти применяли стандарты, отвечающие принципам, изложенным в статье 10 и, более того, что в основу их решений положена приемлемая оценка соответствующих фактов (см. последние постановления по делу, *Карман*, § 32, и *Гринберг*, §§ 26-27, приведенные выше, с последующими ссылками).

40. В настоящем деле заявитель выразил свои взгляды, опубликовав их в газете. Следует учесть, в этой связи, исключительную роль прессы в правовом государстве. Хотя пресса и не должна преступать определенных границ, установленных, среди прочего, для защиты репутации и прав других лиц, тем не менее, ее долг состоит в том, чтобы сообщать информацию и идеи по всем вопросам, представляющим общественный интерес. Помимо того, что передавать такую информацию и идеи – задача прессы, общество также имеет право получать их. Если бы все было иначе, пресса была бы неспособна играть ее жизненно важную роль «стража общественных интересов» (см., среди других, постановление по делу *Торгейр Торгейрссон против Исландии* (*Thorgeir Thorgeirson v. Iceland*) от 25 июня 1992 года, Серия А № 239, § 63).

41. Публикация затрагивала проблему наркоторговли в Орловской области, где наркотики стали легко доступны для школьников, и большое число людей умерло от передозировки. В ней также говорилось о вовлеченности сотрудников отдела по борьбе с наркотиками в наркоторговлю. Очевидно, что эта проблема являлась общественно значимым вопросом, и заявитель через прессу пытался привлечь к ней внимание общественности. Суд напоминает в этой связи, что в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции существует лишь узкие рамки ограничений обсуждения общественно значимых вопросов, и доводы для обоснования этих ограничений должны быть очень вескими (см., недавнее постановление по делу *Красуля против России* (*Krasulya v. Russia*), № 12365/03, § 38, от 22 февраля 2007 года, с последующими ссылками).

42. В соответствии с практикой Суда, статья 10 Конвенции защищает право журналистов разглашать информацию по общественно значимым вопросам, принимая во внимание, что они действуют без злого умысла и

предоставляют «достоверную и точную» информацию в соответствии с журналистской этикой (см. дело *Фрессоз и Руар против Франции (Fressoz and Roire v. France)* [БП], № 29183/95, § 54, ЕСПЧ 1999-I; *Швабе против Австрии (Schwabe v. Austria)*, постановление от 28 августа 1992 года, Серия А № 242-В, стр. 34, § 34; *Прагер и Обершлик против Австрии (Prager and Oberschlick v. Austria)*, постановление от 26 апреля 1995 года, Серия А № 313, стр. 18, § 37). В обстоятельствах настоящего дела Суд не находит доказательств недобросовестности заявителя.

43. Очевидно, что заявитель действовал с осторожностью, воздержавшись от указания имен и должностей сотрудников милиции, обвиненных в уголовных преступлениях, и ожидающих судебного решения (см. п. 9 выше). Данный аспект отличает настоящее дело от австрийского, в котором Суд установил, что вмешательство в право на свободу выражения мнения было обоснованным, так как австрийский новостной журнал опубликовал полное имя сотрудника полиции, в отношении которого было возбуждено уголовное дело, несмотря на то, что указание его имени не добавило никакой общественно значимой информации к той, которая была уже изложена в статье (см. постановление по делу *ООО Виртшафтс-Тренд-Цайтширифтвен-Ферлаг против Австрии (Wirtschafts-Trend Zeitschriften-Verlag GmbH v. Austria)* (№. 2) (реш.), №. 62746/00, 14 ноября 2002). К тому же, Суд отмечает, что заявитель не использовал и не ссылался ни на какие документы, охраняемые тайной следствия или иным образом разглашающие конфиденциальную информацию, относящуюся к уголовному судопроизводству по данному делу (сравните с постановлением по делу *Дюпюи и другие против Франции (Dupuis and Others v. France)*, №. 1914/02, § 43 и другие, 7 июня 2007, ЕСПЧ 2007-...). Следовательно, поведение заявителя отвечало Принципам предоставления информации через СМИ по уголовным процессам, изложенным в Рекомендации Комитета Министров Rec (2003)13 (см. п. 29 выше).

44. Далее Суд отмечает, что для того, чтобы вмешательство в право на свободу выражения мнения было пропорциональным законной цели защиты репутации других лиц, обязательно наличие объективной связи между оспариваемыми сведениями и истцом в деле о защите чести и достоинства. Как уже говорилось, в публикации заявителя не были указаны имена истцов или какая-либо идентифицирующая их информация. В статье приводилось собирательное название «милиция», «отдел по борьбе с наркотиками» или использовалось личное местоимение 3 лица «они» (см., в частности, интервью с г-жой В. в п. 8 выше). Районный суд отвел значительную часть в своем решении заявлениям

истцов и их родственников, которые приняли публикацию на свой счет и перенесли нравственные страдания. Суд повторяет, однако, что простое личное предположение или субъективное восприятие публикации как порочащей, не достаточно для установления того, что указанное лицо пострадало непосредственно от публикации. Должно быть что-то в обстоятельствах конкретного дела, чтобы у обычного читателя сложилось впечатление, что утверждение касается непосредственно конкретного истца, или что он стал объектом для критики (см. *Дюлдин и Кислов против России (Dyuldin and Kislov v. Russia)*, № 25968/02, § 44, 31 июля 2007 года). Постановление Районного суда было основано лишь на субъективном восприятии публикации истцами и их родственниками, без обсуждения вопроса о том, что решение принять право неидентифицированных истцов искать по суду защиты чести и достоинства, было объективным и разумно обоснованным. Более того, Районный суд не сделал различия между ситуацией с сотрудниками, которым было предъявлено уголовное обвинение, и другими сотрудниками, в отношении которых не было возбуждено никаких уголовных дел. Изучение правомочности данного права стало основным требованием в апелляции. Тем не менее, Областной Суд счел тот факт, что Районный суд не проверил правоспособность истцов, лишь формальным недостатком, который не отменяет в остальной части верное решение (см. п. 18 выше). Суд считает, что в обстоятельствах дела, вопрос о правоспособности представлял фундаментальную важность и то, что национальные суды не определили острую социальную потребность, поставив личные права истцов выше права заявителя на свободу выражения мнения.

45. Возвращаясь к содержанию рассматриваемой статьи, Суд отмечает, что основной ее составляющей было интервью с г-жой В., бывшей наркоторговкой и информатором милиции. Некоторые отрывки интервью были признаны национальными судами порочащими. Сделав такой вывод, суды не приняли во внимание тот факт, что эти сведения исходили не от заявителя, а были четко обозначены как сведения, изложенные другим человеком. В этой связи Суд напоминает, что неразграничение собственной речи автора и заявлений, сделанных другими людьми, противоречит стандартам, выработанным в практике Суда по статье 10 Конвенции. В ряде дел Суд постановил, что необходимо разграничить, исходят ли сведения от журналиста или являются цитатой высказывания других лиц, поскольку привлечение журналиста к ответственности за помощь в распространении сведений, изложенных другим лицом в ходе интервью, серьезно помешает прессе в содействии обсуждению

общественно значимых вопросов и не должно предусматриваться, если на то нет особо веских оснований (см. *Педерсен и Бадсгард против Дании* (*Pedersen and Baadsgaard v. Denmark*) [БП], №. 49017/99, § 77, ЕСПЧ 2004-XI, *Торгейр Торгейрсон*, § 65, и *Йерсилд*, § 35, приведенные выше). Национальные суды не привели таких доводов.

46. Что касается собственной речи заявителя, то Суду важно выделить утверждения о фактах и оценочные суждения. Суд придерживается твердой позиции, что наличие фактов может быть доказано, в то время как оценочные суждения не подлежат доказательству их соответствия действительности. Требование доказать соответствие оценочного суждения действительности не осуществимо и нарушает саму свободу мнения, которая является фундаментальной составляющей права, гарантируемого статьей 10 (см. постановление по делу *Лингенс против Австрии* (*Lingens v. Austria*), от 8 июля 1986 года, Серия А № 103, стр. 28, § 46; и *Обершлик против Австрии (№ 1)* (*Oberschlick v. Austria (no. 1)*), постановление от 23 мая 1991 года, Серия А № 204, § 63). В настоящем деле национальные суды сочли все оспариваемые отрывки утверждениями о фактах, без изучения того, что их можно отнести к оценочным суждениям. Отсутствие такого анализа объясняется принципами российского законодательства по диффамации на момент рассмотрения дела. Как уже установил Суд, в законодательство не предусматривало разграничение между оценочными суждениями и утверждениями о факте, относя их к “сведениям”, и исходило из принципа, что любые “сведения” подлежат доказательству в гражданском судопроизводстве (см. *Гринберг*, приведенное выше, § 29; *Карман*, приведенное выше, § 38; *Захаров против России* (*Zakharov v. Russia*), № 14881/03, § 29, 5 октября 2006 года, и национальное законодательство, приведенное в §§ 21 и 22 выше). К тому же, что касается определения Областного суда, по которому заявитель мог публично высказать свои комментарии после вынесения решения по уголовному делу, Суд напоминает, что критерий доказанности для установления обоснованности уголовного обвинения соответствующим судом не сравним с тем, который должен соблюдать журналист при изложении своего мнения по общественно значимому вопросу, поскольку стандарты, применяемые при нравственной оценке действий какого-либо лица отличаются от тех, которые требуются для установления правонарушения в соответствии с уголовным правом (см. дело *Карман*, приведенное выше, § 42; *Унапхенгиге Инициативе Информационсфильфальт против Австрии* (*Unabhängige Initiative Informationsvielfalt v. Austria*), №. 28525/95, § 46, ЕСПЧ 2002-I; и *ООО Виртшафтс-Тренд-Цайтширифтс-Ферлагс против Австрии* (*Wirtschafts-*

Trend Zeitschriften-Verlags GmbH v. Austria), №. 58547/00, § 39, 27 октября 2005).

47. В обстоятельствах настоящего дела, Суд не считает необходимым определять, являются ли фразы, использованные в собственной речи заявителя, оценочными суждениями или утверждениями о факте. Согласно установившейся практике Суда, различие между оценочным суждением и утверждением о факте, в конечном счете, сводится к степени фактической обоснованности, которая должна быть установлена, и, следовательно, оценочное суждение должно иметь под собой достаточную фактическую основу, чтобы служить справедливым комментарием согласно статье 10 (см. *Шарзах и Ньюс-Ферлагсгешельшафт против Австрии (Scharsach and News Verlagsgesellschaft v. Austria)*, №. 39394/98, § 40, ЕСПЧ 2003-XI). Заявитель выразил свое мнение по поводу того, что областной отдел по борьбе с наркотиками нес ответственность перед обществом за неспособность искоренить наркоторговлю в области, что привело к гибели большого количества людей от передозировки. Он также предупредил об опасности использования запрещенных веществ как средств оплаты за получение информации от осведомителей, так как это может привести к криминализации милиции. В этой связи очевидно, что суть статьи сводилась, главным образом, не ко обвинению конкретных людей в совершении преступлений, а к содействию обсуждению значимых вопросов среди местных жителей (сравните *Бладет Тромсё и Стенсаас против Норвегии (Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway)* [БП], №. 21980/93, § 63, ЕСПЧ 1999-III). Что касается доказательной базы, лежащей в основе рассуждения заявителя, Суд отмечает, что он опирался на общедоступные материалы расследования деятельности сотрудников отдела по борьбе с наркотиками и официальное медицинское заключение, свидетельствующее о количестве людей, умерших от передозировки. Поэтому Суд считает, что публикация заявителя была справедливым комментарием общественно значимого вопроса, а не неуместным выпадом на репутацию указанных сотрудников милиции.

48. В свете вышеизложенного и принимая во внимания роль журналистов и прессы в распространении информации и идей по общественно значимым вопросам, Суд считает, что публикация заявителя не превысила границ допустимой критики. То, что судопроизводство было гражданским, а не уголовным, не умаляет тот факт, что стандарты, примененные российскими судами, противоречат принципам, предусмотренным статьей 10, поскольку они не представили «веских» и «достаточных» доводов в обоснование рассматриваемого вмешательства.

Следовательно, Суд считает, что национальные суды переступили узкие рамки свободы усмотрения, данные им в отношении ограничений общественного обсуждения вопросов, представляющих общественный интерес, и что вмешательство не было «необходимым в демократическом обществе».

Следовательно, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

III. Применение статьи 41 Конвенции

49. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне.»

A. Ущерб

50. Заявитель требовал 2 000 евро в качестве компенсации материального ущерба, являясь суммой, выплаченной ООО *Мир новостей* истцам по иску о защите чести и достоинства, которые он обязан возместить компании в течение трех лет. Далее, он требовал 25 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

51. Правительство указало, во-первых, что заявитель представил копию платежного документа, выданного ООО *Мир новостей*, а не оригинал. К тому же, платеж был осуществлен компанией, которая не была заявителем в Суде. Не было представлено доказательств того, что заявитель возместил компании указанную сумму, и, в любом случае, его обязательство возмещения суммы не имело принудительной силы во внутригосударственном праве. В заключение, Правительство утверждало, что заявитель не представил доказательств для требования компенсации морального вреда.

52. Суд отмечает, что компенсация вреда по делу о защите чести и достоинства была выплачена владельцем газеты, а не заявителем (сравните постановление по делу *Воскуйл против Нидерландов (Voskuil v. the Netherlands)*, №. 64752/01, § 91, 22 ноября 2007). Не было представлено доказательств того, что заявитель компенсировал сумму компании в

течение 3 лет, как оговорено в соглашении. Суд отклоняет требование заявителя о компенсации материального ущерба. Однако Суд считает, что заявителю был причинен моральный вред в результате решений национальных судов, противоречащих принципам Конвенции. Данный вред не может быть достаточно компенсирован путем установления нарушения. Тем не менее, сумма, указанная заявителем, является чрезмерно завышенной. Сделав оценку на объективных основаниях, Суд присуждает заявителю 1 000 евро, плюс налоги, взимаемые с этой суммы.

В. Расходы и издержки

53. Заявитель требовал 750 евро за услуги переводчика, связанные с переводом корреспонденции Суда с английского на русский, а также 5 000 евро за расходы, связанные с проездом и услугами переводчика во время личной поездки в Страсбург. Он представил письменное соглашение выплатить переводчику “сумму, определенную Европейским Судом”.

54. Правительство подчеркнуло, что заявитель не подал смету судебных расходов, и необходимости в его личном визите в Страсбург не было, поскольку слушания по делу не проводилось.

55. Суд вначале отмечает, что слушания по делу не проводилось, и заявитель посетил Страсбург по собственной инициативе. В единственном документе, который он представил в отношении транспортных расходов, не указано никакой конкретной суммы. В этих обстоятельствах, Суд отклоняет требование заявителя о компенсации судебных расходов и издержек.

С. Процентная ставка

56. Суд считает целесообразным, если проценты за просрочку платежа будут начислены по предельному ссудному проценту Европейского Центрального Банка плюс три процентных пункта.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД

1. *Постановляет* единогласно, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
2. *Постановляет* пятью голосами против двух:

(а) государство-ответчик должно в течение трех месяцев с даты, когда постановление станет окончательным согласно п.2 статьи 44 Конвенции, выплатить заявителю 1 000 (одну тысячу) евро в качестве компенсации морального вреда, которые должны быть переведены в российские рубли по курсу на день урегулирования задолженности, плюс налоги, подлежащие оплате с этой суммы;

(b) что простые проценты должны будут выплачиваться с указанной суммы по истечении вышеуказанного трехмесячного срока и вплоть до урегулирования задолженности по курсу, равному предельному ссудному проценту Европейского Центрального Банка в период погашения задолженности, плюс три процентных пункта;

3. *Отклоняет* единогласно остальную часть требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке и представлено в письменном виде 23 октября 2008 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Нина Вайич
Андре Вампах

Председатель Суда
Заместитель Секретаря Секции

**© Центр Защиты Прав СМИ,
перевод с английского, 2007**

Краткое изложение дела

ДЕЛО «КАЗАКОВ ПРОТИВ РОССИИ»

(Kazakov v. Russia)

(Жалоба № 1758/02)

Постановление Суда

Страсбург, 18 декабря 2008 года

Суть вынесенного решения: Имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); единогласно.

Краткое изложение обстоятельств дела:

Казаков А. Н., офицер в отставке, направил письмо командиру военной части с критикой ее командного состава. В частности, он жаловался, что полковник Шатов, разрушил городской танцевальный зал и овощехранилище, закрыл центр отдыха части, провёл несанкционированный демонтаж автобусного парка и выбросил всех из здания бань, которое превратил в «бордель» для узкого круга избранных.

Г-н Шатов подал иск о защите чести и достоинства к Казакову А. Н. Он требовал компенсации морального вреда и письменного извинения.

Карачевский районный суд Брянской области удовлетворил заявленный иск и обязал ответчика принести письменные извинения г-ну Шатову, которые необходимо было направить самому истцу, а также командиру части, и выплатить 500 рублей в качестве компенсации морального вреда.

Брянский областной суд оставил в силе решение, отказав в удовлетворении кассационной жалобы.

Оценка Европейского Суда:

Суд отметил, что имело место «вмешательство» в право заявителя на свободу выражения мнения. Суд пришел к выводу, что несмотря на то, что статья 152 ГК не предписывала принесение извинения в качестве

средства судебной защиты при рассмотрении исков о защите чести и достоинства, судебная практика, существовавшая на момент рассмотрения иска, позволяла предвидеть, что такая мера может быть применена.

Анализируя «необходимость» ограничения в демократическом обществе, Суд отметил, что статья 10 Европейской Конвенции распространяется и на военнослужащих. Кроме того, Суд указал, что Заявитель на момент обращения не был действующим военнослужащим, а находился в отставке. В связи с этим, Суд подчеркнул, что Казакова А. Н. следует рассматривать как частное лицо.

По мнению Суда, в данном деле свобода выражения мнения связана с осуществлением Заявителем своего права на сообщение о нарушениях в поведении государственного служащего в инстанцию, в чьи обязанности входит рассмотрение таких жалоб. Факт того, что обращения было адресовано по подведомственности надлежащему должностному лицу, явился значимым в данном деле.

Рассматривая вопрос о соразмерности наказания, Суд указал:

«компенсация в размере 500 рублей может казаться незначительным основанием для возбуждения дела по Статье 10 Конвенции. Однако Суд замечает, что Заявителя обязали принести извинение. С точки зрения Суда, принуждение кого-либо отказаться от своих слов через признание их неверности является сомнительной и едва ли «необходимой» формой восстановления нарушенного права».

В итоге Суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

© Центр Защиты Прав СМИ, 2009

ДЕЛО «КАЗАКОВ ПРОТИВ РОССИИ»

(Kazakov v. Russia)

(Жалоба № 1758/02)

Постановление Суда
Страсбург, 18 декабря 2008 года

По делу «Казakov против России», Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в следующем составе:

г-н Христос Розакис, *Председатель*,
г-жа Нина Вайич,
г-н Анатолий Ковлер,
г-жа Элизабет Штейнер,
г-н Ханлар Гаджиев,
г-н Джорджо Малинверни,
г-н Джордж Николау, *судьи*,

и г-н Сорен Нильсен, *Секретарь Секции*,

Проведя 27 ноября 2008 года закрытое заседание,

Вынес следующее постановление, принятое в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело возбуждено Судом по жалобе (№ 1758/02) против Российской Федерации, поданной 18 июля 2001 года гражданином России г-ном Александром Николаевичем Казаковым (далее - «Заявитель»), в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав и основных свобод человека (далее - Конвенция).

2. Интересы российского правительства (далее - «Правительство») защищал г-н П. Лаптев, бывший представитель Российской Федерации в Европейском суде по правам человека.

3. 9 сентября 2005 года Суд принял решение поставить в известность о поданной жалобе Правительство. В соответствии с положениями пункта 3 статьи 29 Конвенции, было принято решение рассмотреть существо жалобы одновременно с вопросом о её приемлемости.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

4. Заявитель родился в 1948 году и живёт в г. Карачев Брянской области.

5. В январе 1999 года Заявитель, офицер в отставке, послал письмо командиру военной части № 64176, который контролировал командование части № 92919. В письме говорилось следующее:

«24 декабря 1998 года командование военной части № 92919 проводило встречу ветеранов войны ... которые проживали в военном городке. На встрече было принято открытое письмо в Министерство обороны РФ с просьбой вернуть жителям военного городка возможность пользоваться городскими банями и прекратить дискриминацию жителей по признаку их общественного положения ...

Командный состав военной части ведут себя как «узурпаторы, захватчики и оккупанты». За короткий период времени новый командир военной части № 92919, полковник Шатов, разрушил городской танцевальный зал и овощехранилище, закрыл центр отдыха части, провёл несанкционированный демонтаж автобусного парка и выбросил всех из здания бань, которое превратил в «бордель» для узкого круга избранных».

6. Г-н Шатов подал иск о защите чести и достоинства против Заявителя, утверждая, что письмо, написанное в январе 1999 году, ущемлял его честь и достоинство. Он требовал компенсации морального вреда и письменного извинения, вариант текста которого прилагался.

7. 13 июля 2000 года Карачевский районный суд Брянской области принял решение в пользу истца, установив, что танцевальный зал и овощехранилище действительно были разобраны, но материалы были

использованы для нужд военной части, что центр отдыха был открыт, и что солдаты, офицеры и члены их семей по-прежнему могли пользоваться банями. Суд отметил, что на документе, представленном Заявителем в подтверждение факта демонтажа автобусного парка, отсутствовала печать, и поэтому он не мог быть принят в качестве доказательства.

8. Районный суд признал, что информация, изложенная в письме от января 1999 года, была недостоверной и порочила честь и достоинство г-на Шатова, и принял следующее решение:

«В соответствии со статьями 152 ч. 5 и 151 ГК, суд обязывает [Заявителя] к выплате г-ну Шатову 500 рублей в качестве возмещения морального вреда, поскольку его утверждения о дискриминации граждан г-ном Шатовым, [его действия в качестве] узурпатора, захватчика и оккупанта, разрушение танцевального зала и овощехранилища, несанкционированный демонтаж автобусного парка и выдворение всех из здания бань, которое он превратил в «бордель» для узкого круга избранных, умалили честь и достоинство г-на Шатова...

...обязать [Заявителя] принести г-ну Шатову письменное извинение в течение одного месяца со следующим текстом: «В январе 1999 года я, [Заявитель], направил командиру военной части № 64176 письмо, содержащее информацию о вашей профессиональной деятельности, которая была недостоверна и унижала вашу честь и достоинство. Этот факт был установлен Карачевским районным судом 13 июля 2000 года. Я приношу вам свои извинения за распространение информации, подрывающей ваш авторитет в глазах подчинённых и начальства, жителей военного городка и жителей г. Карачев, а также за нанесение вам психологической травмы»,

...и принести извинение командиру военной части № 64176 г. Москвы, сформулированное следующим образом – «В январе 1999 г. я, [Заявитель], послал вам письмо, содержащее информацию о профессиональной деятельности командира военной части № 92919, г-на Шатова, которая была недостоверной и порочащей честь и достоинство г-на Шатова. Этот факт был установлен Карачевским районным судом 13 июля 2000 года. Я приношу свои извинения за введение в заблуждение командование военной части № 64176 предоставлением недостоверной информации».

9. Заявитель обжаловал решение от 13 июля 2000 года. Он утверждал, что письмо от января 1999 года содержало его собственные оценочные суждения, не подлежащие доказыванию. 15 февраля 2001 года Брянский областной суд оставил в силе решение, согласившись с доводами суда первой инстанции.

II. Применимое национальное законодательство и практика

A. Свобода выражения мнения и диффамация

10. Статья 29 Конституции РФ гарантирует свободу мысли и слова. Статья 33 гласит, что Российские граждане имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления.

11. Статья 12 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) является общим правилом, устанавливающим перечень способов защиты гражданских прав. Он включает в себя признание права, восстановление положения, существовавшего до нарушения права, возмещение убытков или компенсации морального вреда, а также другие формы защиты, предписанные законом. В соответствующих частях статья 152 ГК РФ говорится следующее:

«1. Гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности...

2. Если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, распространены в средствах массовой информации, они должны быть опровергнуты в тех же средствах массовой информации...

3. Гражданин, в отношении которого средствами массовой информации опубликованы сведения, ущемляющие его права или охраняемые законом интересы, имеет право на опубликование своего ответа в тех же средствах массовой информации..

5. Гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, вправе наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением.

б. Если установить лицо, распространившее сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, невозможно, лицо, в отношении которого такие сведения распространены, вправе обратиться в суд с заявлением о признании распространенных сведений не соответствующими действительности...».

12. В постановлении № 11 Пленума Верховного Суда от 18 августа 1992 года (редакция которого, с поправками от 25 апреля 1995 года, действовала во время происходивших событий) устанавливается, что термин «распространение информации», используемое в статье 152 ГК РФ, понимался как публикация утверждений или их трансляция в электронных СМИ, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в той или иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу. Однако в её тексте уточняется, что «Сообщение таких сведений лицу, которого они касаются, не может признаваться их распространением».

13. В своём постановлении от 24 февраля 2005 года, Пленум Верховного Суда напомнил, что в соответствии со статьей 29 (часть 3) Конституции никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них. Таким образом, Верховный Суд проинформировал нижестоящие суды о том, что извинение, в какой бы то ни было форме, не было предписано российскими законами, включая статью 152 ГК РФ, в качестве способа защиты нарушенного права (пункт 18). Сказанное выше не исключает возможности того, что судья может утвердить мировое соглашение, условия которого требуют такого извинения. Верховный Суд также проинструктировал другие суды о том, что в случаях, когда гражданин подаёт жалобу в орган государственной власти, утверждая, например, что было совершено уголовное преступление, и выясняется, что такое заявление необоснованно, то это обстоятельство не может служить основанием для возбуждения дела по статье 152 ГК РФ. Верховный Суд разъяснил, что в подобной ситуации гражданская ответственность не наступает в виду того, что заявитель осуществил своё право на обращение в орган государственной власти через подачу запроса, и что такая ситуация не приравнивалась к распространению недостоверной порочащей информации (пункт 10). Такие требования могут быть удовлетворены лишь в случае, если при рассмотрении дела суд установит, что обращение не имело под собой никаких оснований и продиктовано

намерением причинить вред другому лицу, то есть имело место злоупотребление правом (там же).

Б. Порядок рассмотрения предложений, заявлений и жалоб

14. До 2006 года порядок рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан регулировался Указом № 2534-VII Президиума Верховного совета СССР от 12 апреля 1968 года, в текст которого в 1980 и 1988 годах были внесены поправки, соответствующие Конституции 1993 года и Законом РФ «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан», принятым также в 1993 году. Ряд государственных органов имели в этом отношении собственные инструкции.

15. В соответствии с Указом 1968 года, письменное обращение или жалоба должны быть подписаны заявителем с указанием его или её полного имени и местожительства (пункт 1). Обращение или жалоба должны подаваться в те государственные и общественные органы, предприятия, учреждения, организации или тем должностным лицам, к непосредственному ведению которых относится разрешение данного вопроса (пункт 3). Подача гражданином заявления или жалобы в клеветнических целях влекла ответственность в соответствии с законодательством (пункт 15).

16. Закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 2 мая 2006 года (Федеральный закон № 59-ФЗ) устанавливает новую процедуру рассмотрения жалоб и обращений. В соответствии со статьей 11 (пункт 3) государственный орган при получении письменного обращения, в котором содержатся нецензурные либо оскорбительные выражения, угрозы жизни, здоровью и имуществу должностного лица, а также членов его семьи, вправе оставить обращение без ответа по существу поставленных в нем вопросов и сообщить гражданину, направившему обращение, о недопустимости злоупотребления правом.

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

17. Заявитель подал жалобу по статье 10 Конвенции на наказание, которому он подвергся за законную критику государственного служащего, и принуждение со стороны национальных судов к изменению своего мнения путём принятия решения о том, что он должен принести письменные извинения. Статья 10 гласит следующее:

«1. Каждый имеет право свободно выражать своё мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны органов власти и независимо от государственных границ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями и санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

A. Приемлемость

18. Суд отмечает, что эта жалоба не является очевидно необоснованной в соответствии с содержанием пункта 3 статьи 35 Конвенции, и не было установлено никаких других оснований, на которых она могла бы быть объявлена неприемлемой, поэтому она должна быть признана приемлемой.

Б. Существо дела

19. Правительство признало, что статья 152 ГК РФ, истолкованная Верховным Судом в его постановлении от 24 февраля 2005 года (см. пункт выше), не предписывала принесение извинения в качестве средства судебной защиты при рассмотрении исков о защите чести и достоинства, за исключением определённых обстоятельств, например в случае

соответствующего мирового соглашения между сторонами в гражданском деле. Правительство, однако, возразило, что до принятия выше упомянутого постановления разные суды могли трактовать статью 152 по-разному. По мнению Правительства, учитывая данное правовое положение, вмешательство в осуществление Заявителем своего права на свободное выражение мнения было предписано законом и направлено на защиту репутации других людей. Размер компенсации морального вреда, наложенный на Заявителя, был смехотворно мал, а обязательство принести извинение нельзя расценивать как жёсткую меру.

20. Заявитель настаивал на своей жалобе.

21. Суд замечает, что стороны согласны с тем, что решение, вынесенное по результатам рассмотрения иска о защите чести и достоинства, само по себе являлось вмешательством в осуществление Заявителем своего права на свободное выражения мнения, гарантированного в пункте 1 статьи 10, и преследовало законную цель, а именно, защиты репутации других лиц. Суд не находит оснований сделать иное заключение. В то же самое время, Суд замечает, что Заявитель утверждал, что одна из санкций, наложенных на него, а именно, требование извинения, было незаконным. Таким образом, возникает вопрос о том, было ли вмешательство предписано законом, в первую очередь статьей 152 ГК РФ.

22. Суд напоминает в этой связи, что правовая норма не может рассматриваться как «закон» с точки зрения пункта 2 статьи 10, если она не сформулирована достаточно ясно, чтобы позволить человеку регулировать своё поведение; он должен быть в состоянии – если необходимо, с помощью юриста – предсказать, в степени разумной в сложившихся обстоятельствах, возможные последствия определенного действия (см. *Линдон, Очаковский-Лоранс и Жюли против Франции (Lindon, Otchakovsky-Laurens and July v. France)* [БП], № 21279/02 и 36448/02, § 41, ЕСПЧ 2007...). Эти последствия не должны быть абсолютно предсказуемы. Притом что определённость желательна, она может быть чревата излишней жёсткостью, в то время как закон должен обладать гибкостью достаточной для того, чтобы соответствовать меняющимся обстоятельствам. Поэтому многие законы неизбежно облакаются в формулировки, которые, в большей или меньшей степени, расплывчаты, а их толкование и применение регулируются на практике. Какой бы ясной ни была формулировка правового положения, неизбежно возникает необходимость его толкования в судах, в чьи юридические обязанности входит прояснение неопределённых и сомнительных мест,

которые могут оставаться при толковании законодательства (см. *Озтюрк против Турции* (*Öztürk v. Turkey*) [БП], № 22479/93, § 55, ЕСПЧ 1999-VI). Далее Суд напоминает о том, что рамки понятия предсказуемости в значительной степени зависят от конкретного контекста, сферы, к которой оно применяется, а также количества и положения тех, к кому оно обращено (см., среди прочих источников, *Джавадов против России* (*Dzhavadov v. Russia*), № 30160/04, § 36, 27 сентября 2007 года).

23. Суд считает, что понятие предсказуемости применимо не только к линии поведения, последствия которой должны быть в определённой степени предсказуемы для заявителя, но также и к «формальностям, условиям, ограничениям или санкциям», которые могут сопровождать такое поведение, если оно будет признано нарушением национальных законов (см., *mutatis mutandis*, *Кафкарис против Кипра* (*Kafkaris v. Cyprus*) [БП], № 21906/04, § 140, ЕСПЧ 2008-...). Таким образом, Суд должен определить, мог ли Заявитель в данном деле предположить, исходя из здравого смысла, что ему придётся приносить извинение, если его привлекут к гражданской ответственности.

24. Суд далее напоминает, что национальные суды находятся в более выгодном положении относительно истолкования и применения норм материального и процессуального права (см., среди многих источников, *Видал против Бельгии* (*Vidal v. Belgium*), постановление от 22 апреля 1992 года, Серия А № 235-В, стр. 32-33, § 32). Статья 152 ГК предполагает три типа возмещения ущерба: обязательство распространить опровержение, выплата компенсации ущерба или обязательство опубликовать ответ истца, если ответчик является СМИ. Суд замечает, что в 2005 году Пленум Верховного Суда принял постановление, в котором указал нижестоящим судам на то, что извинение, в любой форме, не было предусмотрено российским законодательством, включая статью 152 ГК РФ, в качестве способа защиты нарушенных прав (см. пункт 13 выше). Видимо, это постановление было призвано гармонизировать различную практику российских судов по этому вопросу (см., например, решения российских судов в делах *Филатенко против России* (*Filatenko v. Russia*), № 73219/01, § 17, 6 декабря 2007; *Дюльдин и Кислов против России* (*Dyuldin u Kislov v. Russia*), № 25968/02, § 19, 31 июля 2007 года; *Захаров против России* (*Zakharov v. Russia*), № 14881/03, §§ 11 и 13, 5 октября 2006 года; *Гринберг против России* (*Grinberg v. Russia*), № 23472/03, § 12, 21 июля 2005 года; и *Годлевский против России* (*Godlevskiy v. Russia*) (реш.), № 14888/03, 9 декабря 2004). Суд допускает, что до принятия постановления Пленума в 2005 году суды нередко были склонны истолковывать понятия

опровержения или исправления как возможно предполагающее извинение. Таким образом, в обстоятельствах настоящего дела, Суд готов признать, что толкование соответствующего законодательства российскими судами было таковым, что оспоренное вмешательство не рассматривалось как незаконное с точки зрения Конвенции.

25. Поэтому Суд продолжит свой анализ, чтобы определить, было ли вмешательство в данном деле «необходимо в демократическом обществе».

26. В этой связи Суд замечает, что иск о защите чести и достоинства был реакцией на письменную жалобу Заявителя вышестоящему военному начальнику, но не публикацией в СМИ (см., в отличие от этого дело *Дюльдина и Кислова против России*, упомянутое выше, §§ 40 и 41, и *Квечень против Польши (Kwiecień v. Poland)*, № 51744/99, §§ 50 и 51, ЕСПЧ 2007-... касавшихся публикаций так называемых «открытых писем»). Заявитель, сам офицер в отставке, написал обращение командованию с жалобой на несправедливое, а порой, по его мнению, незаконное поведение командира части. Нет сомнений в том, что Заявитель действовал в рамках, установленных законом в отношении подачи жалоб (см., в подобном контексте, дело *Захарова*, упомянутое выше, § 22). Очевидно, что и другие жители военного городка разделяли озабоченность Заявителя.

27. Далее отмечается, что хотя статья 10 применима к военнослужащим в той же степени, что и к другим категориям граждан на территории Договаривающихся государств, правильное функционирование армии вряд ли можно вообразить без существования юридических правил, нацеленных на предотвращение нарушений дисциплины военнослужащими, в том числе в форме составления письменных документов (см., среди прочих источников, *Демократический Союз солдат Австрии и Губи против Австрии (Vereinigung demokratischer Soldaten Österreichs and Gubi v. Austria)*, постановление от 19 декабря 1994, Серия А № 302, § 36). Невзирая на это, национальным органам власти не разрешено пользоваться этими правилами для препятствования свободе выражения мнений, даже если они направлены против армии как общественного института (см. *Григориадес против Греции (Grigoriades v. Greece)*, постановление от 25 ноября 1997 года, *Сборник постановлений и решений 1997-VII*, § 45). Однако Заявитель, будучи офицером в отставке, уже не был связан правилами субординации. Таким образом, Заявителя следует рассматривать как частное лицо, обратившееся с жалобой на государственного служащего. В этой связи, Суд отмечал в нескольких

случаях, что возможны ситуации, в которых необходимо оградить государственных служащих от нападок и клеветы, рассчитанных на создание помех в их профессиональной деятельности и подрыв доверия к ним и их органов со стороны общественности (см. *Яновский против Польши (Janowski v. Poland)* [БП], № 25716/94, § 33, ЕСПЧ 1999-I). В настоящем деле, Суд готов признать, что командира военной части можно отнести к категории государственных служащих.

28. Однако Суд напоминает, что, поскольку Заявитель изложил свои письменные претензии как частное лицо, требования защиты в соответствии со статьей 10 Конвенции необходимо соразмерить не с интересами свободы прессы или открытой дискуссии на социально значимые темы, а скорее с осуществлением Заявителем своего права на сообщение о нарушениях в поведении государственного служащего в инстанцию, в чьи обязанности входит рассмотрение таких жалоб (см. дело Захарова, упомянутое выше, § 23; см. также *Чернышева против России (Chernysheva v. Russia)* (реш.), № 77062/01 от 10 июня 2004 года. Возможность для граждан извещать уполномоченные инстанции о поведении государственных служащих, которое им кажется неправильным или незаконным, является одной из составляющих принципа главенства закона (дело Захарова, § 26).

29. Суд считает, что в обстоятельствах настоящего дела, тот факт, что Заявитель адресовал свою жалобу в форме письма в государственную инстанцию уполномоченную рассмотреть проблему, особенно важен при оценке соразмерности вмешательства (срав. дело *Яновского* [БП], упомянутое выше, § 34; и *Райчинов против Болгарии (Raichinov v. Bulgaria)*, № 47579/99, § 48, 20 апреля 2006 года. В этой связи, Суд отмечает положение, чётко выраженное в постановлении Верховного Суда РФ о том, что «передача такой информации человеку, которого она касается» не расценивалась как её распространение, и, следовательно, не могла служить основанием для подачи иска о защите чести и достоинства (см. пункт выше). Кроме этого, Суд не считает, что жалоба Заявителя имела сутяжнический характер, или что Заявитель действовал недобросовестно.

30. Наконец, Суд рассмотрел вопрос о соразмерности наказания, которому подвергся Заявитель, обстоятельствам дела. Суд признаёт, что компенсация в размере 500 рублей может казаться незначительным основанием для возбуждения дела по статье 10 Конвенции. Однако Суд замечает, что Заявителя обязали принести извинение. С точки зрения

Суда, принуждение кого-либо отказаться от своих слов через признание их неверности является сомнительной и едва ли «необходимой» формой восстановления нарушенного права. Такую позицию также поддержал Верховный Суд РФ, признавший извинение, независимо от формы, противоречащим закону (см. пункт выше).

31. В свете вышеизложенных соображений и, оценивая текст письма в целом и в контексте, в которой оно было написано, Суд приходит к выводу о том, что процесс по иску о защите чести и достоинства завершился возложением на Заявителя чрезмерного бремени. Имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

II. Другие предполагаемые нарушения конвенции

32. Заявитель также обратился с жалобой на предположительно не соответствовавший закону состав суда первой инстанции, рассматривавшего его дело о диффамации, а также необоснованность определения об отклонении его кассационной жалобы. Кроме этого он утверждал, что по сравнению с истцом в данном деле, он стал объектом дискриминации. Суд рассмотрел остальные жалобы Заявителя. Однако, учитывая все материалы, находившиеся в его распоряжении, Суд считает, что эти жалобы не вскрывают какого-либо нарушения прав и свобод, изложенных в Конвенции или ее Протоколах. Отсюда следует, что эта часть заявления должна быть отклонена как очевидно необоснованная в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

III. Применение статьи 41 Конвенции

33. В статье 41 Конвенции говорится:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

34. Заявитель не подал иска о справедливом возмещении. Таким образом, вопрос о присуждении соответствующего возмещения Судом не обсуждался.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* жалобу на ограничение свободы выражения мнения Заявителя приемлемой, а оставшуюся часть жалобы – неприемлемой;
2. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
3. *Постановляет*, что отсутствуют основания для присуждения возмещения по статье 41 Конвенции.

Совершено на английском языке, письменно заверено 18 декабря 2008 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Христос Розакис
Сорен Нильсен

Председатель Суда
Секретарь Секции

© Центр Защиты Прав СМИ,
перевод с английского, 2009

Краткое изложение дела

ДЕЛО «СЕРГЕЙ КУЗНЕЦОВ ПРОТИВ РОССИИ»

(Sergey Kuznetsov v. Russia)

(жалоба №10877/04)

Постановление Суда

Страсбург, 23 октября 2008 года

Суть вынесенного решения: Имело место нарушение статьи 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, истолкованной в свете статьи 10; единогласно.

Краткое изложение обстоятельств дела:

18 марта 2003 года Кузнецов С. В. и два других человека направили уведомление главе городской администрации Екатеринбурга о пикете перед зданием Свердловского областного суда. Заявленная цель пикета заключалась в том, чтобы «привлечь внимание общественности к нарушениям права человека на судебную защиту».

25 марта 2003 года Кузнецов С. В. вместе с другими людьми проводил пикет перед зданием Свердловского областного суда. Они распространяли газетные вырезки со статьей в «Новой газете» и листовки о председателе Свердловского областного суда Овчаруке, который был якобы замешан в коррупционных скандалах. Участники пикета собирали подписи в поддержку его отстранения.

27 марта 2003 года первый заместитель председателя Свердловского областного суда направил начальнику Верх-Исетского РОВД Екатеринбурга письмо с требованием проверить законность действий организаторов пикета и указал на необходимость привлечения их к административной ответственности.

Сотрудник Верх-Исетского РОВД Екатеринбурга составил отчет об административных правонарушениях, совершенных Заявителем В соответствии с отчетом, Заявитель представил уведомление о проведении

пикета слишком поздно, распространял листовки клеветнического и оскорбительного характера против председателя областного суда, а также препятствовал прохождению граждан в здание суда.

Дело было передано мировому судье, последний признал Заявителя виновным в административном правонарушении, предусмотренном частями 1 и 2 статьи 20.2 Кодекса об административных правонарушениях и обязал выплатить штрафа в 1 000 рублей

Районный суд, рассмотрев жалобу Заявителя оставил первоначальное решение в силе.

Оценка Европейского Суда:

В данном деле Суд определил соотношение свободы выражения мнения и свободы собраний:

*«защита личного мнения, гарантированная в статье 10, является одной из целей обеспечения свободы мирных собраний с точки зрения статьи 11. Таким образом, свободу выражения мнения невозможно отделить от свободы собраний, и рассматривать каждое положение отдельно нет необходимости. В обстоятельствах данного дела, Суд считает, что статья 11 должна применяться в первую очередь в качестве *lex specialis* в случаях собраний, и будет рассматривать дело главным образом в соответствии с этим положением, вместе с тем истолковывая его в свете статьи 10».*

Суд указал, что право на свободу собраний защищает как частные собрания, так и собрания в общественных местах, как статические публичные мероприятия, так и публичные шествия. Кроме того, Суд подчеркнул, что

«...это право может осуществляться и отдельными лицами и группами людей, организующих публичные мероприятия...».

Суд признал, что привлечение к административной ответственности являлось вмешательством в свободу собраний, но оно было «предусмотрено законом» и преследовало правомерную цель, а именно, предотвращение беспорядков и защита прав других лиц. Далее Суд

перешел к анализу «необходимости» вмешательства в демократическом обществе.

Суд подчеркнул важность свободы собраний в демократическом обществе равно как и свободы выражения мнения.

Европейский Суд рассмотрел каждое из трех обвинений, предъявленных к Заявителю национальными судами.

Относительно запоздалого подачи уведомления не в срок, предусмотренный российским законодательством Суд отметил, что

«...Заявитель, бесспорно, представил уведомление о проведении пикета за восемь дней до его запланированной даты, тогда как применимые правила предписывают 10-дневный срок уведомления. Однако нет оснований полагать, что эта двухдневная разница каким-либо образом помешала властям осуществить все необходимые приготовления к пикету. Судя по всему, учитывая незначительный масштаб запланированного мероприятия, городская администрация и не сочла задержку извещения чем-то существенным или важным. Она не только быстро подтвердила получение уведомления о проведении пикета, но и за пять дней до пикета передала распоряжение милиции обеспечивать общественный порядок во время этого мероприятия».

Относительно имевшего место перегораживания входа в здание, Суд указал, что

«любая демонстрация в общественном месте неизбежно в определенной степени нарушает обычное течение жизни, включая создание помех для дорожного движения, и что органам власти следует проявлять определённую терпимость в отношении мирных собраний для того, чтобы окончательно не выхолостить содержание статьи 11 Конвенции (см. постановления по делам Галстян против Армении, §§ 116-117; Букта против Венгрии, § 37; и Ойа Атаман против Турции, §§ 38-42, все упоминались выше). Таким образом, Суд не считает, что якобы имевшее место перегораживание прохода в здание суда, особенно учитывая, что Заявитель продемонстрировал сговорчивость и готовность к

сотрудничеству с властями, было существенной и достаточной причиной для вмешательства».

И, наконец, относительно различия между заявленными целями проведения пикета и содержанием статьи, которую Заявитель распространял во время пикета, Европейский Суд установил, что национальные суды не представили никакой фактографической основы своих заключений по этому вопросу, кроме того их постановления не содержали какого-либо анализа предполагаемых различий.

Кроме того, Суд пришел к выводу, что

«Не было представлено доказательств того, что материалы, распространявшиеся Заявителем, и идеи, которые он отстаивал во время пикета, содержали какие-либо порочащие утверждения, способствовали разжиганию насилия или подрыву демократических принципов».

В итоге Суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции, в свете статьи 10 Конвенции.

© Центр Защиты Прав СМИ, 2009

ДЕЛО «СЕРГЕЙ КУЗНЕЦОВ ПРОТИВ РОССИИ»

(Sergey Kuznetsov v. Russia)

(жалоба № 10877/04)

Постановление Суда
Страсбург, 23 октября 2008 года

По делу «Сергей Кузнецов против России» Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в следующем составе:

г-жа Нина Вайич, *Председатель*,
г-н Анатолий Ковлер,
г-н Ханлар Гаджиев,
г-н Дин Шпильманн,
г-н Сверре Эрик Йебенс,
г-н Джорджио Малинверни,
г-н Джордж Николау, *судьи*,

а также г-н Андре Вампах, *Заместитель Секретаря Секции*,

Проведя 2 октября 2008 года закрытое заседание,

Вынес следующее постановление, принятое в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело возбуждено Судом по жалобе (№ 10877/04) против Российской Федерации, поданной 25 декабря 2003 года гражданином России г-ном Сергеем Владимировичем Кузнецовым (далее - «Заявитель»), в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - «Конвенция»).

2. Интересы Заявителя представлял г-н Ю. Ершов, адвокат, практикующий в Екатеринбурге. Российское правительство (далее - «Правительство») было представлено его уполномоченным г-ном П. Лаптевым, бывшим представителем Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека.

3. 1 марта 2005 года председатель Первой секции Суда принял решение поставить в известность о поданной жалобе Правительство. В соответствии с положениями пункта 3 статьи 29 Конвенции, было принято решение рассмотреть существо жалобы одновременно с вопросом о ее приемлемости.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

4. Заявитель родился в 1957 году и живет в Екатеринбурге.

5. 18 марта 2003 года Заявитель и два других человека (г-н Ш. и г-жа М.) послали уведомление главе городской администрации Екатеринбурга о своем намерении провести пикет перед зданием Свердловского областного суда. Пикет должен был состояться в период с 25 по 28 марта 2003 года с 9 до 11 часов утра. Заявленная цель пикета заключалась в том, чтобы «привлечь внимание общественности к нарушениям права человека на судебную защиту».

6. 19 марта 2003 года руководитель отдела по связям с общественностью и средствами массовой информации Екатеринбургской городской администрации подтвердил получение уведомления. Он подчеркнул, что если пикет будет доставлять неудобства, например, закрывать доступ к зданию суда или препятствовать его нормальной работе, администрация будет вынуждена вмешаться.

7. 20 марта 2003 года руководитель милиции общественной безопасности Екатеринбурга отдал распоряжение сотрудникам милиции обеспечивать общественную безопасность и движение транспорта во время пикета.

8. 25 марта 2003 года Заявитель в числе других людей проводил пикет. Они распространяли газетные вырезки и листовки о г-не Овчаруке, председателе Свердловского областного суда, который был якобы замешан в коррупционных скандалах, и собирали подписи в поддержку его отстранения.

9. 27 марта 2003 года г-н Дементьев, первый заместитель председателя Свердловского областного суда, направил начальнику Верх-Исетского РОВД Екатеринбурга следующее письмо:

«С разрешения Екатеринбургской городской администрации, группа граждан, включавшая г-на Ш., г-на Кузнецова и г-жу М., устроили пикет перед зданием Свердловского областного суда...

В уведомлении о проведении пикета указывалось, что целью проведения пикета было «привлечь внимание общественности к нарушениям права человека на судебную защиту».

Как показали последующие события, организаторы пикета ввели в заблуждение чиновников Екатеринбургской городской администрации относительно истинных целей своей акции.

Вместо привлечения внимания общественности к проблемам судебной защиты и нарушениям прав человека, как это было указано в уведомлении о проведении пикета - если они полагали, что такие проблемы существуют, и против чего было бы трудно возразить, поскольку указанные проблемы существуют в действительности - участники пикета распространяли отпечатанные листовки и материалы клеветнического и оскорбительного характера, направленные лично против председателя Свердловского областного суда.

Информация, содержащаяся в отрывке из «Новой газеты», была более чем двухлетней давности. Она подверглась проверке Высшей квалификационной коллегии судей и Генеральной прокуратуры, и была признана клеветнической, о чем участники пикета, в частности г-н Ш. и г-н Кузнецов, были прекрасно осведомлены.

Из изложенного выше очевидно, что организаторы пикета умышленно и злонамеренно изменили характер акции и таким образом ввели в заблуждение общественность, которую, в соответствии с уведомлением о проведении пикета, они были намерены познакомить с положением дел в области предоставления судебной защиты правам человека.

Тем самым они совершили административное правонарушение, нарушив положения раздела 4 Указа Президиума Верховного совета СССР от 28 июля 1988 года, исправленного президентским указом от 25 мая 1992 года, в соответствии с разделом 8 за которое предусмотрена административная ответственность по части 1 статьи 20.2 Кодекса об административных правонарушениях ...

Таким образом, в соответствии с частью 2 (п. 1) статьи 28.3 упомянутого Кодекса я прошу вас провести административные разбирательства в отношении действий г-на Ш., г-на Кузнецова и г-жи М., подготовить отчет об административном правонарушении и принять решение по вопросу об их правовой ответственности за нарушение закона. Прошу вас сообщить мне о принятом решении».

10. 17 апреля 2003 года сотрудник Верх-Исетского РОВД Екатеринбурга составил отчет об административных правонарушениях, совершенных Заявителем по частям 1 и 2 статьи 20.2 Кодекса об административных правонарушениях. В соответствии с отчетом, Заявитель представил уведомление о проведении пикета слишком поздно, распространял листовки клеветнического и оскорбительного характера против председателя областного суда, а также препятствовал прохождению граждан в здание суда. Судебные приставы г-н Р. и г-н М. фигурировали в качестве свидетелей.

11. 21 апреля 2003 года глава Верх-Исетского РОВД направил отчет и вспомогательные материалы в Верх-Исетский районный суд Екатеринбурга. Дело было передано мировому судье третьего судебного участка Верх-Исетского района Екатеринбурга.

12. 15 мая 2003 года Заявитель оспорил судебное определение и потребовал, чтобы дело разбиралось в соседней области. По его мнению, объективное рассмотрение дела в Екатеринбурге было невозможно, потому что оно было возбуждено по инициативе высокопоставленных чиновников областного суда. Судья отклонил это возражение, мотивировав свое решение тем, что Кодекс об административных правонарушениях не предполагал возможности изменения подсудности.

13. 19 мая 2003 года судья принял постановление по делу об административном правонарушении, в котором Заявитель был признан виновным по трем пунктам.

14. Во-первых, судья постановила, что Заявитель нарушил установленную процедуру проведения пикетов. Он направил уведомление о проведении пикета за восемь дней до дня его проведения, тогда, как и указ Верховный совет СССР от 1988 года и соответствующие местные акты Екатеринбурга предписывают 10-дневный период.

15. Во-вторых, судья пришла к выводу, что во время проведения пикета Заявитель нарушил общественный порядок. Делая свое заключение, она опиралась на следующие свидетельства:

«Вина Заявителя ... подтверждена отчетом об административном правонарушении, датированным 17 апреля 2003 года; утверждениями свидетелей г-на М. и г-на Р., которые работают судебными приставами в Свердловском областном суде. 25 марта 2003 года приблизительно в 9.10 утра они вышли на крыльцо здания Свердловского областного суда и увидели несколько человек с транспарантами – среди которых находился г-н Кузнецов, который держал в руках транспарант с надписью «Овчарук – увольняйся». Эти люди стояли непосредственно на крыльце, загораживая вход в здание, и раздавали листовки. На просьбу приставов предъявить документы и спуститься по ступенькам с крыльца, пикетирующие сначала ответили отказом, однако после того, как к ним подошел милиционер, сошли с крыльца. Судьи, пришедшие на работу, сообщили им о том, что участники пикета закрывали проход в здание суда. [Список показаний, подтверждающих вину Заявителя, продолжается отчетом судебного пристава г-на Р. от 25 марта 2003 года; отчетом сотрудника Верх-Исетского РОВД г-на Г., который свидетельствовал о том, что между 25 и 28 марта 2003 года он отвечал за сохранение общественного порядка во время пикета перед зданием Свердловского областного суда]. Пикет был организован г-ном Кузнецовым, г-ном Ш. и г-жой М., которые в 9 утра в день прохождения пикета стояли на лестнице у входа в здание Свердловского областного суда, загораживая проход в него. После вмешательства его и судебных приставов,

участники пикета спустились на тротуар перед зданием суда и уже больше не мешали нормальной работе областного Суда ...

Судья не принимает аргументы представителя г-на Кузнецова, о том, что последний не загораживал доступ к зданию Свердловского областного суда, потому что эти аргументы противоречат показаниям, которые уже были рассмотрены судом и потому что они не находят подтверждения у свидетелей [на стороне защиты], которые присутствовали на пикете с 9.30 утра, так как к этому времени участники пикета уже спустились с лестницы после вмешательства работника милиции и больше не препятствовали входу в здание...

Фотографии, [сделанные защитой и] прошедшие рассмотрение в суде не могут служить подтверждением того, что г-н Кузнецов не загораживал вход в здание суда, потому что они отражали происходившее лишь в тот момент, когда делалась фотография, но не в течение всего времени прохождения пикета. К тому же, суду неизвестно, когда именно были сделаны фотографии».

16. В-третьих, по мнению судьи, пикет был проведен в нарушение целей, указанных в уведомлении:

«В соответствии с уведомлением от 18 марта 2003 года, инициативная группа граждан, в которую входили г-н Ш., г-н Кузнецов и г-жа М., провела акцию протеста против нарушения права граждан на судебную защиту. Как объяснил в суде [представитель Заявителя], проведение пикета было нацелено на привлечение внимания общественности к таким проблемам судебной защиты, как отказы принять иск или вынесение несправедливых решений. Свидетель г-н М. констатировал, что он принес и распространял выпуск газеты, в котором описывались определенные случаи нарушения права граждан на судебную защиту. Одновременно с этим участники пикета распространяли выдержки из статьи А. Политковской «Овчарук и его команда» в «Новой газете», что не соответствовало заявленным целям проведения пикета. Факт распространения этих выдержек не был оспорен представителем Заявителя в суде, а также получил подтверждение в показаниях свидетелей».

17. Судья признал Заявителя виновным по части 1 и 2 статьи 20.2 Кодекса об административных правонарушениях и обязал выплатить штрафа в 1 000 рублей (приблизительно 35 евро).

18. 11 июля 2003 года Верх-Исетский районный суд Екатеринбурга, рассмотрев жалобу Заявителя, оставил постановление мирового судьи в силе, согласившись с выдвинутыми ею доводами. Это постановление стало окончательным, поскольку не было обжаловано.

II. Применимое национальное законодательство

19. Конституция гарантирует право на свободу мирных собраний и право на проведение собраний, демонстраций, шествий и пикетов (статья 31).

20. Указ Президиума Верховного совета СССР № 9306-ХІ от 28 июля 1988 года (действовавший во время происходивших событий в силу Указа Президента № 524 от 25 мая 1992 года) предписывал, что организаторы собраний, митингов, шествий и демонстраций обязаны направить муниципальным властям письменное уведомление не менее чем за десять дней до дня проведения запланированного собрания (пункт 2). Орган власти должен ответить на уведомление не позднее, чем за пять дней до намеченной даты (пункт 3). Собрания должны были проводиться в соответствии с целями, изложенными в уведомлении, и с соблюдением советских законов и общественного порядка (пункт 4). Лица, нарушившие установленную процедуру организации и проведения собраний, должны нести ответственность по законам СССР и советских республик (пункт 8).

21. Часть 1 статьи 20.2 Кодекса об административных правонарушениях гласит, что нарушение установленной процедуры проведения демонстрации, собрания, шествия или пикета наказывается штрафом в размере от десяти до двадцати МРОТ (т.е. в то время от 1 000 до 2 000 руб.) Часть 2 этой статьи предполагает, что организаторы, нарушившие установленную процедуру проведения демонстрации, собрания или пикета, подвергаются штрафу в размере от десяти до двадцати МРОТ, а размер штрафа для участников составляет от пяти до десяти МРОТ.

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статей 10 и 11 Конвенции

22. Заявитель обратился с жалобой по статьям 10 и 11 Конвенции на применение к нему мер административного наказания за проведение законного пикета и распространение публикаций о председателе Свердловского областного суда.

23. Суд напоминает о том, что защита личного мнения, гарантированная в статье 10, является одной из целей обеспечения свободы мирных собраний с точки зрения статьи 11. Таким образом, свободу выражения мнения невозможно отделить от свободы собраний, и рассматривать каждое положение отдельно нет необходимости. В обстоятельствах данного дела, Суд считает, что статья 11 должна применяться в первую очередь в качестве *lex specialis* в случаях собраний, и будет рассматривать дело главным образом в соответствии с этим положением, вместе с тем истолковывая его в свете статьи 10 (см. постановление по делам *Галстян против Армении (Galstyan v. Armenia)* от 15 ноября 2007 года, № 26986/03, §§ 95-96; *Эзелин против Франции (Ezelin v. France)* от 26 апреля 1991 года, Серия А № 202, §§ 35, 37, и *Пендрагон против Великобритании (Pendragon v. the United Kingdom)*, № 31416/96, решение Комиссии от 19 октября 1998 года).

24. В соответствующих положениях Конвенции говорится:

«Статья 10

1. Каждый имеет право свободно выразить свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны органов власти и независимо от государственных границ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определёнными формальностями, условиями, ограничениями и санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и

преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

Статья 11

1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц ...».

А. Приемлемость

25. Правительство выдвинуло аргумент о том, что данная жалоба была неприемлемой с точки зрения *ratione temporis*, потому что окончательное решение было выпущено 11 июля 2003 года, в то время как жалоба была получена Судом только 14 июня 2004 года (в соответствии с датой штампа).

26. Заявитель ответил, что подал жалобу 25 декабря 2003 года, дата отправки его первого письма в Суд.

27. Суд в начале отмечает, что жалоба отразила события, произошедшие после 5 мая 1998 года, то есть после даты ратификации Конвенции Россией. По этой причине Суд имеет компетенцию *ratione temporis* рассматривать его. Однако, поскольку позицию Правительства можно понять таким образом, что жалоба не является приемлемой, так как Заявитель не смог соблюсти шестимесячное ограничение во времени, установленное в пункте 1 статьи 35 Конвенции, Суд напоминает, что в соответствии с установленной практикой и пунктом 5 Правила 47 Регламента Суда, дата внесения жалобы на рассмотрение соответствует дате отправки первого письма с констатацией намерения подать жалобу и

изложения, хотя бы краткого, ее содержания. В ситуациях, когда перед тем, как Заявитель предоставляет дополнительную информацию о подаваемой жалобе или перед тем, как он возвращает формуляр жалобы, проходит значительный период времени, Суд может рассмотреть конкретные обстоятельства дела для того, чтобы определить, какая дата должна рассматриваться как дата внесения дела на рассмотрение с тем, чтобы определить границы шестимесячного периода, установленного в статье 35 Конвенции (см. постановления по делам *Баранкевич против России (Barankevich v. Russia)* от 20 октября 2005 года, № 10519/03, и *Чокли против Великобритании (Chalkley v. the United Kingdom)* от 26 сентября 2002 года, № 63831/00).

28. Суд отмечает, что окончательное постановление по делу Заявителя было вынесено 11 июля 2003 года. 25 декабря 2003 года Заявитель направил первое письмо в Суд с изложением соответствующих фактов и жалобой на предполагаемое нарушение своего права, гарантированного статьями 6, 10 и 11 Конвенции. Он подал заполненный формуляр жалобы 24 мая 2004 года, т.е. без какой-либо задержки. Поэтому Суд принимает дату первого письма Заявителя как дату внесения жалобы на рассмотрение. Суд считает, что жалоба была внесена в рамках шести месяцев со дня принятия окончательного постановления и отклоняет возражение Правительства.

29. Суд отмечает, что жалоба Заявителя не является очевидно необоснованной в соответствии с содержанием пункта 3 статьи 35 Конвенции, и не было установлено никаких других оснований, на которых она могла бы быть объявлена неприемлемой, поэтому она должна быть объявлена приемлемой.

В. Существо дела

1. Доводы сторон

30. Заявитель утверждал, что уведомление о проведении пикета было своевременно передано городской администрации, которая подтвердила его получение и отдала приказание местной милиции обеспечивать общественный порядок во время пикета. Обязанность организации этого публичного мероприятия должным образом в соответствии с Указом Верховного Совета СССР от 1988 года вменялась в властям, которые могли потребовать от его участников прекратить мероприятие в случае

нарушения общественного порядка. Однако в данном случае нарушений зарегистрировано не было.

31. По мнению Заявителя, информация о том, что участники пикета закрывали проход в здание Областного суда, не соответствовала действительности. Свидетельства судебных приставов были недостоверны, поскольку, будучи сотрудниками Областного суда, они являлись заинтересованной стороной, а также, потому что было крайне сомнительно, что они смогли точно восстановить в суде подробности событий, произошедших двумя месяцами ранее. В действительности, отчёт пристава г-на М., в котором он отразил день проведения пикета, не содержал никакого упоминания о том, что вход в здание был заблокирован. Равно как и отчет другого пристава, г-на В. – который не был рассмотрен в суде – свидетельствовал о том, что участники пикета не перекрывали доступ в здание суда. Свидетели на стороне Заявителя показали, подкрепив свое свидетельство фотографиями, что Заявитель не нарушал общественный порядок, однако суд отклонил эти показания. Заявитель указал, что отчет об административном правонарушении был составлен по прошествии двадцати трех дней после проведения пикета, при отсутствии каких-либо упоминаний о жалобах посетителей суда или судей на невозможность пройти в здание суда. Административное преследование стало результатом давления со стороны первого заместителя председателя Свердловского областного суда.

32. Относительно публикаций, которые распространял Заявитель, и которые были названы заместителем председателя Областного суда «клеветническими и оскорбительными», Заявитель подчеркнул, что эти статьи никогда не были предметом какой-либо диффамационной процесса или прокурорского расследования. По этой причине, обвинения заместителя председателя не имели под собой правового основания. К тому же, ни Указ от 1988 года, ни нормативно-правовые акты Екатеринбурга не содержали требования соответствия содержания материалов, распространяемых во время собрания, и его целей.

33. Наконец, Заявитель сообщил, что он был признан виновным мировым судьей и районным судом, которые иерархически подчинялись Областному суду и его председателю. Он утверждал, что имело место нарушение его прав, гарантированных статьями 10 и 11 Конвенции.

34. Правительство выдвинуло аргумент о том, что пикет, организованный Заявителем, не был прерван, и что спор, возникший вокруг

заблокированного входа в здание суда, был быстро разрешен. Однако оно не исключило возможности подвергнуть Заявителя мерам административного наказания позднее. Заявитель был признан виновным в препятствовании прохождению граждан в здание Областного суда, запоздалом уведомлении о намерении провести пикет, а также распространении материалов, что не соответствовало заявленной цели проведения пикета. Принимая во внимание незначительный размер штрафа, Правительство полагало, что вмешательство было оправдано и соразмерно.

2. Оценка Суда

(а) Было ли вмешательство

35. Сначала Суд напоминает о том, что право на свободу собраний касается как частных собраний, так и собраний в общественных местах, как статических публичных мероприятий, так и публичных шествий; это право может осуществляться и отдельными лицами и группами людей, организующих публичные мероприятия (см. постановления по делам *Джавит Ан против Турции (Djavit An v. Turkey)*, № 20652/92, § 56, ЕСПЧ 2003-III, и *Христиане против расизма и фашизма против Великобритании (Christians against Racism и Fascism v. the United Kingdom)*, № 8440/78, решение Комиссии от 16 июля 1980 года, решения и отчеты 21, стр. 138, на стр. 148). Термин «ограничения» в пункте 2 статьи 11 следует истолковывать как предполагающий меры, предпринимаемые как до, так и во время прохождения общественного собрания, а также карательные меры, предпринимаемые после собрания (см. постановление по делу *Эзелин против Франции (Ezelin v. France)* от 26 апреля 1991 года, Серия А № 202, § 39).

36. Заявитель в настоящем деле провел пикет перед зданием Областного суда. Через некоторое время он был признан виновным в административном правонарушении и был обязан выплатить штраф за нарушение процедуры организации и проведения общественного собрания. Суд считает, что административное преследование стало вмешательством в осуществление Заявителем права на свободу собраний, истолкованного в свете его права на свободу выражения мнения. Таким образом, задача Суда заключается в определении того, было ли вмешательство оправдано.

(b) Было ли вмешательство оправдано

37. Суд напоминает, что вмешательство является нарушением статьи 11, если только оно не «предписано законом», преследует одну или более законных целей в соответствии с пунктом 2 и «необходимо в демократическом обществе» для достижения этих целей.

38. Административная ответственность за несоблюдение установленной процедуры организации или проведения общественного собрания была предусмотрена в частях 1 и 2 статьи 20.2 российского Кодекса об административных правонарушениях, который являлся правовым основанием для обвинения Заявителя в настоящем деле. Суд признает, что вмешательство было «предусмотрено законом» и, что его применение преследовало «законные цели» в понимании пункта 2 статей 10 и 11, а именно, предотвращение беспорядков и защита прав других лиц. Остается определить, было ли оно «необходимо в демократическом обществе».

39. Относительно проверки на необходимость, Суд напоминает, что право мирных собраний, закрепленное в статье 11, является фундаментальным правом в демократическом обществе и, подобно праву на свободу выражение мнения, одним из основ такого общества. Исходя из формулировки второго пункта статьи 11, единственной необходимостью, которая может оправдать вмешательство в осуществление права, закрепленного в этой Статье, является необходимость, которая может исходить от самого «демократического общества» (см. постановления по делам *Христианская демократическая народная партия против Молдовы (Christian Democratic People's Party v. Moldova)*, № 28793/02, §§ 62-63, ЕСПЧ 2006-, и *Дьявит Ан против Турции*, упоминавшееся выше, § 56). Таким образом, Государства должны не только обеспечивать право на мирные собрания, но и воздерживаться от применения чрезмерных косвенных ограничений на осуществление этого права. Учитывая особую важность свободы собраний и ее непосредственное отношение к понятию демократии, для обоснования вмешательства в осуществление этого права должны быть действительно веские причины (см. постановления по делам *Оуранио Токсо против Греции (Ouranio Toxo v. Greece)*, № 74989/01, § 36, ЕСПЧ 2005-Х (выдержки), и *Адах против Турции (Adali v. Turkey)* от 31 марта 2005 года, № 38187/97, § 267, с последующими ссылками).

40. Изучая характер обжалованного вмешательства, Суд должен определить, насколько разумно, осторожно и добросовестно Государство-ответчик воспользовалось своим правом. Суд также должен рассмотреть

обжалованное вмешательство в контексте всего дела и оценить, насколько «соразмерно преследуемой законной цели» оно было, а также являются ли его причины, изложенные национальными властями, «существенными и достаточными». Выполняя это, Суд обязан убедиться в том, что национальные власти применили стандарты в соответствии с принципами, отраженными в статьях 10 и 11, а также, что они основывали свои решения на приемлемой оценке существенных фактов (см., среди прочих источников, постановление по делу *Христианской демократической народной партии против Молдовы*, § 70, упоминавшееся выше).

41. Обращаясь к фактам настоящего дела, Суд замечает, что Заявителю было предъявлено три обвинения. Во-первых, суды пришли к выводу, что он прислал уведомление о проведении пикета с запозданием; во-вторых, что он заградил проход в здание суда; и, в-третьих, что содержание материалов, которые он распространял, не соответствовали заявленным целям проведения пикетов.

42. В отношении первого обвинения, Суд напоминает, что подчинение организации публичного собрания разрешительной или уведомительной процедуре обычно не затрагивает сущности самого права на проведение собрания, если цель такой процедуры состоит в предоставлении органам власти возможности предпринять разумные и адекватные меры для обеспечения гладкого проведения любого собрания, встречи или иного публичного мероприятия, независимо от его характера (см. постановления по делам *Букта и другие против Венгрии (Bukta and Others v. Hungary)*, № 25691/04, § 35, ЕСПЧ 2007-...; *Ойа Атаман против Турции (Oya Ataman v. Turkey)* от 5 декабря 2006 года, № 74552/01, § 39; *Объединение единства жителей Юры против Швейцарии (Rassemblement Jurassien Unité v. Switzerland)*, № 8191/78, решение Комиссии от 10 октября 1979 года, DR 17, стр. 119; и также *Организация «Платформа «Врачи за жизнь» против Австрии Plattform «Ärzte für das Leben» v. Austria*, от 21 июня 1988 года, Серия А № 139, стр. 12, §§ 32 и 34).

43. В данном деле Заявитель, бесспорно, представил уведомление о проведении пикета за восемь дней до его запланированной даты, тогда как применимые правила предписывают 10-дневный срок уведомления. Однако нет оснований считать, что эта двухдневная разница каким-либо образом помешала властям осуществить все необходимые приготовления к пикету. Судя по всему, учитывая незначительный масштаб запланированного мероприятия, городская администрация и не сочла задержку извещения чем-то существенным или важным. Она не только

быстро подтвердила получение уведомления о проведении пикета, но и за пять дней до пикета передала распоряжение милиции обеспечивать общественный порядок во время этого мероприятия. Ни в одном из официальных документов эта задержка не была поставлена Заявителю в упрек и не оказала никакого влияния на законность пикета. На деле, это нарушение впервые упоминается в отчете об административном правонарушении, который был составлен через шесть недель после публичного мероприятия. В таких обстоятельствах, Суд считает, что простое формальное нарушение срока извещения не является ни существенной, ни достаточной причиной для возложения административной ответственности на Заявителя. В этой связи Суд подчеркивает, что свобода участия в мирных собраниях настолько важна, что человек не должен подвергаться санкциям – хотя бы и самым мягким из дисциплинарных взысканий – за участие в незапрещённой демонстрации, если только сам этот человек не совершил что-либо предосудительное во время этого мероприятия (см. постановление по делу *Эзелин против Франции*, упоминавшееся выше, § 53).

44. В том, что касается якобы имевшего место перегораживания входа в здание, Суд отмечает, что пикет, в котором участвовали всего лишь несколько человек, начался около 9 утра на верхней площадке лестницы перед дверями Свердловского областного суда. Вскоре после этого судебные приставы и сотрудник милиции подошли к пикетчикам и попросили их спуститься с лестницы. Те не стали противиться и продолжили пикет внизу. Свидетели, которые появились у здания суда в 9.30, застали Заявителя и его коллег уже на тротуаре перед лестницей. В оценке данной ситуации Суд считает важными следующие детали. Во-первых, бесспорным является факт отсутствия каких-либо жалоб – будь то от отдельных посетителей, судей или других сотрудников суда – на перегораживание входа в здание суда участниками пикета. Во-вторых, даже если предположить, что присутствие нескольких человек на верхней площадке лестницы действительно создавало помехи желающим войти в здание, вполне правдоподобно, что Заявитель безоговорочно исполнил просьбу сотрудников суда и спустился с лестницы на тротуар. В-третьих, следует отметить, что предполагаемое препятствие было весьма кратковременным. Наконец, исходя из общего принципа, Суд напоминает, что любая демонстрация в общественном месте неизбежно в определенной степени нарушает обычное течение жизни, включая создание помех для дорожного движения, и что органам власти следует проявлять определённую терпимость в отношении мирных собраний для того, чтобы окончательно не выхолостить содержание статьи 11

Конвенции (см. постановления по делам *Галстян против Армении*, §§ 116-117; *Букта против Венгрии*, § 37; и *Ойа Атаман против Турции*, §§ 38-42, все упоминались выше). Таким образом, Суд не считает, что якобы имевшее место перегораживание прохода в здание суда, особенно учитывая, что Заявитель продемонстрировал сговорчивость и готовность к сотрудничеству с властями, было существенной и достаточной причиной для вмешательства.

45. Что касается третьего пункта обвинения в отношении Заявителя, Суд замечает, что национальные суды не представили никакой фактографической основы своих заключений по этому вопросу. Их постановления не содержали какого-либо анализа предполагаемых различий между заявленными целями проведения пикета и содержанием статьи, которую Заявитель распространял во время пикета. В этой связи Суд напоминает, что любые меры, препятствующие осуществлению свободы собраний и выражения мнения за исключением случаев, связанных с разжиганием насилия или нарушения демократических принципов – какими бы шокирующими и неприемлемыми ни казались властям определённые взгляды и высказывания – пагубно сказываются на состоянии демократии, а часто даже подвергают его опасности. В демократическом обществе, основанном на принципе верховенства права, должна существовать возможность выражения идей, бросающих вызов существующему порядку, через осуществление права на проведение мирных собраний, равно как и другими законными средствами (см. постановление по делу *Станков и Объединенная македонская организация «Илинден» против Болгарии* (*Stankov and the United Macedonian Organisation Ilinden v. Bulgaria*), № 29221/95 и 29225/95, § 97, ЕСПЧ 2001-IX). Не было представлено доказательств того, что материалы, распространявшиеся Заявителем, и идеи, которые он отстаивал во время пикета, содержали какие-либо порочащие утверждения, способствовали разжиганию насилия или подрыву демократических принципов. Таким образом, каким бы неприятным не был призыв к увольнению председателя Областного суда для него самого, и какой бы оскорбительной он не счел статью, в которой говорилось о коррупции в Свердловском областном суде, это не было существенным и достаточным основанием для возложения ответственности на Заявителя за использование его права на свободу выражения мнения и собраний.

46. Другим поводом для озабоченности Суда является то обстоятельство, что первое упоминание предполагаемого несоответствия между целями пикета и содержанием распространявшихся материалов содержалось в

письме заместителя председателя Свердловского областного суда, которое было официальным докладом непосредственно председателю областного Суда, который и был объектом критики в распространявшейся публикации. Формулировки, которые заместитель председателя использовал в своём письме, например утверждение о том, что участники пикета «тем самым совершили административное правонарушение», предрешали оценку фактов компетентной судебной инстанции и выражали мнение о том, что Заявитель виновен еще до того, как его вина была доказана в соответствии с законом (срав. постановления по делам *Бомер против Германии (Böhmer v. Germany)* от 3 октября 2002 года, № 37568/97, §§ 54 и 56, и *Нештэк против Словакии (Nešťák v. Slovakia)* от 27 февраля 2007 года, № 65559/01, §§ 88 и 89).

47. Наконец, Суд отмечает, что цель пикета состояла в попытке привлечь внимание к предполагаемым сбоям в функционировании судебной системы Свердловской области. Этот серьезный вопрос, несомненно, был частью политической дискуссии на тему, вызывавшую озабоченность общественности. Суд напоминает в этой связи, что всегда придерживался подхода, в соответствии с которым применение ограничений к дискуссиям на политические или иные серьезные темы, представляющие общественный интерес, например, коррупция в судебных органах или широкие ограничения, применяемые в отдельных случаях, несомненно, пагубно скажутся на уважении к свободе выражения мнения в Государстве в целом (см., с учетом необходимых изменений, постановления по делам *Карман против России (Karman v. Russia)* от 14 декабря 2006 года, № 29372/02, § 36; *Фельдек против Словакии (Feldek v. Slovakia)*, № 29032/95, § 83, ЕСПЧ 2001-VIII, и *Сурек против Турции (Sürek v. Turkey)* (№ 1) [БП], № 26682/95, § 61, ЕСПЧ 1999-IV). В настоящем деле ни национальные суды, ни Правительство не выдвигали такие причины в своих замечаниях.

48. В свете вышеупомянутых соображений, Суд считает, что российские власти не выдвинули какие-либо «существенные и достаточные» причины в обоснование своего вмешательства в осуществление Заявителем своего права на свободное выражение мнения и свободу мирных собраний. Тот факт, что размер штрафа был относительно мал, не умаляет того обстоятельства, что вмешательство не было «необходимо в демократическом обществе».

49. Таким образом, имело место нарушение статьи 11 Конвенции, истолкованной в свете статьи 10.

II. Применение статьи 41 Конвенции

50. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

51. Заявитель потребовал 10 000 евро в качестве возмещения морального ущерба.

52. Правительство расценило этот иск как чрезмерный и необоснованный.

53. Суд считает, что Заявитель понес моральный ущерб, такой как душевная боль и расстройство вследствие административного преследования за осуществление своего права на свободное выражения мнения и проведение мирных собраний, который не может быть полностью компенсирован одной лишь констатацией нарушения Конвенции. Однако он расценивает размер затребованного возмещения как чрезмерный. Проведя оценку на справедливой основе, Суд присуждает Заявителю 1 500 евро с добавлением суммы любого налога, которым может облагаться вышеуказанная сумма.

B. Издержки и расходы

54. Заявитель не потребовал возмещения судебных расходов. Таким образом, вопрос о присуждении соответствующего возмещения Судом не обсуждался.

C. Процентная ставка

55. Суд считает целесообразным принять процентную ставку в соответствии с предельным размером ссудного процента Европейского Центрального Банка, к которому должны быть добавлены три процентных пункта.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* жалобу приемлемой;
2. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции, истолкованной в свете статьи 10;
3. *Постановляет*,
 - (а) что Государство-ответчик обязано выплатить заявителю, в течение трех месяцев с момента окончательного вступления данного решения в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции 1 500 евро (одну тысячу евро) в качестве компенсации морального ущерба с последующим их пересчётом в валюту Государства-ответчика по курсу, действующему на момент расчёта плюс сумму любого налога, которым могут облагаться суммы, указанные выше;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанных трех месяцев до момента выплаты на суммы, указанные выше, выплачиваются простые проценты в размере предельного ссудного процента Европейского центрального банка в течение периода выплаты процентов с добавлением трех процентных пунктов.
4. *Отклоняет* оставшуюся часть иска Заявителя о справедливой компенсации.

Выполнено на английском языке, представлено в письменной форме 23 октября 2008 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Нина Вайич
Андре Вампах

Председатель Суда
Заместитель Секретаря Секции

© Центр Защиты Прав СМИ,
перевод с английского, 2009

Краткое изложение дела

ДЕЛО «ОБУХОВА ПРОТИВ РОССИИ»

(Obukhova v. Russia)

(жалоба № 34736/03)

Постановление Суда

Страсбург, 8 января 2009 года

Суть вынесенного решения: Имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); единогласно.

Краткое изложение обстоятельств дела:

В 2003 году в газете «Золотое кольцо» была опубликована статья, автором которой являлась журналистка Обухова Е. М. Статья была подготовлена в связи с письмом г-жи П., которое касалось ДТП с участием судьи Ярославского областного суда Басковой Г. Б. В статье цитировалось указанной письмо, приводилось несколько версий случившегося, в том числе, версия судьи Басковой Г. Б. В статье, в частности указывалось:

«Баскова злоупотребляет своим служебным положением и связями в судебных структурах».

Баскова Г. Б. подала иск о защите чести и достоинства, требуя опровержения указанной ранее фразы. Истица также подала заявление об обеспечении иска, требуя запрета публиковать в газете информацию о ДТП, а также о судебных разбирательствах, касающихся данного ДТП до момента их окончания.

Районный суд удовлетворил заявление и наложил судебный запрет на соответствующие публикации. Областной суд оставил определение в силе.

Позднее иск Басковой Г. Б. о защите чести и достоинства был удовлетворен, суд обязал ответчиков опубликовать в газете уточнение. Суд кассационной инстанции оставил решение в силе.

Оценка Европейского Суда:

Суд отметил, ключевую роль свободы выражения мнения в демократическом обществе:

«Суд напоминает о том, что свобода выражения мнения представляет собой одну из несущих опор демократического общества, основополагающее условие его прогресса и самореализации каждого его члена. ... В соответствии с пунктом 2 она применима не только к «информации» и «идеям», которые встречаются благоприятно или рассматриваются как безобидные либо нейтральные, но также и такие, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство. Таковы требования плюрализма, толерантности и либерализма, без которых нет «демократического общества».

Суд установил, что имело место «вмешательство» в право заявителя на свободу выражения мнения, которое выразилось в предварительном судебном запрете публиковать определенную информацию. Никем не оспаривалось и то, что вмешательство было «предусмотрено законом», а именно, статьями Гражданского процессуального кодекса РФ. Несмотря на разногласия сторон относительно правомерной цели вмешательства, суд признал, что национальными властями преследовалась цель защиты репутации других лиц и авторитета правосудия.

Далее Европейский Суд перешел к анализу вопроса о необходимости ограничения в «демократическом обществе», или, иными словами, было ли обжалуемое «вмешательство» обусловлено «настоятельной общественной потребностью», было ли оно соразмерным преследуемой правомерной цели, являются ли доводы, приведенные национальными властями в его оправдание, существенными и достаточными.

Суд учел, что вмешательство было осуществлено последствием предварительного судебного запрета, и указал:

«опасности, которые такого рода ограничения сулят демократическому обществу, таковы, что они требуют самого пристального контроля».

Суд подчеркнул, что в подобных делах рамки свободы усмотрения национальных властей узкие. По мнению Европейского Суда доводы, которые предоставили национальные суды в обоснование запрета не являются достаточными.

При анализе необходимости судебного запрета на публикации суд рассмотрел две его стороны: запрет на публикацию информации о ДТП и запрет на публикацию сведений о ходе судебного разбирательства.

Суд отметил, что в том, что касается запрета на распространение информации о фактических обстоятельствах ДТП, национальные суды вообще никак не обосновали каким образом дальнейшие публикации относительно фактических обстоятельств ДТП могут сказаться на исходе судебных разбирательств. Кроме того, по мнению Суда:

«поскольку г-жа Баскова оказалась вовлеченной в происшествие в качестве частного лица, Суд считает, что судебный запрет на дальнейшие публикации о ДТП едва ли способствовал достижению цели обеспечения авторитета правосудия».

Относительно запрета на освещение незаконченных судебных разбирательств Суд указал, что в России право на освещение судебных процессов неограниченно. Более того, Суд подчеркнул, что

«обязанность прессы по распространению информации и идей по всем вопросам, вызывающим общественный интерес, предполагает и освещение событий судебных разбирательств, что способствует большей осведомленности общественности, и, следовательно, полностью отвечает требованиям пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении публичности слушаний».

Одним из факторов особой значимости при рассмотрении Судом дела заявителя является то, что

«судебный запрет был применен не только по отношению к конкретному утверждению о попытке судьи Басковой получить преимущество в процессе ненадлежащим образом, а скорее, в общем, и неквалифицированном виде, касался возможности размещения абсолютно любого материала, касавшегося известных разбирательств».

Таким образом, суд пришел к выводу, что

«судебный запрет не способствовал укреплению авторитета судебной власти, так как его использование сделало судебный процесс менее прозрачным и могло вызвать сомнения в беспристрастности суда, поскольку «необходимо не только осуществлять правосудие, но и показывать это осуществление»

В итоге Суд пришел к выводу, что ограничение свободы выражения мнения заявительницы не было «необходимо в демократическом обществе», следовательно, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

© Центр Защиты Прав СМИ, 2009

ДЕЛО «ОБУХОВА ПРОТИВ РОССИИ»

(*Obukhova v. Russia*)

(жалоба № 34736/03)

Постановление Суда
Страсбург, 8 января 2009 года

По делу «Обухова против России» Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в следующем составе:

г-н Христос Розакис, *Председатель*,
г-жа Нина Вайич,
г-н Анатолий Ковлер,
г-жа Элизабет Штейнер,
г-н Ханлар Гаджиев,
г-н Дин Шпильманн,
г-н Сверре Эрик Йебенс, *судьи*,

а также г-н Сорен Нильсен, *Секретарь Секции*,

Проведя 4 декабря 2008 года закрытое заседание,

Вынес следующее постановление, принятое в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

Дело возбуждено Судом по жалобе (№ 34736/03) против Российской Федерации, поданной 6 октября 2003 года гражданами России г-жой Еленой Михайловной Обуховой и г-ном Алексеем Михайловичем Невиницыным (далее - «Заявитель»), в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - «Конвенция»).

2. Интересы г-жи Обуховой и г-на Невиницына представляла г-жа В. Фомина, юрист газеты «Золотое кольцо». Интересы российского правительства (далее - «Правительство») защищал г-н П. Лаптев, бывший

представитель Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека.

3. Г-жа Обухова и г-н Невиницын утверждали, что имело место нарушение их права на свободу выражения мнения.

4. Решением от 1 декабря 2005 года Суд объявил жалобу г-на Невиницына неприемлемой, а жалобу г-жи Обуховой (Заявителя) - приемлемой.

5. Заявитель и Правительство представили свои замечания относительно существа дела (пункт 1 Правил 59). После консультаций со сторонами дела Суд принял решение о том, что устное слушание дела по существу не требовалось (пункт 3 Правила 59 *in fine*).

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

6. Заявитель родилась в 1963 году и проживает в Ярославле. Она работает журналистом в газете «Золотое кольцо».

7. 17 января 2003 года газета опубликовала статью Заявителя под заголовком «Через год арестовали автомобиль». Статья была написана в связи со следующим письмом г-жи П., воспроизведённым курсивом в первом абзаце статьи:

«22 сентября 2001 г. мой муж ... попал в аварию. В его машину на своём автомобиле врезалась г-жа Галина Борисовна Баскова, судья [Ярославского] областного суда ... Работники ГИБДД не нашли нашей вины, и мы успокоились. Но на следующий год мы получили исковое заявление заказным письмом с требованием о выплате возмещения г-же Басковой за нанесённый ущерб в размере 75000 рублей, и судебное распоряжение о залоговом обременении на нашу недвижимость и автомобиль. О рассмотрении дела нам не сообщили, и мы считаем, что наши гражданские права были нарушены, поскольку нам было предъявлено обвинение в наше отсутствие. Мы считаем, что Галина Борисовна Баскова злоупотребляет своим служебным положением и связями в судебных структурах».

8. В статье излагались версии произошедшего ДТП судьи Басковой (как было изложено в исковом заявлении), сотрудников ГИБДД, г-на и г-жи П., а также свидетелей. Статья завершалась следующим выводом:

«К настоящему моменту в Заволжском районном суде [Ярославля] были проведены три слушания... Дата следующего слушания ещё не определена. Г-н и г-жа П. запомнили угрожающие слова, которые Галина Борисовна [Баскова] произнесла сразу же после того, как произошла авария «Вы мне купите новую машину в любом случае!»; они испуганы, но намерены защищаться до самого конца».

9. 7 марта 2003 года судья Баскова подала иски против газеты, Заявителя и г-жи П. о защите чести и достоинства с требованием об опровержении несоответствующих действительности сведений, содержащейся в утверждении «Баскова злоупотребляет своим служебным положением и связями в судебных структурах».

10. В тот же день судья Баскова направила в суд заявление об обеспечении иска, в том числе, требуя наложения на редакцию газеты промежуточного судебного запрета публиковать *«любые статьи, письма или материалы об обстоятельствах ДТП 22 сентября 2001 года, а также судебных разбирательствах в отношении этого происшествия до момента их окончания».*

11. В тот же день Кировский районный суд Ярославля вынес определение об обеспечении иска. Это определение подкрепляло аргументы, выдвинутые судьей Басковой, и в полном виде имело следующее содержание:

«Истец сослалась на следующие обстоятельства. Статья «Через год арестовали автомобиль» («Золотое кольцо», № 9, 17 января 2003 года) была опубликована до принятия решения по существу ее иска о возмещении ущерба против г-на П., после того как 9 декабря 2003 года Заволжский районный суд Ярославля приостановил судебный процесс и назначил проведение технической экспертизы по ходатайству ответчика. Статья завершается утверждением о том, что г-н и г-жа П. «будут защищаться до конца». Истец считает, что дальнейшее развитие судебных разбирательств – после их возобновления – может и дальше освещаться газетой таким

образом, чтобы подтвердить порочащую информацию и вывод, уже распространённый автором [статьи].

[Истец] считает, что при таких обстоятельствах непринятие временных мер может помешать применению постановления [по иску ответчика]: в противном случае, наряду с публикацией исправления информации, наносящей ей вред, газета будет иметь право продолжать печатать публикации, выражающие противоположную точку зрения, что будет подрывать судебную защиту ее нарушенных прав.

В соответствии со статьей 139 ГПК Российской Федерации, суд может, по просьбе стороны в разбирательстве, распорядиться о принятии временных мер, непринятие которых может помешать исполнению решения суда.

Учитывая упомянутое выше, я считаю, что просьба г-жи Басковой должна быть удовлетворена».

12. Районный суд вынес – с незамедлительным исполнением– судебный запрет следующего содержания:

«Запретить редакции газеты «Золотое кольцо» публикацию любых статей, писем или других материалов любых авторов, касающихся фактических обстоятельств дорожно-транспортного происшествия 22 сентября 2001 года с участием г-жи Галины Басковой, г-на П. и г-на К., или обстоятельств судебных разбирательств по иску г-жи Галины Басковой против г-на П. в связи с нанесённым ей ущербом, до момента разрешения настоящего спора.

Направить экземпляр судебного запрета в службу судебных приставов Кировского района Ярославля, г-же П., редакцию газеты «Золотое кольцо», журналисту газеты г-же Елене Обуховой и г-же Галине Басковой».

13. 7 апреля 2003 года Ярославский областной суд отклонил жалобу в отношении судебного запрета, мотивировав свой отказ следующим образом:

«Областной суд считает, что в данном деле непринятие обеспечительных мер не только помешало бы исполнению решения суда, но и рассмотрению иска [о защите чести и достоинства].

Аргументы, приведённые в жалобе в отношении того, что [судебный запрет] нарушал конституционное право ответчика на распространение информации, не может быть принят во внимание, поскольку этот запрет касается лишь публикации материалов, относящихся к конкретному ДТП... Публикация материалов об этих фактах до принятия решения противоречила бы интересам правосудия. Обеспечительные меры, предписанные судом, являются соразмерными».

14. 29 апреля 2003 года Кировский районный суд вынес решение по иску о защите чести и достоинства. Суд не принял аргумент адвоката редакции газеты о том, что оспоренное утверждение было лишь субъективным мнением г-жи П., что следовало из начальной фразы «мы полагаем, что ...». Суд расценил это высказывание как «утверждение автора ...о злоупотреблении г-жой Басковой своим служебным положением и связями ... при подаче иска и попытках добиться применения обеспечительных мер». Поскольку ответчики не смогли доказать достоверность этого утверждения, суд обязал опубликовать в газете уточнение. 26 июня 2003 года Ярославский областной суд оставил в силе решение.

II. Применимое национальное законодательство

15. Гражданский процессуальный кодекс РФ предусматривает следующее:

Статья 139. Основания для обеспечения иска

«По заявлению лиц, участвующих в деле, судья или суд может принять меры по обеспечению иска. Обеспечение иска допускается во всяком положении дела, если непринятие мер по обеспечению иска может затруднить или сделать невозможным исполнение решения суда».

Статья 140. Меры по обеспечению иска

«1. Мерами по обеспечению иска могут быть:

...

(2) запрещение ответчику совершать определенные действия;

...

В необходимых случаях судья или суд может принять иные меры по обеспечению иска, которые отвечают целям, указанным в статье 139 настоящего Кодекса. Судьей или судом может быть допущено несколько мер по обеспечению иска.

...

3. Меры по обеспечению иска должны быть соразмерны заявленному истцом требованию».

Статья 144. Отмена обеспечения иска

«3. ... При удовлетворении иска принятые меры по его обеспечению сохраняют свое действие до исполнения решения суда».

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

16. Заявитель утверждала, что ограничение ее права на публикацию материалов, касавшихся ДТП с участием г-жи Басковой, было несовместимо со статьей 10 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право свободно выражать своё мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны органов власти и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных и кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определёнными формальностями, условиями, ограничениями и санкциями,

которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

А. Доводы сторон

17. Заявитель привела довод о том, что необходимости в предоставлении судье Басковой особой правовой защиты не было, так как она подала иск как частное лицо. В обоих разбирательствах по искам о защите чести и достоинства и получении компенсации она действовала как обычный истец, а не как работник судебного органа, и, следовательно, для обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия судебный запрет не требовался. Прозрачность судебного процесса, дающая широкой общественности возможность сформировать о нём собственное мнение, сослужило бы авторитету правосудия хорошую службу. К тому же, рамки применения промежуточного судебного запрета были шире, чем в иске о защите чести и достоинства. Судья Баскова оспорила лишь утверждение о том, что она воспользовалась своим служебным положением в корыстных целях, в то время как остальная часть публикации оспорена не была. Однако этот судебный запрет относился к любому упоминанию дорожного происшествия или судебных разбирательств, в которые была вовлечена судья Баскова. Это привело к парадоксальной ситуации, в которой Заявитель лишилась права освещать события незаконченного судебного процесса, проводившегося открыто и бывшего доступным для всех. Очевидно, что настолько широкое ограничение не было «необходимо в демократическом обществе».

18. Правительство привело аргумент о том, что вмешательство в осуществление Заявителем своего права на свободу выражения мнения было необходимо для обеспечения авторитета правосудия, так как утверждалось, что судья Баскова использовала свое служебное положение для получения преимущества в гражданском судебном процессе. Национальные суды пришли к заключению о том, что судья Баскова требовала усиленной защиты, и, следовательно, вмешательство отвечало «острой социальной необходимости». Временная мера была соразмерна законной цели, учитывая её жёсткую ограниченность и

продолжительность применения. Принимая во внимание обвиняющий характер утверждения, содержащегося в публикации, непринятие обеспечительных мер могло бы привести к большему количеству публикаций и большему ущербу репутации судьи Басковой. Таким образом, применение этих временных мер имело большую общественную значимость, чем предоставление Заявителю возможности «бесконечно ворошить сомнения относительно обстоятельств, которые одновременно рассматривались на судебных разбирательствах». Вопреки утверждению Заявителя, судебный запрет не возымел отрицательного эффекта на доступность гражданского процесса, потому что он был открыт для любого желающего посетить его, а также, потому что Заявитель имел личную заинтересованность в его результате. Более того, Правительство упомянуло вывод суда о том, что «границы допустимых комментариев о предстоящем ... процессе не должны простирается до утверждений, которые могут ставить под сомнение, намеренно или нет, шансы человека на справедливый суд или подрывать доверие общественности в роли судов на отправление правосудия» (см. постановление по делу *против Австрии ЗАО Ньюс Ферлагс и Ко. КГ против Австрии против Австрии (News Verlags GmbH & Co. KG v. Austria)*, № 31457/96, § 56, ЕСПЧ 2000-I). В настоящем деле Правительство сочло, что цель судебного запрета заключалась в предотвращении нарушения права судьи Басковой на справедливое судебное разбирательство и ее авторитету в качестве судьи. Заявитель могла чрезмерно сильно подорвать авторитет судьи, продолжая публиковать репортажи о судебном споре, стороной которого она являлась, и который в это время рассматривался судами. Если у нее были сомнения в корректности поведения судьи, она могла бы направить жалобу в квалификационную коллегия судей.

В. Оценка Суда

19. Суд напоминает о том, что свобода выражения мнения представляет собой одну из несущих опор демократического общества, основополагающее условие его прогресса и самореализации каждого его члена. (см. постановление по делу *Лингенс против Австрии (Lingens v. Austria)* от 8 июля 1986 года, Серия А № 103, стр. 26, § 41). В соответствии с пунктом 2 она применима не только к «информации» и «идеям», которые встречаются благоприятно или рассматриваются как безобидные либо нейтральные, но также и к таким, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство. Таковы требования плюрализма, толерантности и либерализма, без которых нет «демократического общества». Учитывая ключевую роль прессы в демократическом

обществе, ее долгом является передача – способом, соответствующим ее «обязанностям и ответственности» – информации и идей относительно любых вопросов, вызывающих общественный интерес. Не только пресса имеет перед собой задачу передачи такой информации и идей, но также и общественность имеет право на их получение (см., среди многих других источников, постановления по делам *Бладет Тромсё и Стенсаас против Норвегии (Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway)* [БП], № 21980/93, §§ 59 и 62, ЕСПЧ 1999-III и *Коломбани и другие против Франции (Colombani and others v. France)*, № 51279/99, § 55, ЕСПЧ 2002-V).

20. Относительно факта вмешательства в осуществление Заявителем своего права на свободное выражение мнения, Суд напоминает, что журналисты могут считать себя «жертвами» предварительного судебного запрета в той степени, в которой он помешал им при сборе сведений и подготовки публикаций (см., в качестве классического источника, постановления по делам *Таймс, Санди Таймс, Гарольд Эванс против Великобритании (Times Newspaper Ltd., the Sunday Times, Harold Evans v. the United Kingdom)*, № 6538/74, решение Комиссии от 21 марта 1975 года, Решения и отчёты 2, стр. 90; и *Обсервер и Гардиан против Великобритании (Observer and Guardian v. the United Kingdom)* от 26 ноября 1991 года, §§ 9 и 49, Серия А № 216). В настоящем деле промежуточный судебный запрет был выпущен в рамках судебных разбирательств, стороной в которых являлась Заявитель в качестве соответчика. Запрет означал, что редакция не сможет опубликовывать какие-либо материалы любого автора, включая Заявителя, в той степени, в которой они имеют отношение к ДТП и искам о возмещении ущерба (см. пункт 12 выше). Отсюда следует, что оспоренный судебный запрет от 7 марта 2003 года непосредственно сказался на деятельности Заявителя, что явилось вмешательством в осуществление ею права на свободу выражения мнения с точки зрения пункта 1 статьи 10 Конвенции.

21. Не подлежит сомнению тот факт, что вмешательство было «предусмотрено законом», а именно положениями Гражданского процессуального кодекса РФ, регламентирующими применение обеспечительных мер. В том, что касается законной цели вмешательства, стороны согласились с тем, что одной из них была защита репутации других лиц. Далее Правительство сообщило о том, что вмешательство также преследовало цель поддержания авторитета правосудия. Заявитель оспорила этот аргумент. Суд, в свою очередь, готов признать, что одной из законных целей, которые преследовал судебный запрет, была цель «обеспечения авторитета правосудия», поскольку эта фраза предполагает

защиту прав тяжущихся сторон и поскольку целью судебного запрета было рассмотрение иска о защите чести и достоинства, не нанося ущерба правам истца, способствуя тому, на предотвращение чего был нацелен иск. (срав. постановление по делу *Обсервер и Гардиан против Великобритании*, упомянутое выше, § 56). Таким образом, остается ответить на вопрос о том, было ли вмешательство «необходимо в демократическом обществе».

22. В данном деле оспоренная мера касалась публикации «любых статей, писем или других материалов» об обстоятельствах ДТП с участием судьи Басковой или судебных разбирательствах в отношении этого происшествия. Хотя статья 10 не содержит запрета на предварительные ограничения публикаций или распространение как таковое, Суд подчеркивает, что опасности, которые такого рода ограничения сулят демократическому обществу, таковы, что они требуют самого пристального контроля, который он и осуществит при рассмотрении настоящего дела (см. постановления по делам *Эдисьон Плон против Франции (Editions Plon v. France)*, № 58148/00, § 42, ЕСПЧ 2004-IV; *Ассоциация «Экин» против Франции (Association Ekin v. France)*, № 39288/98, § 56, ЕСПЧ 2001-VIII; и *Обсервер и Гардиан против Великобритании*, упомянутое выше, § 60). Поскольку на карте оказалась свобода прессы, российские власти имели весьма узкие границы свободы усмотрения при принятии решения о существовании «острой социальной необходимости» для принятия известных мер (см. постановление по делу *Эдисьон Плон против Франции*, упомянутое выше, § 44).

23. В отношении фактов, Суд замечает, что на рассмотрении одновременно находились два гражданских иска, оба из которых были поданы судьей Басковой. Первый иск содержал требование возмещения ущерба, нанесённого г-ном П. в связи с произошедшим ДТП. В рамках второго разбирательства судья Баскова обратилась с иском против редакции газеты, Заявителя и г-жи П. за распространение порочащих сведений в статье, касавшейся обстоятельств аварии и судебного процесса, проводившегося по этому поводу. Обжалованный временный судебный запрет был вынесен в ходе второго судебного разбирательства, однако касался он освещения событий первого судебного процесса или самого ДТП. Судебный запрет оставался в силе на всём протяжении разбирательств по иску о защите чести и достоинства.

24. Суд напоминает, что проверка на «необходимость в демократическом обществе» оспоренной меры предполагает демонстрацию того, что

предпринятое действие преследовало законную цель, и что степень вмешательства в осуществление гарантированных прав была не больше той, которая была необходима для достижения этой цели (см. постановление по делу *Барттик против России (Bartik v. Russia)*, № 55565/00, § 46, ЕСПЧ 2006-...).

25. Несмотря на то, что национальные суды расценили запрет как обоснованный в качестве средства защиты репутации других и обеспечения авторитета правосудия, доводы, выдвинутые в его обоснование, не кажутся Суду достаточными. Теперь Суд по очереди рассмотрит две стороны судебного запрета, одну, касающуюся запрета на публикацию информации о ДТП и вторую, касающуюся запрета на публикации о ходе разбирательств по гражданскому иску о возмещении ущерба.

26. В том, что касается запрета на распространение информации о фактических обстоятельствах транспортного происшествия с участием г-жи Басковой, Суд в самом начале отмечает, что Заявитель не предложил какую-либо конкретную версию инцидента как достоверную или единственно возможную, а скорее представил несколько возможных вариантов развития событий, изложенных г-ном и г-жой П., г-жой Басковой в ее исковом заявлении, сотрудниками ГИБДД и свидетелями. Ни одна из этих версий не была оспорена как недостоверная или неточная в ходе разбирательств, предмет которых был ограничен утверждением о связях судьи Басковой в судебных структурах (см. пункт 9 выше). При вынесении судебного запрета в рамках процесса о защите чести и достоинства, районный суд просто сослался на тот факт, что была назначена техническая экспертиза, без объяснения причины, по которой он полагал, что дальнейшее изучение вопроса или публикации относительно фактических обстоятельств ДТП могут пагубно сказаться на исходе разбирательств. К тому же, поскольку г-жа Баскова оказалась вовлеченной в происшествие в качестве частного лица, Суд считает, что судебный запрет на дальнейшие публикации о ДТП едва ли способствовал достижению цели обеспечения авторитета правосудия.

27. Относительно запрета на освещение незаконченных судебных разбирательств по иску о возмещении ущерба, Суд признает, что обвинение, содержащееся в письме г-жи П. – о том, что судья Баскова злоупотребила своим служебным положением и связями в судебном сообществе – действительно могло нанести вред ее репутации и авторитету судебной системы. Вместе с тем, хотя судебный запрет соответствовал

законной цели, для достижения которой он и был вынесен, по мнению Суда, он был сформулирован чрезмерно широко и несоразмерно данной цели. Необходимо отметить, что в российской правовой системе нет эквивалента правилу *sub judice*, и право на освещение событий проходящих процессов, в принципе, неограниченно. Аргумент Правительства о том, что, невзирая на судебный запрет, разбирательства по иску о возмещении ущерба сохранили свою публичность, несущественен, так как Заявитель утверждала, что было нарушено ее право на распространение информации, а не право на открытый судебный процесс. В этой связи Суд напоминает, что обязанность прессы по распространению информации и идей по всем вопросам, вызывающим общественный интерес, предполагает и освещение событий судебных разбирательств, что способствует большей осведомленности общественности, и, следовательно, полностью отвечает требованиям пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении публичности слушаний (см. постановление по делу *News Verlags GmbH & Co. KG против Австрии*, упомянутое выше, § 56). Для оценки Суда существенно, что судебный запрет был применен не только по отношению к конкретному утверждению о попытке судьи Басковой получить преимущество в процессе ненадлежащим образом, а скорее, в общем, и неквалифицированном виде, касался возможности размещения абсолютно любого материала, касавшегося известных разбирательств. Суд не может согласиться с тем, что подобный широкий запрет был «необходим в демократическом обществе». Он согласен с Заявителем в том, данный судебный запрет не способствовал укреплению авторитета судебной власти, так как его использование сделало судебный процесс менее прозрачным и могло вызвать сомнения в беспристрастности суда, поскольку «необходимо не только осуществлять правосудие, но и показывать это осуществление» (см. постановление по делу *Де Куббер против Бельгии (De Cubber v. Belgium)* от 26 октября 1984 года, Серия А № 86, стр. 14, § 26). Для Суда также чрезвычайно важно, что одной из заявленных целей применения судебного запрета, была необходимость предотвратить публикацию в газете материалов, в которых «излагалась противоположная точка зрения». Суд напоминает, что возможность выражения различных взглядов является самой сутью плюрализма, без которого нет «демократического общества».

28. Принимая во внимание изложенное выше, Суд делает заключение о том, что, применив судебный запрет к деятельности Заявителя, чрезмерно широкий, учитывая законные цели, которые преследовало его использование, национальные органы власти вышли за рамки свободы

усмотрения, отпущенного им в делах, в которых фигурируют ранее применявшиеся ограничения публикаций (см. постановление по делу *Эдисон Плон против Франции*, упомянутое выше).

29. Имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

II. Применение статьи 41 Конвенции

30. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

31. Заявитель потребовал 1 000 евро в качестве возмещения морального ущерба.

32. Правительство расценило этот иск как чрезмерный и необоснованный.

33. Суд считает, что Заявитель понес моральный ущерб, который не может быть полностью компенсирован одной лишь констатацией имевшего место нарушения. Проведя оценку на справедливой основе, Суд удовлетворяет иск Заявителя в размере 1 000 евро с добавлением суммы любого налога, которым может облагаться вышеуказанная сумма.

B. Расходы и издержки

34. Заявитель не потребовал возмещения судебных расходов.

C. Процентная ставка

35. Суд считает целесообразным принять процентную ставку в соответствии с предельным размером ссудного процента Европейского Центрального Банка, к которому должны быть добавлены три процентных пункта.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;

2. *Постановляет*,

(a) что Государство-ответчик обязано выплатить заявителю, в течение трех месяцев с момента окончательного вступления данного решения в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции 1 000 евро (одну тысячу евро) в качестве компенсации морального ущерба с последующим их пересчетом в валюту Государства-ответчика по курсу, действующему на момент расчета плюс сумму любого налога, которым могут облагаться суммы, указанные выше;

(b) что с момента истечения вышеуказанных трех месяцев до момента выплаты на суммы, указанные выше, выплачиваются простые проценты в размере предельного ссудного процента Европейского центрального банка в течение периода выплаты процентов с добавлением трех процентных пунктов.

Выполнено на английском языке, представлено в письменной форме 8 января 2009 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Христос Розакис
Сорен Нильсен

Председатель Суда
Секретарь Секции

© Центр Защиты Прав СМИ,
перевод с английского, 2009

**Судебная практика
Европейского Суда по правам человека
по свободе выражения мнения и свободе информации**

Том 6

Редактор - Г. Ю. Арапова
Составители – Г. Ю. Арапова, С. И. Кузеванова,
М. А. Ледовских
Правовое редактирование – Г. Ю. Арапова

Перевод с английского Центра Защиты Прав СМИ
(М. Н. Залата, В. А. Бушин) и
Института проблем информационного права (г. Москва)

Художественное оформление - И. Ю. Ледовских

Подписано в печать 25.09.2009
Формат 60x84/16 Бумага офсетная
Усл. печ. л. 13 Тираж 1000 экз.
Заказ № 26

Отпечатано ООО Фирма «Элист»
394000, г.Воронеж, ул.Никитинская, 19